

МИФОЛОГОС

Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования.»

№ 2(6)

*Севастополь
2023*

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

МИФОЛОГОС

№ 2 (6)

Серия «Человек мифический:
антропология, психология,
КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

2023

MYTHOLOGOS

№ 2 (6)

The Mythical Man:
Anthropology, Psychology,
Cognitive Studies

2023

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ООО «ТБС Пабблишинг»

Регистрационный ПИ №

ISBN 978-5-907330-98-6

ISSN

DOI:

Подписной индекс

«Объединенный каталог: Пресса России. Газеты и журналы»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ставицкий Андрей Владимирович, *главный редактор*, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат философских наук.

Мартынкин Андрей Владимирович, заведующий кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат исторических наук.

Теплова Любовь Ивановна, доцент кафедры иностранных языков Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат филологических наук.

Галанова Екатерина Михайловна, доцент кафедры русского языка и литературы Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат филологических наук.

Ильянович Екатерина Борисовна, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», кандидат философских наук, доцент.

Кузина Ольга Андреевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат филологических наук (ученый секретарь).

Олефиренко Ольга Михайловна, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат политических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алентьева Татьяна Викторовна, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (г. Курск, Россия).

Анчев Стефан Иванов, заслуженный доцент кафедры новой и новейшей истории факультета истории Университета св. Кирилла и Мефодия, доктор истории (г. Велико Тырново, Республика Болгария).

Апаева Софья Хусеиновна, декан Кыргызско-китайского факультета, доцент кафедры Китайского языка и литературы Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, кандидат филологических наук, доцент (г. Бишкек, Кыргызстан).

Арпентьева Мариям Равильевна, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия).

Баранов Андрей Владимирович, профессор кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар, Россия).

Габриелян Олег Аршавирович, заведующий кафедрой философии, декан Философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный

университет имени В.И. Вернадского», доктор философских наук, профессор (г. Симферополь, Россия).

Гагаев Павел Александрович, профессор кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», доктор педагогических наук, профессор (г. Пенза, Россия).

Гарбузов Дмитрий Викторович, профессор кафедры философии Философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», доктор философских наук, доцент (г. Симферополь, Россия).

Евлампиев Игорь Иванович, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Завершинский Константин Федорович, профессор кафедры теории и философии Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Иванов Андрей Геннадиевич, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», доктор философских наук, доцент (г. Липецк, Россия).

Карабыков Антон Владимирович, профессор кафедры философии социально-гуманитарного профиля ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, доцент (г. Симферополь, Россия).

Кирюхина Елена Михайловна, профессор кафедры "История, философия и социология" биоэкологического факультета ФГБОУ ВО "Нижегородский государственный агротехнологический университет", доктор культурологии, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

Корнилова Елена Николаевна, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», доктор филологических наук (г. Москва, Россия).

Королева Светлана Борисовна, профессор кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова», доктор филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

Крайнов Григорий Никандрович, профессор кафедры политологии, истории и социальных технологий ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия).

Лесовиченко Андрей Михайлович, ведущий научный сотрудник научно-аналитического отдела Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского (г. Москва, Россия).

Маленко Сергей Анатольевич, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии ФБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», доктор философских наук, профессор (г. Великий Новгород, Россия).

Мартишина Наталья Ивановна, заведующий кафедрой философии и культурологии ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный университет путей сообщения», доктор философских наук, профессор (г. Новосибирск, Россия).

Найдыш Вячеслав Михайлович, профессор кафедры онтологии и теории познания ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия).

Некита Андрей Григорьевич, профессор кафедры философии, культурологии и социологии ФБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», доктор философских наук, профессор (г. Великий Новгород, Россия).

Пивоев Василий Михайлович, профессор кафедры общеправовых и гуманитарных дисциплин Северного института (филиала) ФГБОУ «Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ)» в г. Петрозаводске, доктор философских наук,

профессор (г. Петрозаводск, Россия).

Пименова Марина Владимировна, ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тян-Шанского», доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Поздьева Светлана Михайловна, профессор кафедры философии и политологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», доктор философских наук, профессор (г. Уфа, Россия).

Тимошук Алексей Станиславович, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВЮИ ФСИН России, доктор философских наук, доцент (г. Владимир, Россия).

Тихонова Софья Владимировна, профессор кафедры теоретической и социальной философии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», доктор философских наук, доцент (г. Саратов, Россия).

Фиденко Юлия Леонидовна, декан музыкального факультета, профессор кафедры истории музыки ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный институт искусств», доктор искусствоведения, доцент (г. Владивосток, Россия).

Филимонова Мария Александровна, ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Центр изучения США», ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук (г. Курск, Россия).

Царева Надежда Александровна, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Дальневосточный технический рыбохозяйственный университет», доктор философских наук, доцент (г. Владивосток, Россия).

Яковлева Елена Людвиговна, заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин ФГБОУ ВПО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева», д. философских наук, кандидат культурологии, профессор (г. Казань, Россия).

Электронный научный журнал теоретических и прикладных исследований

Индексируется РИНЦ, E-library

Издается с 2022 года. Журнал выходит 4 раза в год

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

© ООО «ТБС Пабблишинг»

© Авторы

МИФОЛОГОС.

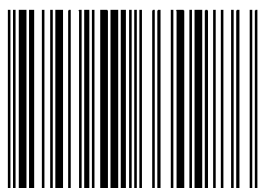
Серия «Человек мифический: антропология, психология,
когнитивные исследования». № 2 (6), 2023. 189 с.

Подписано в печать

Формат 79x100/16

Усл. печ. л. 28

ISBN 978-5-907330-98-6

9 785907 330986 >

COFOUNDERS:

Lomonosov Moscow State University, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education

LLC «TBS Publishing»

Registration number № ФС

ISBN 978-5-907330-98-6

ISSN

DOI:

EDITORIAL BOARD:

Stavitsky Andrey Vladimirovich, *Editor-in-Chief*, Associate Professor of the Department of History and Foreign Affairs of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philosophy.

Martynkin Andrey Vladimirovich, Head of the Department of History and Foreign Affairs of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in History.

Teplova Lyubov Ivanovna, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philology.

Galanova Ekaterina Mikhailovna, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Literature of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philology.

Ilyanovich Ekaterina Borisovna, Associate Professor of the Department of Philosophy of Vernadsky Crimean Federal University, PhD in Philosophy.

Kuzina Olga Andreevna, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philology.

Olefirenko Olga Mikhailovna, Senior Lecturer of the Department of History and Foreign Affairs of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Political Sciences.

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Alentyeva Tatiana Viktorovna, Professor, Department of General History, Faculty of History, Kursk State University, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kursk, Russia).

Anchev Stefan Ivanov, Associate Professor, Department of New and Modern History, Faculty of History, St. Cyril and Methodius University, Doctor of History (Veliko Tarnovo, Republic of Bulgaria).

Apaeva Sofia Khuseinovna, Dean of the Kyrgyz-Chinese Faculty, Associate Professor of Chinese Language and Literature, Jusup Balasagyn Kyrgyz National University, PhD in Philology, Associate Professor (Bishkek, Kyrgyzstan).

Arpentieva Mariyam Ravilievna, Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Associate Professor (Moscow, Russia).

Baranov Andrey Vladimirovich, Professor, Department of Political Sciences and Political Management, Kuban State University, Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Krasnodar, Russia).

Gabrielyan Oleg Arshavirovich, Head of the Department of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Professor (Simferopol, Russia).

Gagaev Pavel Aleksandrovich, Professor, Department of Pedagogy, Penza State University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Penza, Russia).

Garbuzov Dmitriy Viktorovich, Professor, Department of Philosophy, Faculty of Philosophy, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Simferopol, Russia).

Evlampiev Igor Ivanovich, Professor, Department of the Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg, Russia).

Zavershinsky Konstantin Fedorovich, Professor, Department of Theory and Philosophy, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia).

Ivanov Andrey Gennadievich, Head of the Department of Philosophy, Lipetsk State Technical University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Lipetsk, Russia).

Karabykov Anton Vladimirovich, Professor, Department of Philosophy of Socio-Humanitarian Profile, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Simferopol, Russia).

Kiryukhina Elena Mikhailovna, Professor, Department "History, Philosophy and Sociology", Faculty of Bioecology, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

Kornilova Elena Nikolaevna, Professor, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philological Sciences (Moscow, Russia).

Koroleva Svetlana Борисовна, Professor, Department for teaching Russian as a native and foreign language at Lomonosov Moscow State University, Nizhny Novgorod, Russia. D. in Philology, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

Kraynov Grigory Nikandrovich, Professor, Department of Political Science, History and Social Technologies, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Russian University of Transport", Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia).

Lesovichenko Andrey Mikhailovich, Leading Researcher, Research and Analytical Department, Tchaikovsky Moscow State Conservatory (Moscow, Russia).

Malenko Sergey Anatolievich, Head of Chair of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Doctor of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod, Russia).

Martishina Natalya Ivanovna, Head of Chair of Philosophy and Cultural Studies, Siberian State University of Railway Transport, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia).

Naydysh Vyacheslav Mikhailovich, Professor, Chair of Ontology and Theory of Knowledge, FGBOU VPO "Peoples' Friendship University of Russia", Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia).

Nekita Andrey Grigorievich, Professor, Chair of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Doctor of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod, Russia).

Pivoev Vasily Михайлович, Professor, Department of General Legal and Humanitarian Disciplines, Northern Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Justice Ministry) in Petrozavodsk, Doctor of Philosophy, Professor (Petrozavodsk, Russia).

Pimenova Marina Vladimirovna, Rector. Semyonov – Tien-Shansky International Humanitarian University, Doctor of Philological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia).

Pozdyaeva Svetlana Mikhailovna, Professor, Chair of Philosophy and Political Science, Bashkir State University, Doctor of Philosophy, Professor (Ufa, Russia).

Timoshchuk Aleksey Stanislavovich, Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Russian Federal Law Enforcement Agency, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Vladimir, Russia).

Tikhonova Sofia Vladimirovna, Professor of Theoretical and Social Philosophy Department, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevskiy, PhD, Associate Professor (Saratov, Russia).

Fidenko Yulia Leonidovna, Dean of the Faculty of Music, Professor, Department of History of Music, Far Eastern State Institute of Arts, Doctor of Art History, Associate Professor (Vladivostok, Russia).

Filimonova Maria Alexandrovna, Leading Researcher, Research Laboratory "Center for US Studies", Kursk State University, PhD in History (Kursk, Russia).

Tsareva Nadezhda Aleksandrovna, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Far Eastern Technical University of Fisheries, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Vladivostok, Russia).

Yakovleva Elena Lyudvigovna, Head of the Department of Philosophy and Social and Political Disciplines, V. G. Timiryazov Kazan Innovative University, Doctor of Philosophy, Candidate of Cultural Sciences, Professor (Kazan, Russia).

Electronic scientific journal of theoretical and applied research

The journal is indexed by Russian Science Citation Index (RSCI), E-library

The journal has been published since 2022.

4 issuer per year.

All rights reserved.

Copying of materials from the journal is permitted only in agreement with the editorial board.

© Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Professional Education
"Lomonosov Moscow State University".

© LLC «TBS Publishing»

© Authors

MYTHOLOGOS.

The Mythical Man: Anthropology, Psychology,
Cognitive Studies.

no 2 (6), 2023. 189 p.

СОДЕРЖАНИЕ	
Редакционная коллегия	2
Содержание	8
Введение	10
ЛИЧНОСТЬ И ЭКЗИСТЕНЦИЯ	
<i>Арпентьева М.Р.</i> Мифологема субъектности в контексте «третьей современности»	12
<i>Царева Н.А.</i> Миф о постчеловеке в концепции трансгуманизма: экзистенциальные и социальные угрозы	29
ЛИЧНОСТЬ И ЭКЗИСТЕНЦИЯ	
<i>Ставицкий А.В.</i> Наука о мифе и мифологическом мышлении: антропологический аспект	38
<i>Арпентьева М.Р. Вереш П.Т.</i> Мифы интеллекта и креативности	51
<i>Ставицкий А.В.</i> Эпистемология мифа: тайны мифологического мышления	67
МИФЫ И СИМВОЛЫ ТРАДИЦИИ	
<i>Вайрах Ю.В.</i> Мифологический потенциал символического признака ‘кровь’ в структуре макроконцепта ‘род’	82
<i>Викторова В.Д.</i> Знаки цвета в мифах населения родового общества	93
<i>Пименова М.В., Вайрах Ю.В.</i> Актуализация символического признака ‘творец’ в структуре макроконцепта <i>род</i>	106
ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ МИРОВ	
<i>Осьмушина А.А.</i> О лингвистической реализации мифа	122
<i>Пименова М.В., Ибраимова Г.О.</i> Когнитивная модель «мать – земля/ нива/ поле» и способы ее актуализации	133
АРХЕТИПЫ И ЭВОЛЮЦИЯ	
<i>Резвушкина С.А.</i> Мифологические и философско-антропологические основания архетипа героя в современной массовой культуре	144
<i>Иванов А.Г.</i> Мифологическое измерение ностальгии	152
<i>Шинкаренко В.Д.</i> Миф и секс	166
<i>Авторы</i>	181

CONTENT	
Editorial Board	2
Content	8
Foreword	10
PERSONALITY AND EXISTENTIA	
<i>Arpentieva M.R.</i> Mythologeme of Subjectivity in the Context of the "Third Modernity"	12
<i>Tsareva N.A.</i> Myth about Posthuman in the Concept of Transhumanism: Existential and Social Threats	29
MYTHOLOGICAL THINKING	
<i>Stavitsky A.V.</i> Science of Myth and Mythological Thinking: Anthropological Aspect	38
<i>Arpentieva M.R.</i> Veresh P.T. Myths of Intelligence and Creativity	51
<i>Stavitsky A.V.</i> Epistemology of Myth: Secrets of Mythological Thinking	67
MYTHS AND SYMBOLS OF TRADITION	
<i>Vairakh Yu.V.</i> Mythological Potential of the Symbolic Sign 'Blood' in the Structure of the Macroconcept 'Kin'	82
<i>Viktorova V.D.</i> Signs of Colour in the Myths of the Population of the Tribal Society	93
<i>Pimenova M.V., Vairakh Y.V.</i> Actualisation of the Symbolic Attribute 'Creator' in the Structure of the Macroconcept 'Kin'	106
LINGUO-COGNITIVE MODELS OF WORLDS	
<i>Osmushina A.A.</i> About Linguistic Realisation of Myth	122
<i>Pimenova M.V., Ibraimova G.O.</i> Cognitive Model "Mother - Earth/Floor/Field" and Ways of its Actualisation	133
ARCHETYPES AND EVOLUTION	
<i>Revzvushkina S.A.</i> Mythological and Philosophical-anthropological Bases of the Hero Archetype in Modern Mass Culture	144
<i>Ivanov A.G.</i> Mythological Dimension of Nostalgia	152
<i>Shinkarenko V.D.</i> Myth and Sex	166
Authors	181

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемые коллеги, друзья, читатели!

Перед вами шестой номер научного периодического журнала «Мифологос» – первого и единственного журнала в РФ, содержание которого целиком посвящено теме мифа и мифотворчества во всех его формах и проявлениях.

Сей факт кажется диким, однако в науке так сложилось, что миф был растащен по отдельным специализациям, в результате чего оказались разделены и исследователи мифа, специализируясь на той или иной его составляющей без особой необходимости знать и изучать миф как целое. Поэтому в РФ нет ни института мифологии, ни кафедр, ни диссоветов по мифу, хотя его тематика обширна, и лишь порой отдельными энтузиастами проводились конференции по тем или иным аспектам мифа. Например, литературным мифам, фольклору, мифам искусства или повседневности. И лишь с 2017 г., когда была запущена ежегодная Международная конференция «Миф в истории, политике, культуре» современные мифологи получили площадку для обсуждения своих проблем и смогли активно обмениваться новыми идеями.

Впрочем, структура журнала вынуждает разделять миф хотя бы тематически. И если сборники трудов «Миф в истории, политике, культуре», представленные на сайте Филиала МГУ в г. Севастополе¹, разделяет мифологические темы на 12 основных разделов, то журнал «Мифологос» делится на четыре основных направления:

1) «Философия мифа: онтология, аксиология, методология», в котором разбираются самые базовые аспекты мифа и мифотворчества, включая эпистемологию и морфологию мифа.

2) «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», где в центре исследований находится человек с его склонностью к тотальному мифотворчеству даже тогда, когда во главу угла он ставит рациональность и логику.

3) «Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор», рассматривающий, как миф взаимодействует с базовыми аспектами и элементами культуры, выступая своеобразным мостом между мифом классическим и современным.

4) «Миф и общество: история, политика, социология», предлагающий самое востребованное пространство прикладных исследований, где миф не просто выступает инструментом политики, но превращается в грозное оружие, способное уничтожить или преобразовать не только сознание человека, но и страны, государства, цивилизации.

Данный номер 2023 года посвящён второму направлению и связан с тематикой, которую ныне объединяют когнитивистикой, включая проблемы изучения мозга, мышления, сознания через мифы и мифотворчество.

В этот раз содержание журнала разбито на пять частей, которые выстроены и сгруппированы в разделы:

---

¹ Сайт Филиала МГУ в г. Севастополе. URL: <https://sev.msu.ru/mif-v-istorii-politike-kul-ture/>

1) «Личность и экзистенция», где были размещены статьи М.Р. Арпентьевой («Мифологема субъектности в контексте "третьей современности"») и Н.А. Царевой («Миф о постчеловеке в концепции трансгуманизма: экзистенциальные и социальные угрозы»).

2) «Мифологическое мышление», куда вошли две статьи А.В. Ставицкого («Наука о мифе и мифологическом мышлении: антропологический аспект» и «Эпистемология мифа: тайны мифологического мышления»), а также работа М.Р. Арпентьевой и П.Т. Вереша («Мифы интеллекта и креативности»).

3) «Мифы и символы традиции», включивший статьи Ю.В. Вайрах («Мифологический потенциал символического признака 'кровь' в структуре макроконцепта 'род'») и В.Д. Викторовой («Знаки цвета в мифах населения родового общества»), а также совместную работу М.В. Пименовой и М.В. Вайрах («Актуализация символического признака 'творец' в структуре макроконцепта 'род'»).

4) «Лингво-когнитивные модели миров» с трудом А.А. Осьмушиной («О лингвистической реализации мифа»), а также статьёй М.В. Пименовой и Г.О. Ибраимовой («Когнитивная модель «мать – земля/ нива/ поле» и способы ее актуализации»).

5) «Архетипы и эволюция», где были размещены статьи С.А. Резвушкиной («Мифологические и философско-антропологические основания архетипа героя в современной массовой культуре»), А.Г. Иванова («Мифологическое измерение ностальгии») и В.Д. Шинкаренко («Миф и секс»).

Отметим, что все эти статьи раскрывают особенности психологии мифологического восприятия и мышления, чтобы, освещая природу и смысл мифотворчества, показать, как с помощью мифа человек проявляет себя и обживает свой мир, создавая свою метареальность.

В заключение напоминаем, журнал «Мифологос» ищет новых авторов среди исследователей мифа, равно как известных, авторитетных, так и молодых, которые в исследовании мифа видят своё призвание и судьбу, чтобы соответствовать максимальным требованиям, которые предъявляет наука к исследованиям.

Всего вам доброго!
С уважением,
главный редактор журнала «Мифологос»
Андрей В. Ставицкий

ЛИЧНОСТЬ И ЭКЗИСТЕНЦИЯ

УДК 159.98

МИФОЛОГЕМА СУБЪЕКТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ «ТРЕТЬЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

Арпентьева Мариям Равильевна
(Калуга, Россия)

Аннотация

Проблема субъектности является одной из ведущих проблем человеческого существования, сейчас, в XXI веке, она обрела особую актуальность. Десубъективизация человеческой жизнедеятельности и отношений людей современности во многом связана с возникновением и проникновением в социальную жизнь различных типов псевдосубъектов, в первую очередь, речь идет о создании и активном внедрении в жизнь сообществ цифровых и биоцифровых «аналогов» человека: роботов и иных «умных устройств», а также о многочисленных попытках создания химер (гибридов животного и человека) и иных вариантах нормализации расчеловечивающих форм активности и отношений, включая направленную примитивизацию и блокаду развития основной части населения планеты. Расчеловечивание человека параллельно с очеловечиванием, попытками наделять субъектностью «умные устройства» и животных / химер, обозначили наступление «кризиса субъектности», тотальную мифологизацию всех составляющих понятийного поля «субъектности». Выход из этого кризиса – в обретении нового понимания человеком себя в мире создаваемых им и окружающими его субъектами псевдосубъектных, имитирующих субъектность и создающих иные условия расчеловечивания биоцифровых технологий и устройств, выделении сущностных сторон субъектности человека, человеческой субъектности как «человечности».

Ключевые слова: субъектность, антисубъектность, мифологизация субъектности, кризис субъекта, человечность, человеческая субъектность.

THE MYTHOLOGEM OF SUBJECTNESS IN THE CONTEXT OF THE “THIRD MODERNITY”

Arpentieva Mariam Ravilievna
(Kaluga, Russia)

Annotation

The problem of subjectivity is one of the leading problems of human existence; now, in the 21st century, it has gained particular relevance. The desubjectivization of human life and relations of people of our time is largely associated with the emergence and penetration into social life of various types of pseudo-subjects, first of all, we are talking about the creation and active implementation of communities of digital and biodigital “analogues” of a person: robots and other “smart devices”, as well as numerous attempts to create chimeras (animal and human hybrids) and other options for normalizing dehumanizing forms of activity and relationships, including directed primitivization and blockade of the development of the main part of the planet's population. The dehumanization of a person in parallel with humanization, attempts to endow “smart devices” and animals / chimeras with subjectivity, marked the onset of a “crisis of subjectivity”, a total mythologization of all components of the conceptual field of “subjectivity”. The way out of this

crisis is in the acquisition of a new understanding by a person of himself in the world of pseudo-subjectives created by him and the subjects around him, imitating subjectivity and creating other conditions for the dehumanization of biodigital technologies and devices, highlighting the essential aspects of human subjectivity, human subjectivity as "humanity".

Key words: subjectivity, anti-subjectivity, mythologization of subjectivity, crisis of the subject, humanity, human subjectivity.

Введение

Общие основания исследований мифов. Ключевые вопросы исследований мифов и мифотворчества связаны с ролью и содержательными характеристиками мифов как формы постижения человеком себя и мира. Онтологические, эпистемологические и аксиологические характеристики мифотворчества человека и человеческого общества могут быть существенно различными: так, в одних случаях, мифотворчество является предшествующей научному, «объективному» постижению мира формой, в других – альтернативной, ненаучной или даже антинаучной. Вопрос соотношения мифологического представления о той или иной реальности и самой реальности является одним из ведущих на протяжении всей истории человека, но в периоды первой (модерна, увлеченного созданием новых мифов как перспектив понимания реальности), второй (постмодерна, увлеченного созданием фиктивных реальностей – «правд» – и утверждением отсутствия «единой», истинной реальности как таковой) и текущей, «третьей современности», (постпостмодернистских поисков стабильных опор понимания, исследования человеком себя и мира), она приобретает небывалую значимость. С решением вопроса о мифах в «третьей современности» оказывается связано само существование человека как понимающего / сознающего, развивающегося / изменяющегося и активного / субъекта существа. Постмодерн привел человека к идее игры в реальность, в том числе десубъективизации как игры в самого себя и в окружающий мир. Постпостмодерн предлагает две ведущие альтернативы: 1) отказ от реальности и субъектности и, вместе с тем, от человечности, ее понимания, утверждения / подтверждения и развития; и 2) поиск истин, лежащих в основе субъектности, постижение человеческой субъектности как человечности.

Актуальность исследования. Проблема субъектности является одной из ведущих проблем человеческого существования, сейчас, в XXI в., она обрела особую актуальность. Десубъективизация человеческой жизнедеятельности и отношений людей современности во многом связана с возникновением и проникновением в социальную жизнь различных типов псевдосубъектов, в первую очередь, речь идет о создании и активном внедрении в жизнь сообществ цифровых и биоцифровых «аналогов» человека: роботов и иных «умных устройств», а также о многочисленных попытках создания химер (гибридов животного и человека) и иных вариантах нормализации расчеловечивающих форм активности и отношений, включая направленную примитивизацию и блокаду развития основной части населения планеты. Расчеловечивание человека параллельно с очеловечиванием, попытками наделить субъектностью «умные устройства» и животных / химер, обозначили наступление «кризиса субъектности», тотальную мифологизацию всех составляющих понятийного поля «субъектности». Выход из этого кризиса – в обретении нового понимания человеком себя в мире создаваемых им и окружающими его субъектами псевдосубъектных, имитирующих субъектность и создающих иные условия расчеловечивания биоцифровых технологий и устройств, выделении существенных сторон субъектности человека, человеческой субъектности как «человечности».

Цель исследования – анализ ведущих альтернатив понимания субъектности человека в контексте «третьей современности»: 1) мифотворческий отказ от реальности и субъектности и, вместе с тем, от человечности, ее понимания, утверждения / подтверждения и развития; формирование мифов квазисубъектности и квазичеловечности; 2) мифотворчество как формирование обновленного и уточненного предметно-понятийного поля «человеческой субъектности», поиск истин, лежащих в основе субъектности, постижение человеческой субъектности как человечности

Перспективы исследования связаны с анализом основных черт и последствий выбора человеком и человечеством выделенных альтернатив. На наш взгляд, первая из альтернатив представляет собой попытку возвращения к представлениям «второй» субъектности, имеющей последствиями десубъективизацию и расчеловечивание. Вторая из альтернатив дает возможность утонить понимание человеческой субъектности и наметить пути, которыми современное общество и современные люди могут достичь состояния собственно человеческого.

Методы (Methods)

Метод исследования – теоретический анализ и синтез проблем мифологизации субъектности человеческой жизни.

Методологическая основа исследования – феноменологический подход к пониманию человеческой субъективности.

Литературный обзор (Literature Review)

Проблематика мифологизации субъективности остается практически неизученной, несмотря на то очевидность функционирующих в современных сообществах нескольких порой кардинально различных по полноте, научности («объективности») и спекулятивности («популизму») моделей субъектности человека и иных (живых и неживых) существ. Мы полагаем, что в рассмотрении мифов субъектности человека и иных существ нужно обратиться к понятию мифологема Мифологэма (как понятие введено в научный оборот К.Г. Юнгом и К. Кереньи) выступает как составляющая ментальности, характеристика специфичности сознания человека «третьей современности» включает в себя – мифологические сюжеты, сцены, характеризующиеся глобальностью, универсальностью и имеющие широкое распространение в разных культурах, опирающийся на некий «мифологический архетип», приобретающий в разные периоды человеческого развития различные черты [Кереньи, Юнг, 1997: 13].

В контексте науки можно говорить о филосоеме – основных положениях, философской / научной идее, лежащей в основе какого-либо научного учения. Как известно, изначально под мифом понималась совокупность абсолютных (сакральных, в том числе и мистически «доступных») ценностно-мировоззренческих истин, противостоящих повседневно-эмпирическим (профанным) истинам, выражаемым обыкновенным «словом». Позднее, однако, понятие мифа приобрело уничижительный оттенок, обозначая бесплодное, необоснованное утверждение, иллюзию, лишённую опоры на строгое доказательство или надёжное свидетельство. Как форма знания миф все больше утрачивает свою актуальность, но как побуждение к действию и средство манипуляции человеком и обществом не исчерпал имеющиеся возможности. Возращение мифа или ремифологизация в истории человечества совмещено с исследованием и изменением преданий и легенд. Предания и легенды воспроизводят мифологические схемы, прикрепляя их к историческим или квазиисторическим событиям, претендуют на достоверность, истинность. при этом

миф служит ритуализации повседневности, дает возможность человеку обрести смысл / понимание жизни, подтвержденность (смысл мифологии в целом составляет переход из неупорядоченного хаоса к организованному космосу) и истинную или иллюзорную активность / субъектность (возможность и способность управления миром через ритуалы и т.п.) и включенность в социум, его культуру и историю.

Мифологическое представление связано с поиском обывателем ответственности за происходящее, преуменьшение или преувеличение роли субъектности как участия в тех или иных событиях, что отражает мифологическую тенденцию одушевлять и персонифицировать окружающий мир. Мифическое концепирование понятий и событий не полностью алогично (принцип партиципации по Л. Леви-Брюлю), но символично (согласно Э. Кассиреру), пользуется косвенными «обходными» средствами (бриколаж и медиация по К. Леви-Стросу). Кроме того, важно отметить тенденцию деления мифов на два круга: эзотерические (священные мифологические сказания, доступные только «посвящённым») и экзотерические (мифы для «непосвящённых», отпугивающие их от тайн). В классовых сообществах, отмеченных надгосударственными структурами (начиная с ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ и т.п. для планеты в целом и заканчивая АСИ в России и аналогичными структурами в иных странах) в качестве целевых для «третьей современности» это деление особенно сильно: тайные учения принадлежат жреческим кастам и избранным адептам — «мистам», посвящаемым в «мистерии» (особые виды активности, утверждающие их статус и, в том числе, субъектность как способность и готовность влиять на мир «обывателей»). Кастовое общество есть общество, в котором есть субъекты («патриции», «элита», «сильные мира», «состоявшиеся и неординарные») и не-субъекты («плебс», «NPS», «маленькие люди», «стадо»), удел последних — «деградировавшие мифы», результат намеренных «информационных вбросов» и иных манипуляций «массовым сознанием». Здесь важна регулятивная функция мифа: миф — механизм. (ре)организации социальной жизни, он регламентирует ее, предписывает правила поведения/ интеракций, выстраивает систему ценностных ориентаций, определяет прохождение стрессов, инициаций, проблемных ситуаций и т.д., поддержание и контроль порядка, в том числе путем видимости снятия / разрешения ведущих жизненных проблем, включая рассматриваемую нами, мифы, которые «узаконивают» фундаментальные идеи общества [Блакуэлл, Блакуэлл, 2006].

Проблема субъектности является одной из ведущих проблем человеческого существования, сейчас, в XXI в., она обрела особую актуальность. Десубъективизация человеческой жизнедеятельности и отношений людей современности во многом связана с возникновением и проникновением в социальную жизнь различных типов псевдосубъектов [Арпентьева, Панарин, 2021; Арпентьева, 2017; Доронкин, 2020]. В первую очередь, речь идет о создании и активном внедрении в жизнь сообществ цифровых и биоцифровых «аналогов» человека: роботов и иных «умных устройств», а также о многочисленных попытках создания химер (гибридов животного и человека) и иных вариантах нормализации расчеловечивающих форм активности и отношений, включая направленную примитивизацию и блокаду развития основной части населения планеты [Арпентьева, Панарин, 2021; Русаков, 2022]:

1) десубъективизации самого человека, его расчеловечивание путем лишения стремления и умения развиваться как человек, воспитание пассивности / асубъектности, невежественности и отказа от развития (маленький человек В. Райха, авторитарная личность Т. Адорно, одномерный человек Г. Маркузе, страх

одинокости Э. Фромма, неопределенный субъект Ж.-П. Сартра, персона К. Юнга, расщепленный субъект С. Жижека и Р. Лейнга) [Адорно, 2011; Делез, Гваттари, 2008; Zizek, 2009];

2) десубъективизация мира повседневного человеческого бытия, социальных отношений (паноптикум И. Бентама, гласность Ж.-Ж. Руссо, и технологическая дегуманизация М. Хоркхаймера, интерпелляция Л. Альтюссера, биовласть М. Фуко, *das Man* М. Хайдеггера, тотальный институт И. Гофмана, шпионящий / надзорный капитализм и цифровая архитектура Ш. Зубофф) [Бентам, 1998; Aoun, 2017; Zuboff, 2019].

3) разработка и внедрение проектов, событий, практик и институтов дегуманизации (идеи и технологии цифрового концлагеря и внедрения репрессивно-направленных рейтингов жизнедеятельности населения, например, система «социального кредита» («социального рейтинга» или «социального доверия») в Китае и иных странах, внедряющих балльно-рейтинговую оценку труда и жизнедеятельности населения, расширение сети концентрационных лагерей и «частных тюрем» с планируемой численностью заключенных в США и Европе, рекламируемый «кэнселлинг» (cancelling) или культура отмены или бойкота (cancel culture, call-out culture, прекращение поддержки и остракизм человека или группы как «персоны нон-грата») в Европе и США, поддержка систем доноительства и взаимной слежки во многих странах мира, астротурфинг-лобби (astroturfing, имитация «народных инициатив») как имитации движений массовой инициативы («движения снизу», grassroots) в США и в других «демократических» странах) [Любарец, 2017; Юшков, 2019; Haidt, Lukianoff G, 2018].

При этом одной из реальных опасностей выступает не просто искажение понятия субъектности, но и принятие этого искажения массами как «нормального» компонента их повседневной жизни. По мнению П. Фрейре, противника такого кастового общества, чтобы жить полноценной, свободной жизнью в мире, субъект должен «произносить правдивое слово» (true word), для этого нужны понимание и грамотность / контроль языка, чтобы давать имя миру, тем самым участвуя в нём и его преобразовании. Слово усиливает субъектность. «Нет истинного слова, которое не было бы в то же время практикой. Таким образом, сказать истинное слово означает преобразить мир... Человеческое существование не может быть безмолвным и не может питаться лживыми словами». «Надежда коренится в незавершенности [человечества], из которой они выходят в постоянном поиске – поиске, который может осуществляться только в общении с другими» [Freire, 2000: 87, 91]. Говорить, как заметил П. Рикер, значит «говорить что-то о *чем-то*» [Ricoeur, 1968: 114]. Современная социальная система увековечивает сломанную систему как пустых слов, так и репрессивных действий. «Когда мы пытаемся проанализировать диалог как человеческий феномен, мы обнаруживаем нечто, что составляет суть самого диалога: слово», – отмечает П. Фрейре. Антидиалогические действия, блокирующие субъектность, включают завоевание, манипуляцию, разделяй и властвуй и культурное вторжение. Диалогические действия – единство, сострадание, организация и культурный синтез – развивают ее [Freire, 2000: 87, 91].

Интересны в этом контексте представления о судьбе человека, например, в судьбоанализе и иных исследованиях. Мифологема – ведущий компонент, на котором строится понимание и деятельность человека, вся его жизнь, когда и там, где и когда мифологема некачественная, жизнь человека становится неуспешной, фатально зависящей от других. Согласно Л. Сонди (Зонненшайну) человек должен стать

«верховным учителем» (Pontifex Oppositorum), достичь состояния, «высшего жреческого, объединяющего все противоположности, Я», которое позволяет человеку взять под осознанное управление свою жизнь и достичь высоких результатов, осознанно управлять собственной судьбой, выстраивая её вне зависимостей от требований социума. Из разных типов инстинктивных и сознательных реакций / форм активности человека формируется уникальная последовательность переключения реакций, узор модели поведения, в котором одна из реакций – главная, она длится дольше всех и явней всех.

С момента выявления реакции психики можно начинать движение к «высшему Я» («Гюль-Голь»), к тому, что позволяет «сделать человека подобным Богу и Бога очеловечить». нахождения и задействования механизмов совершенствования, где нужно поставить под контроль все реакции посредством кардинального перепрограммирования (методами «составного прототипа» (идеала), «лифта Гр.С. Попова» и «метода осознания неполноценности»). Интеграция как способность к восстановлению целого из его составных частей (приобретение компетенций), трансцендентность как способность к переходу из одной области в другую (решение задач) и партиципация как способность воплощаться в положении вещей (формирование миропонимания), добиваться результатов, – составляющие успеха [Ильюша, 2022; Мальцев, 2006; Мальцев, 2018]. История и мифология понятия «Я» – это история перемен предметного и компетентного выбора в понимании «Я». Альтернативный путь связан с «методом достройки», который активно мифологизирован в педагогике и иных науках и практика как путь субъективизации, самореализации. На деле он дает возможность достичь определенного успеха, но не приводит к триумфу.

По мнению Ш. Зубофф [Русаков, 2022; Zuboff, 2019], выделившей периоды первой и второй современности (modernity), первая современность – в начале XX в. – ориентировалась на подавление индивидуальности: человеку стало запрещено жить так, как ему нравится и хочется, он стал вынужден приспосабливаться к большинству, в первую очередь – к семье: человек формируется и живет как стандартный квазисубъект, воспроизводящий и подтверждающий безоговорочную идентичность с социумом, с коллективным Я (человек с его «треснувшим Я» выступает как пассивный субъект желания, никакое сопротивление и даже попытки сопротивления этим сообществом не принимаются и не предполагаются). Попытки развивать «молекулярные» / сингулярные образы существования, выступать как субъекты – источники творческого развития и революционного инвестирования, были заблокированы. Не случайно по этому поводу возникли многочисленные исследования конформности (Т. Адорно, Г. М. Андреева, Х. Арндт, С. Аш, Э. Дюркгейм, А. Гидденс, Б. Жданюк, Ф. Зимбардо, М. Дойч, Г. Джеррд, И. С. Кон, Б. Латане, Дж. Левин, Д. Майерс, Г. Маркузе, Р. Мертон, Ст. Милгрэм, С. Московичи, В. Мухина, Д. В. Ольшанский, Т. Парсонс, А. В. Петровский, Д. Рисмен, И.А. Рудакова, Н. Смелзер, А. П. Сопиков, Г. Тард, Дж. Тернер, П. Тиллих, И.А. Ушкина, Л. Фестингер, М. Хоркхаймер, В. Э. Чудновский, М. Шериф, Т. Шибутани, Э. Фромм, В.А. Ядов и др.) [Зимбардо, 2006; Лобачжевский, 2022; Milgram, 1963].

В период второй современности [Zuboff, 2019] богатство и власть стали недоступны большинству: модель свободного рынка привела к непреодолимому неравенству и кастомизации сообщества (все более жесткой его иерархизации), максимизации идей нехватки ресурсов и неизбежности потребления, ведущих к прогрессирующему обнищанию, эксплуатации масс и дальнейшему закреплению

«молярного» (стадного) образа существования. Отношения и интеракции людей, интерессубъективность, приняли форму власти (господства) одних над другими, при этом субъект вынужден 1) фальсифицировать индивидуальность / самость (создает персону, личность) ради такого – персонального – господства / превосходства; 2) в которой и посредством которой воспроизводит механизмы принуждения социума ради исполнения некоего «морального долга» перед последним (начиная с семьи и заканчивая иными группами, в пределе представляющими собой мафиозные, патократические группировки). Согласно Ж. Делезу [Делез, Гваттари, 2008], желание властвовать над тем, что господствует и эксплуатирует человека – базис капиталистической культуры, бесконечно рождающей структуры репрессии и воспроизводства «логики капитала».

Сейчас наступил период третьей современности [Zuboff, 2019], при которой, после наращивания силовых структур, усиленной бюрократизации и массовой менеджериализации (кастомизации и распредмечивания отношений) происходит слияние капитализма и цифровых технологий. Вместо помощи людям эти технологии используются для наживы, в первую очередь, на личных данных человека: осуществляется вторжение в его личную жизнь, которое после некоторого сопротивления приводит к формированию привыкания, далее – адаптации и некоторому более «законному» по отношению к тому, чьи данные и жизнь эксплуатируются, перенаправлению процессов слежки и продажи сведений о человеке, аналогично тому, как это происходит в рамках «окна Дж. Овертона» в целом [Beck, 2010].

Повседневность, научная и профессионально-практическая деятельность традиционно делят реальность на людей и вещи. Такой «дуалистический» подход в период «третьей современности» уже не способен полноценно отвечать на многие этические проблемы, стоящие перед людьми, организациями, сообществами. Поэтому вводится идея неличных субъектов (non-personal subject) как промежуточной категории. В первую очередь, это понятие нацелено на то, чтобы попытаться осмыслить статус нечеловеческих существ: автономных искусственных агентов («искусственного интеллекта / разума»), разумных животных, а также на то, чтобы попытаться разрешить разногласия, вызванные некоторыми другими типами существ. Неличные субъекты отличаются от объектов (вещей) признанием за ними способности иметь субъективные интересы, имеющие этическое и юридическое, личное и социальное значение. Однако они также отличаются от людей и групп людей невозможностью иметь большинство прав и обязанностей, традиционно приписываемых людям как субъектам. У них есть лишь право быть принятыми во внимание и обязанность подчиняться касающимся их решениям. Суть этого права состоит в том, чтобы жизненно важные субъективные интересы отдельного существа учитывались во всех решениях, которые могут существенно повлиять на них. Суть обязанности - в неограниченной «лояльности» по отношению к управляющим ими субъектами или заменяющими их устройствами (предметами) и иными NPS. Во многих случаях их интересы должны быть сбалансированы, но обычно они могут «перевешиваться» другими, подчас противоречащими им обстоятельствами. Тем не менее, ими нельзя пренебрегать, но нужно стремиться уравнивать по общему принципу соразмерности. Яркий пример – доктрина «мальтузианских ножниц»: программа геноцида населения «третьей современности» с декларируемой целью «устойчивого развития» человечества как целого и его отдельных частей (стран и управляющих ими монолитов – государств). Идея неличных субъектов в целом

предпочтительнее популярных притязаний на придание животным, искусственному интеллекту (роботам) и т.д. статуса субъектов [Chimeras and Hybrids, 2009; Chopra, White, 2011; Pagallo, 2013; Pietrzykowski, 2017].

Современное капиталистическое общество переняло принципиальные черты исторического фашизма, при котором происходит десубъективация / десубъективизация человека которая, по определению Ж. Делеза и Ф. Гваттари есть доминирование антигуманной «логики капитала» (наживы и потребления) над всеми возможными способами утверждения нужд и желаний субъекта, а по определению Т. Адорно – вытеснение культурой всех / любых возможностей нестереотипных способов самопонимания и самовыражения индивида [Адорно, 2011; Делез, Гваттари, 2008; Zizek, 2009]. Оба процесса ведут к распаду человеческой субъективности и требуют изменения способов осмысления человеком себя, других, социума, природы и культуры. Микрофашизм современного капитализма проявляется в том, что все большее количество социальных процессов и феноменов, свойственных тоталитарным режимам XX в., становятся нормами отношений людей. Примерами являются всемирный феномен «шпионящего капитализма» [Русаков, 2022; Zuboff, 2019], культура отмены в Европе и США, система социального кредита в Китае и иных странах, куда он ее «экспортирует», имитации общественной поддержки политических партий и законов в таблоидных СМИ, интернет и т.д. – во всем мире (Ш. Зубофф, С.С. Русаков и др.). Микрофашизм, по мнению С.С. Русакова, разрушает готовность и способность человека к субъективизации [Русаков, 2022]. Мещанство, идентичность «маленького человека», сосредоточенность на «маленьких» интересах и желаниях и отказ от развития, ответственности и субъектности, согласно В. Райху, являются причиной и микрофашизма, и макрофашизма [Райх, 1997], того расчеловечивания, которое мы наблюдаем в самых разных формах, размерах, ситуациях, начиная с бытового мещанского равнодушия и «бесхребетности» вплоть до «голой жизни», «доходяг», «бревен» и иных «музульман» концентрационных лагерей прошлого и настоящего.

Поэтому, по мнению М. Онфре, если с классическим, «макрофашизмом» боролись с помощью войн и революций, то с микрофашизмом и репрессивностью современного «демократического общества справиться можно только путем микросопротивлений и изменения человеком себя и предписанной ему сообществом и управляющими сообществом судьбы: «Создавать просвещенные, сильные, ... благожелательные индивидуальности, находящиеся в ладах с самими собой, что является залогом хороших отношений с другими» [Онфре, 2023: 1]. Сейчас же, в лучшем случае, как вариант пассивного сопротивления этим тенденциям, возникают формы псевдотворческой, хотя и негативной, «трансгрессивной», а не «самоактуализирующейся» активности, предшествующей взрыву / трансформации «усталости», при которой человек полагает, что у него нет иных вариантов жизни: «некуда идти», «никому не нужен», «ни на что не способен» и т.д. Уставшие люди [Бодрийяр, 2020], доведенные до грани отчаяния, у которых почти не осталось надежды, но все еще осталось самопонимание и понимание происходящего, могут двигаться к иной культуре и «молярно» и «молекулярно»: 1) сам человек, во всех своих проявлениях может и нуждается в том, чтобы сохранять и утверждать (подтверждать) себя как субъекта, 2) объединяться в группы, используя силу социума, интересубъективных, решающих конкретные проблемы рабочих групп, в которых каждый выступает как актер, субъект [Арпентьева, 2018].

Концепция субъективации / субъективизации развивалась М. Фуко [Фуко, 1991]. Процесс субъективизации рассматривается как формирование автономного самопонимания и понимания мира, а десубъективизации – реверсивного процесса – ликвидации автономии индивидуального понимания себя и мира, но не столько путем его подмены коллективным пониманием, сколько иллюзорным, пассивным фрагментарно-изменчивым пониманием, которым легко манипулировать извне.

Рассмотрение человека как «общественного животного», вообще говоря, предполагает две основные модели, одна из которых подразумевает, что человек обладает способностью развиваться и развивать сообщество, к которому принадлежит, в том числе, путем диалога и сотрудничества с другими людьми, а также путем утверждения и распространения своего понимания мира и самого себя [Аронсон, 1999]. Однако, другая сторона медали, суммированная тезисом «жить в обществе, и быть свободным от общества невозможно», чрезмерно эксплуатируемая «современностями» XX-XXI вв., приводит к тому, что человеку предписывается «служить обществу», даже не понимая, зачем и почему он это должен / вынужден делать. При этом служение выступает как трансгрессивное потребление предложенного и принуждение потреблять предложенное остальным. Это хорошо видно на примере современных систем образования, которые в конце XX в. были переведены в статус продуцирующих и предоставляющих некие «образовательные услуги»: как и в ранее рассмотренных случаях, подмена понятий позволяет решить (скрыть существование) вопросов, связанных с принуждением и насилием к потреблению, с принудительной стандартизацией и манипуляцией сознаниями и жизнями людей [Арпентьева, 2020; Касымова и соавт., 2021; Пфаненштиль, Панарин, 2020], в том числе имитировать «заботу» о человеке и его будущем, на деле подменяя ее заботой о капитализме и его сохранении. «Цифровая образовательная среда», лишённая педагогов и учеников как субъектов представляет собой пространство и время воспроизводства некоторых «роботоустойчивых» [Aoun, 2017] и «конкурентоспособных» специалистов «одной кнопки»: продолжая модель грануляции – распределения функций и компетенций работников в рамках конвейера, капитализм достигает 1) возможности вытеснить значительную часть функций и выполняющих их людей из производства, и, значит, реализует планы «сокращения», то есть геноцида населения планеты, 2) решает планы культурицида, в том числе путем трансгрессии и вырождения человека, его передвижения из позиции субъекта в объект, через «квалифицированного потребителя» в «говорящее орудие», создание и эксплуатация которого на многих участниках производства выгоднее и проще, чем использование роботов и т.д. [Зарубина, 2021; Тхостов, 2014; Шваб, 2016; Фуко, 1994]. При этом отмечается, например, что технологический уклад меняет «не только то, "что" и "как" мы делаем, но и то, кем мы являемся» [Шваб, 2016: 9]. Однако, здесь необходимо уточнить: человек остается человеком, но использующим те или иные устройства – во благо или во вред себе и другим. Попытки подмены «цифровизации» деятельности человека «цифровизацией» самого человека – не более, чем способ введения в заблуждение (псевдосубъектность) и запугивание масс для увеличения их послушания, конформности и бесконечности сохранения того, что уже – рушится, даже приобретая, казалось бы, мировую власть и власть над каждым отдельным существом, чьи права и обязанности, достоинство и индивидуальность, оно попирает, чтобы оставаться неизменным, достигать все большей наживы и все большей власти [Адлер, 2013; Тхостов, 2014; Aoun, 2017; Zuboff, 2019].

Вторжение не только в человеческую жизнь, превращение ее в концлагерь, но в самого человека, его душу и тело предполагает два процесса: 1) превращения человеческого сообщества в «биомассу» [Доронкин, 2020; Лобачжевский, 2022; Bettelheim, 1991; Zimbardo, 2008] 2) вырождение человека, торжество социопатов / психопатов или архантропов [Арпентьева, Панарин, 2021; Диденко, 1999; Поршневу, 1974; Сидоров, 2015]. Десубъективизация – уничтожение человека как индивида и как вида.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Уже в том же, XX в., созданы инструменты противостояния капитализму. Один из примеров – вторая демократия А. Адлера. Многие исследователи отмечают, что демократия – как ее предлагают видеть – давно не является не только способом учесть мнение «простых» людей, масс, она даже не является способом, связанным с желанием его учитывать. Демократия лишь обеспечивает власть агрессивной посредственности (стандарта), сформировать которой, само по себе, являлось задачей «первой современности» [Русаков, 2022; Zuboff, 2019], а возникновение которой позволило реализовать «макрофашизм» XX века. А. Адлер разработал антагонистичную этой «первой», стандартизирующей человека, систему «второй демократии». Когда мир вокруг человека рушится, когда принуждение стать «как все» достигает максимума, человеку достаточно оставаться собой или, наконец, – стать собой. Это особенно важно там и тогда, где икогда выбора уже почти нет. Однако, это не менее важно в повседневности, рутине. Камень, брошенный в реку и рождающий несколько затухающих волн перед тем, как исчезнуть – сиюминутные желания страшащегося и злобствующего (по предписанным поводам) гордеца и невежи, мечтающего о воплощении предписанных ему «маленьких» желаниях и удовольствиях, боящегося ближнего как конкурента и источника уничтожения и краха своих надежд на удовольствие, тревожащегося о своем бесценном и «невосстановимом» в эпоху «фармагеддона» телесном здоровье именно тогда, когда речь идет о здоровье души, преследуя «маленькие радости», и изучая «частные мнения», может забыть о том, что можно перестать быть не только собой, но и человеком... Превращение человеческих сообществ в «биомассу», оформление внутри них отношений «хозяин – раб» как основных, привычных и единственно правильных – завершение современной «демократии», запугивающей человека множеством невидимых «врагов», «нехваткой ресурсов» и «непредсказуемостью» мира в целом. Вторая демократия утверждает, что человек может не просто исчезнуть, как и бесчисленные потерявшие или не нашедшие себя и мир, иные, может не забыть себя в бесполезной попытке «противостоять» и «отвергнуть», но, используя ресурсы мира и благодаря мир, остаться на поверхности («между»), продолжая исследовать мир, развенчивать его симулякры и иллюзии, транслировать себя и понятное – о себе и мире, создавать вокруг себя «колебания», которые могут изменять мир. Этот образ воплотили Дж. Кришнамурти, Ш. Ауробиндо, многие иные святые разных религий, он запечатлен в высказываниях, приписываемых матери Т. Калькуттской («Все равно делай это»), а также в исследованиях конформизма о том, как важно продолжать исследовать, стремиться понять реальность, и себя самого, а не соглашаться с тем, что навязывает социум [Ушкина, 2015]. Рефлексия симулякров и осознание реальности дают человеку возможность понять кто он, и кем он быть стремится... и чем - нет. В. Франкл, Б. Беттельгейм, А.Кемпински и многие иные – примеры людей, сказавшие «да» сами себе, своей жизни, достоинству, любви – там и тогда, где многие другие от всего этого отказались: в концлагерях и тюрьмах, в школах и вузах, в больницах и

хосписах, в собственных семьях и т.д. Помимо «второй демократии» А. Адлера стоит отметить известную «прямую демократию», «глубинную демократию» А. Минделла, интерсубъективное управление (эвергетику) В.А. Виттиха и т.д. [Арпентьева, 2018].

Отдельно следует отметить линию, связанную с «химеризацией», попытками подтолкнуть человека на путь животного, биологического вырождения: идея потребления и ряд остальных идей, пестующих «инстинктивные» программы комфорта, удовольствия, превосходства, способствуют расчеловечиванию. Расчеловечивание человека параллельно с очеловечиванием, попытками наделить субъектностью «умные устройства» и животных / химер, обозначили наступление «кризиса субъектности» [Арпентьева, Панарин, 2021]. Здесь можно говорить уже и об «антисубъектности»: наличие программ приведения человеческих сообществ разного размера в состояние полной покорности, невежества, оживотненности. Как программа данный подход разработан и внедряется давно, однако, программирование и достижение целей – далеко не одно и то же. Несмотря на многочисленные, интенсивные и постоянные попытки, достижения таких антисубъектов и их программ, не выходят за рамки традиционных: антропы, в отличие от неоантропов, по оценкам исследователей, всегда следовали туда, куда их вели, формируя общий, стандартный, но не единственный «рисунок» человеческой жизни. Становление человеком всегда было самостоятельной задачей жизни каждого индивида, и происходящее сейчас, в «третью современность», этого общего процесса не отменяет, но, напротив, актуализирует. Выход из кризиса десубъективизации – в обретении нового понимания человеком себя в мире создаваемых им и окружающими его субъектами псевдосубъектных, имитирующих субъектность, биоцифровых технологий и устройств, и иных условий расчеловечивания, подмены ведущих смыслов и значений человеческого бытия.

Осуществленное нами исследование является в достаточной степени новым, относящимся к малочисленной группе исследований, напрямую обращенных к рассматриваемой проблеме, а постановка проблемы – в контексте понятия мифологизации – осуществляется впервые. Сравнение и интерпретация результатов исследования с аналогичными исследованиями позволяет заключить, что исследователи разных направлений отмечают озабоченность процессами десубъективизации человека, обращая внимание на важность понимания того, что важная не просто субъектность, а субъектность человеческая. Подлинная самостоятельность есть самостоятельность ответственная, связанная с мировоззренческой свободой и ответственностью человека.

Заключение (Conclusions)

Проблема мифологизации субъектности является одной из ведущих проблем человеческого существования в «третьей современности», мифологизация субъектности – инструмент десубъективизации человеческой жизнедеятельности и отношений людей. Она во многом связана с созданием и проникновением в социальную жизнь различных мифов субъектности и типов псевдосубъектов, в первую очередь, речь идет о создании и активном внедрении в жизнь сообществ цифровых и биоцифровых «аналогов» человека: роботов и иных «умных устройств», а также о многочисленных попытках создания химер (гибридов животного и человека) и иных вариантах нормализации расчеловечивающих форм активности и отношений, включая направленную примитивизацию и блокаду развития основной части населения планеты. Расчеловечивание человека параллельно с очеловечиванием, попытками наделить субъектностью «умные устройства» и

животных / химер, обозначили наступление «кризиса субъектности», тотальную мифологизацию всех составляющих понятийного поля «субъектности». Выход из этого кризиса – в обретении нового понимания человеком себя в мире создаваемых им и окружающими его субъектами псевдосубъектных, имитирующих субъектность и создающих иные условия расчеловечивания биоцифровых технологий и устройств, выделении сущностных сторон субъектности человека, человеческой субъектности как «человечности».

Научная ценность исследования связана с разработкой понятия «человеческая субъектность», пониманием человечности как целостной характеристики самоосуществления человека как развивающегося, утверждающего ценности человеческого со-бытия / диалога и постижения себя и мира, существа. Результаты исследования важны для педагогики и иных практик и наук, занимающимися проблемами самоосуществления человека.

Литература

Адлер Х.Г. Терезиенштадт. 1941–1945. Лицо принужденной общности (с некоторыми сокращениями). Санкт Петербург: Диада-СПб. 2013. 280 с.

Адорно Т. Негативная диалектика. Москва: Академические Проект, 2011. 538 с.

Аронсон Э. Общественное животное. Москва: Аспект Пресс, 1999. 520 с.

Арпентьева М.Р. Деформации смысла жизни и проблемы духовного роста // Ползуновский альманах. Общественные и гуманитарные науки. Барнаул, 2017. Т. 4, № 4. С. 24–33.

Арпентьева М.Р. Партиципация и модель интересубъективного управления инновациями // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. Т. 5, № 2. С. 190–199.

Арпентьева М.Р. Социально-психологические проблемы балльно-рейтинговой системы оценки труда сотрудников образовательных учреждений // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10. № 1. С. 3121–3129.

Арпентьева М.Р., Панарин С.А. Информационные технологии и социальная динамика: два показательных случая // Технологии, меняющие мир: применение и эффекты в мире и на Востоке: коллективная монография / Сост., науч. и литератур. ред. С.А. Панарин. Санкт Петербург: Нестор-История, 2021. 452 с.

Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. Москва: РОССПЭН, 1998. 415 с. – Текст: непосредственный.

Блакуэлл Кр.У., Блакуэлл Э.Х. Мифология для «чайников». Москва: «Диалектика», 2006. 368 с.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Москва: АСТ, 2020. 320 с.

Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.

Диденко Б.А. Цивилизация каннибалов: человечество как оно есть. Москва: Китеж, 1999. 173 с.

Доронкин В.К. Машинно-ориентированное психологическое консультирование: проблемы, перспективы, тренды // Психологические исследования: актуальные направления и перспективы: Сборник научно-практических исследований молодых ученых. Санкт Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2020. Т. 1. № 1. С. 10–22.

Зарубина Н.Н. Тенденции дегуманизации в цифровом обществе: к обоснованию гуманистического подхода к технологическому развитию // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. №4. С. 60–70.

Зимбардо Ф. Стэнфордский тюремный эксперимент / Ф. Зимбардо // Psychology OnLine.Net = Психология онлайн. 05.12.2006. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-671.html> (дата обращения: 24.05.2023).

Ильюша М.Н. Психология Гр. С. Попова и А.С. Яковлева. «Модель поединка в храме» // Судьбоанализ. 2022. 23 августа. С.1. URL: <https://maltsev-worldwide.com/psihologiya-akademikov-grigoriya-semenovicha-popova-i-alekseya-samuilovicha-yakovleva-model-poedinka-v-hrame/> (дата обращения: 24.05.2023).

Касымова Г.К., Валеева Г.В., Сетяева Н.Н., Арпентьева М.Р., Флиндт Н. Социально-психологические проблемы смарт-образования // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2021. № 36. С. 80–94.

Кереньи К., Юнг К.Г. Введение в сущность мифологии // Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов Архивная копия от 19 февраля 2018 на Wayback Machine. М., 1997. С. 13.

Лобачжевский Э. Политическая понерология. France: Red Pill Press, 2022. 343 с.

Любарец А.В. Неконы рывок к созданию общемирового электронного концлагеря // Научный поиск в современном мире: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. Махачкала, 30 сентября 2017 г. Махачкала: Апробация, 2017. С. 32–33.

Мальцев О.В. Мина Замедленного Действия. Днепр: «ФЛП Середняк Т.К.», 2018. 206 с.

Мальцев О.В. Философия Л. Сонди. Днепр: Середняк Т. К., 2018, 183 с. URL: https://drive.google.com/file/d/1ovfbqQRwuD2Kmb_XwFjvhcVfRQhSzAtn/view?pli=1 (дата обращения: 24.05.2023).

Онфре М. Несчастья (и величие) философии // Censura.Ru = Цензура. 2023. URL: https://censura.ru/articles/miseregrandeur.htm#_edn8 (дата обращения: 29.05.2023).

Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Под ред. Л.Н. Дороговой и И.А. Кадышевой; предисл. С.А. Токарева, Х.Н. Момджяна, Л.И. Анцыферовой. Москва: Мысль, 1974. 488 с.

Пфаненитиль И.А., Панарин В.И. Цифровое образовательное пространство и проблема «расчеловечивания» // Профессиональное образование в современном мире. 2020. №10(2). С. 3656–3665. URL: <https://doi.org/10.15372/PEMW20200202>.

Райх В. Посмотри на себя, маленький человек! Москва: Мир Гештальта, 1997. 90 с.

Русаков С.С. Микрофашизм и десубъективация. истоки проблематики / С.С. Русаков // Социодинамика. 2022. №7. С. 57–66.

Сидоров Г.А. Тайная хронология и психофизика русского народа. Москва: Концептуал. 2015. 656 с.

Тхостов А.Ш. Блеск и нищета трансгуманизма // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / Под ред. Г.Л. Белкиной, М. И. Фроловой. Москва: Ленанд, 2014. С. 186–198.

Ушкина И.А. К вопросу о факторах, воздействующих на проявление феномена конформизма в современном обществе // Наука. Общество. Государство. 2015. №1 (3). С. 226–235. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982. Выдержки // Социо-Логос. Москва: Прогресс, 1991. С. 274–283.

Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. Санкт Петербург: Мифрил, 1994. С. 111–132.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо, 2016. 208 с.

Юшков И.В. Система социального кредита в Китае как инновационная методика управления обществом // Научно-аналитический журнал Обозреватель Observer. 2019. №12 (359). С. 60–69.

Aoun J.E. Robot-Proof: Higher Education in the Age of Artificial Intelligence. New York, London: MIT Press, 2017. 216 p.

Beck Gl. The Overton Window. N.-Y.: Threshold Editions, 2010. 336 p.

Bettelheim B. The Informed Heart: Autonomy in a Mass Age. Glencoe, Ill: Penguin Books, 1991. 320 p.

Chimeras and Hybrids in Comparative European and International Research / Taupitz J., Weschka M. Eds. Berlin-Heidelberg: Springer, 2009. 480 s.

Chopra S., White L. A Legal Theory for Autonomous Artificial Agents. USA, Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011. 340 p.

Freire P. Pedagogy of the Oppressed. New York: Bloomsbury, Continuum; 2000. 183p.

Haidt J., Lukianoff G. The Coddling of the American Mind. New York City : Penguin Press, 2018. 352 p.

Milgram St. Behavioral Study of Obedience. Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. № 67. Pp. 370–377.

Pagallo U. The Law of Robots. Crimes, Contracts and Torts. USA, New York. Springer, 2013.400p.

Pietrzykowski T. The Idea of Non-personal Subjects of Law // Law and Philosophy Library. Cham: Springer, 2017. Vol 119. Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn / Kurki V., Pietrzykowski T. (eds.). Pp. 49–67. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-53462-6>

Ricoeur P. Structure – Word – Event // Philosophy Today. 1968. Vol. 12 (2). P. 114–120.

Zimbardo P.G. The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn. New York: Random House, 2008. 576 p.

Zizek S. Ticklish subject. The absent centre of political ontology. London: Verso Book, 2009. 499 p.

Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London: Profile Books, 2019. 704 p.

References

Adler H.G. Theresienstadt. 1941–1945 The face of forced generality (with some abbreviations). St. Petersburg: Diada-SPb Publ., 2013. 280 p. (In Russian).

Adorno T. Negative Dialectics. Moscow: Academic Project Publ., 2011. 538 p. (In Russian).

Aronson E. Social Animal. Moscow: Aspect Press Publ., 1999. 520 p. (In Russian).

Arpentieva M.R. Deformations of the Meaning of Life and Problems of Spiritual Growth // Polzunovskiy almanakh. Social and human sciences. Barnaul, 2017. V. 4, No. 4. Pp. 24–33. (In Russian).

Arpentieva M.R. Participation and the Model of Intersubjective Innovation Management // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and municipal management. 2018. V. 5, No. 2. Pp. 190–199. (In Russian).

Arpentieva M.R. Socio-psychological Problems of the Score-rating System for Assessing the Work of Employees of Educational Institutions // Vocational education in the modern world. 2020. V. 10. No. 1. Pp. 3121–3129. (In Russian).

Arpent'eva M.R., Panarin S.A. Information Technology and Social Dynamics: Two Illustrative Cases // Technologies That Change the World: Application and Effects in the World and in the East: Collective Monograph / Comp., scientific. and literature. ed. S.A. Panarin. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2021. 452 p. (In Russian).

Bentham I. Introduction to the Foundations of Morality and Legislation. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998. 415 p. – Text: direct. (In Russian).

Blackwell Kr.W., Blackwell E.H. Mythology for Dummies. Moscow: Dialectics Publ., 2006. 368 p. (In Russian).

Baudrillard J. Consumer Society. Moscow: AST Publ., 2020. 320 p. (In Russian).

Deleuze J., Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Yekaterinburg: U-Factoriya Publ., 2008. 672 p. (In Russian).

Didenko B.A. Cannibal Civilization: Humanity as it is. Moscow: Kitez Publ., 1999. 173 p. (In Russian).

Doronkin V.K. Machine-oriented Psychological Counseling: Problems, Prospects, Trends // Psychological Research: Current Trends and Prospects: Collection of Scientific and Practical Research of young Scientists. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Academy for the Humanities, 2020. Vol. 1. No. 1. Pp. 10–22. (In Russian).

Zarubina N. N. Dehumanization Trends in the Digital Society: to Substantiate the Humanistic Approach to Technological Development // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences. 2021. №4. Pp. 60–70. (In Russian).

Zimbardo F. Stanford Prison Experiment // Psychology OnLine.Net = Psychology online. 12.05.2006. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-671.html> (accessed 05/24/2023). (In Russian).

Ilyusha M.N. Psychology Gr. S. Popova and A.S. Yakovlev. “Model of a Duel in a Temple” // Fate Analysis. 2022. August 23. P.1. URL: <https://maltsev-worldwide.com/psihologiya-akademikov-grigoriya-semenovicha-popova-i-alekseya-samuilovicha-yakovleva-model-poedinka-v-hrame/> (In Russian).

Kasymova G.K., Valeeva G.V., Setyaeva N.N., Arpent'eva M.R., Flindt N. Social and Psychological Problems of Smart Education // Proceedings of the Irkutsk State University. Series: Psychology. 2021. No. 36. Pp. 80–94. (In Russian).

Kerenyi K., Jung K.G. Introduction to the Essence of Mythology // Jung K. G. Soul and myth: six archetypes Archived February 19, 2018 at the Wayback Machine. Moscow, 1997. P. 13. (In Russian).

Lobachzhevsky E. Political Ponerology. France: Red Pill Press Publ., 2022. 343 pp. (In Russian).

Lyubarets A.V. Neocons a Breakthrough Towards the Creation of a Global Electronic Concentration Camp // Scientific Search in the Modern World: a Collection of Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference. Makhachkala, September 30, 2017. Makhachkala: Approbation, 2017, Pp. 32–33. (In Russian).

Maltsev O.V. Delayed Action Mine. Dnipro: Serednyak T.K. Publ., 2018. 206 p. (In Russian).

Maltsev O.V. Philosophy L. Szondi. Dnepr: Serednyak T.K. Publ., 2018, 183 p. URL: https://drive.google.com/file/d/1ovfbqQRwuD2Kmb_XwFjvhcVfRQhSzAtn/view?pli=1 (In Russian).

Onfre M. Misfortunes (and Greatness) of Philosophy // Censura.Ru = Censorship. 2023. URL: https://censura.ru/articles/miseregrandeur.htm#_edn8 (accessed 05/29/2023). (In Russian).

Porshnev B.F. On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology) / Ed. L.N. Dorogova and I.A. Kadysheva; foreword S.A. Tokareva, X.N. Momdzhyan, L.I. Antsyferova. Moscow: Thought, Publ., 1974. 488 p. (In Russian).

Pfanenstil I.A., Panarin V.I. Digital Educational Space and the Problem of "Dehumanization" // Vocational Education in the Modern World. 2020. No. 10(2). Pp. 3656–3665. <https://doi.org/10.15372/PEMW20200202>. (In Russian).

Reich W. Look at you, Little Man! Moscow: World of Gestalt, 1997. 90 p. (In Russian).

Rusakov S.S. Microfascism and Desubjectivation. the Origins of the Problem / S.S. Rusakov // Sociodynamics. 2022. No. 7. Pp. 57–66. (In Russian).

Sidorov G.A. Secret Chronology and Psychophysics of the Russian People. Moscow: Conceptual Publ., 2015. 656 p. (In Russian).

Tkhostov A.Sh. Brilliance and Poverty of Transhumanism // The Place and Role of Humanism in the Future Civilization / Ed. G.L. Belkina, M.I. Frolova. Moscow: Lenand Publ., 2014, Pp. 186–198. (In Russian).

Ushkina I.A. On the Issue of Factors Affecting the Manifestation of the Phenomenon of Conformism in Modern Society // Science. Society. State, 2015. No. 1 (3). Pp. 226–235. (In Russian).

Foucault M. Hermeneutics of the Subject. Course of Lectures at the College de France, 1982. Excerpts // Socio-Logos. Moscow: Progress, 1991. Pp. 274–283. (In Russian).

Foucault M. On Transgression // Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought in the Middle of the 20th Century. St. Petersburg: Mithril, 1994. Pp. 111–132. (In Russian).

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow: Eksmo Publ., 2016. 208 p. (In Russian).

Yushkov I.V. The System of Social Credit in China as an Innovative Method of Social Management // Scientific and Analytical Journal Obozrevatel Observer. 2019. No. 12 (359). Pp. 60–69. (In Russian).

Aoun J. E. Robot-Proof: Higher Education in the Age of Artificial Intelligence. New York, London: MIT Press, 2017. 216 p.

Beck Gl. The Overton Window. New York: Threshold Editions, 2010. 336 p.

Bettelheim B. The Informed Heart: Autonomy in a Mass Age. Glencoe, Ill: Penguin Books, 1991. 320 p.

Taupitz J., Weschka M. (Eds.) Chimeras and Hybrids in Comparative European and International Research. Berlin-Heidelberg: Springer, 2009. 480 s.

Chopra S., White L. A Legal Theory for Autonomous Artificial Agents. USA, Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011. 340 p.

Freire P. Pedagogy of the Oppressed. New York: Bloomsbury, Continuum; 2000. 183 p.

Haidt J., Lukianoff G. The Coddling of the American Mind. New York City: Penguin Press, 2018. 352 p.

Milgram St. Behavioral Study of Obedience. Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. № 67. Pp. 370–377.

Pagallo U. The Law of Robots. Crimes, Contracts and Torts. USA, New York. Springer, 2013. 400p.

Pietrzykowski T. The Idea of Non-personal Subjects of Law // Law and Philosophy Library. Cham: Springer, 2017. Vol 119. Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn / Kurki V., Pietrzykowski T. (eds.). P. 49–67. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-53462-6>

Ricoeur P. Structure — Word — Event // Philosophy Today. 1968. Vol. 12 (2). Pp. 114 -120.

Zimbardo P.G. The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn. New York: Random House, 2008. 576 p.

Zizek S. Ticklish subject. The absent centre of political ontology. London: Verso Book, 2009. 499 p.

Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London: Profile Books, 2019. 704 p.

Сведения об авторе:

Арпентьева Мариям Равильевна

ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания, академик Международной академии образования (г. Москва, Россия).

e-mail: mariam_rav@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

Bionotes:

Arpentieva Mariam Ravilievna

Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the International Academy of Education (Moscow, Russia).

Для цитирования:

Арпентьева М.Р. Мифологема субъектности в контексте «третьей современности» // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2(6), 2023. С. 12–28.

For citation:

Arpentieva M.R. Mythologeme of Subjectivity in the Context of "Third Modernity" // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2(6), 2023. Pp. 12–28.

УДК 1: 612+233

МИФ О ПОСТЧЕЛОВЕКЕ В КОНЦЕПЦИИ ТРАНСГУМАНИЗМА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ

Царева Надежда Александровна

Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова
(г. Владивосток, Россия)

Аннотация

Миф способен раскрыть глубинные смыслы современной культуры. Общественное сознание в настоящее время испытывает на себе активное воздействие идеологии трансгуманизма. В связи с этим анализ мифа о постчеловеке к концепции трансгуманизма имеет актуальный характер. Новизна исследования заключается в обосновании мифологического характера идеологемы о постчеловеке. Цель статьи – показать, что искусственно созданный в трансгуманизме миф о постчеловеке несет экзистенциальные и социальные угрозы человечеству. В статье выделены особенности мифа XXI века (искусственный способ создания, скрытое присутствие, синтез рационального и иррационального в мифе). Рассмотрены основные идеологемы трансгуманизма: человек бессмертный и человека андрогинный как вершина эволюции человека. Показано, что сплав рационального и иррационального делает миф привлекательным. Но идеи цифрового бессмертия и освобождения от природных половых и сексуальных ограничений имеют антигуманную сущность. Доказано, что создаваемый адептами трансгуманизма миф предлагает целостную картину будущего мира техники и технологий. При этом скрывается доминирующее положение технологического фактора над антропологическим.

Ключевые слова: миф; трансгуманизм; миф о постчеловеке; цифровое бессмертие; андрогинный человек.

THE MYTH OF THE POSTHUMAN IN THE CONCEPT OF TRANSHUMANISM: EXISTENTIAL AND SOCIAL THREATS

Tsareva Nadezhda Alexandrovna

Far Eastern State Technical Fisheries University (Vladivostok, Russia)

Abstract

The myth is able to reveal the deep meanings of modern culture. The public consciousness is currently being actively influenced by the ideology of transhumanism. In this regard, the analysis of the myth of the posthuman to the concept of transhumanism is relevant. The novelty of the research lies in the substantiation of the mythological nature of the ideologeme about the posthuman. The purpose of the article is to show that the myth of the posthuman artificially created in transhumanism carries existential and social threats to humanity. The article highlights the features of the myth of the XXI century (artificial way of creation, hidden presence, synthesis of rational and non-rational in the myth).

The main ideologies of transhumanism are considered: immortal man and androgynous man as the pinnacle of human evolution. It is shown that the fusion of rational

and non-rational makes the myth attractive. But the idea of digital immortality and liberation from natural sexual and sexual restrictions have an anti-human essence. It is proved that the myth created by the adherents of transhumanism offers a holistic picture of the future world of technology and technology. At the same time, the dominant position of the technological factor over the anthropological one is hidden.

Keywords: myth; transhumanism; the myth of the posthuman; digital immortality; androgynous man.

Введение (Introduction)

В культуре конца XX очевидно наблюдается процесс ремифологизации. В связи с глобальными изменениями в мире появляются социальные, политические, художественные мифы. Особое место в эпоху метамодерна занимают мифы о техническом прогрессе. Причины вызваны настоящим пятым и ожидаемым шестым технологическими укладами, которые ориентированы на совершенствование не только среды существования, но и самого человека. Научный прогресс неизменно будет двигаться к созданию роботехнических систем, замещающих человека. В этой ситуации идеи трансгуманизма звучат все громче, расширяя свое влияние благодаря СМИ и Интернету. Одной из главных в трансгуманизме является идея о постчеловеке, согласно которой в эпоху метамодерна новый технологический уклад создаст возможности для совершенствования разума и тела человека на основе синтеза нанотехнологий с биологическими и информационными. Рассмотрение идеи трансгуманизма о постчеловеке как мифа культуры XXI в. представляется актуальным по следующим причинам. Во-первых, анализ поможет конкретизировать научную дефиницию трансгуманизма, понять сущность трансгуманизма, глубинный смысл его целей. Во-вторых, важно осмыслить особенности и значение мифа в концепции трансгуманизма, определить его место в общественном сознании.

Литературный обзор (Literature Review)

Проблема улучшения своего существования через преодоление естественных границ человеческих возможностей всегда была в фокусе научных интересов. В конце XX в. центральная идея трансгуманизма – избавить мир от страданий через совершенствование медицины, биотехнологий и генной инженерии - была сформулирована Н. Бостромом. [Bostrom 2005]. Авторы концепции и их последователи представляют трансгуманизм в позитивном ключе [Pauga 2016]. В отечественной научной литературе активно обсуждаются различные аспекты трансгуманизма, в том числе и негативные. Об антигуманной сущности трансгуманизма как мировоззрения будущего мирового порядка размышляет в своей книге О.В. Четверикова [Четверикова]. Рассматриваются претензии трансгуманизма на религиозный статус. «Религиозную (гностическую, оккультную) составляющую трансгуманизма, ее отличия от понимания человека в традиционных религиозных системах [Хвастунова 2019].; «Трансгуманизм идеализирует антигуманистические трансформации постиндустриального общества» [Поломошнов 2019]. Осмысливается проблема взаимосвязи человека и техники в концепции трансгуманизма [Царева 2020].

В российской науке трансгуманизм определяется, как «рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, мировоззрение, которое признаёт возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека на основе передовых технологий с целью ликвидировать страдания,

старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека» [Российское трансгуманистическое движение].

Вопрос о соотношении мифологического и реалистического в трансгуманизме поднимался в ряде публикаций. В.В. Киселев затрагивает мифологические основания трансгуманизма [Киселев 2021]. С.В. Тихонова в анализе этики трансгуманизма раскрывает мифологический аспект проблемы [Тихонова]. Развенчивается онтологическая оригинальность мифа о постчеловеке в работе Н.И. Петева [Петев 2022]. Вместе с тем, отдельных исследований мифологических оснований фундаментальных положений трансгуманизма полно не проводилось.

Научная новизна (The scientific novelty)

Обоснование мифологического характера основной идеи трансгуманизма о постчеловеке.

Целесообразность исследования (Feasibility of the study)

Определяется, во-первых, актуальной для современной России проблемой влияния мифа на общественное сознание. Во-вторых, в современной научной литературе проблема феномена трансгуманизма широко обсуждается. Трансгуманизм рассматривается как мировоззрение, как идеология, как новая религия, философское учение, как совокупность различных идей. Отдельные названия научных работ («Трансгуманизм: новая восходящая мировая религия или новая вариация старых мифов? [Киселев 2021] В.В. Киселев. Соловьев В.М. «Транскультура: миф или реальность?» [Соловьев 2021]) указывают на отсутствие однозначного ответа о научном статусе трансгуманизма. В связи с этим целесообразно рассмотреть элементы мифологического в активно популяризируемой трансгуманизмом идее совершенного человека.

Цель статьи (Purpose of the article)

Показать, что искусственно созданный в трансгуманизме миф о постчеловеке несет экзистенциальные и социальные угрозы человечеству. Для достижения цели ставятся следующие задачи: выявить особенности мифа XXI века; определить основные мифологические черты, элементы мифа в представлении трансгуманизма о человеке будущего; показать антигуманную сущность искусственно созданного мифа о транс(пост)человеке.

Методы (Methods)

Для достижения результата использовались методы анализа и синтеза при выявлении основных характеристик постчеловека в трактовке трансгуманизма. Понять скрытые значения и смыслы мифа о постчеловеке позволил диалектический метод. Герменевтический метод помог осветить различные аспекты мифа о постчеловеке в концепции трансгуманизма.

Теоретическая и практическая значимость (Theoretical and practical significance)

Выявлены особенности современного мифа в трансгуманизме. Анализ сущности мифа о постчеловеке в концепции трансгуманизма позволит человеку избежать очарования его смыслами, избежать как влияния на сознание человека, так и радикально практического воплощения его идеи об искусственной биологической эволюции человека.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Миф продолжает свое существование в современной культуре. Представляя человеку мир в образной форме, миф помогает моделировать свое настоящее и прогнозировать будущее. В определении Н. Автономовой миф – это «... образная,

объясняющая и предписывающая определенный способ действий схема мира» [Автономова 1988]. В современной глобальной, техногенной информационной культуре миф трансформируется и приобретает новые характеристики и формы.

Во-первых, миф на бессознательном уровне формирует мировоззрение человека. Эта важнейшая функция мифа привлекает идеологов, которые создают мифы в различных сферах общества. Для мифа XXI в. характерно его искусственное происхождение.

Во-вторых, одной из характеристик современного мифа является его неявное, имплицитное присутствие в культуре. Созданный экономическими, политическими и другими технологиями для определенных целей, миф часто завуалирован, невидим, но продолжает влиять на человека, предлагая ему целостную картину мира и определенную модель поведения.

В-третьих, важнейшей характеристикой мифа XXI в. является тесный сплав в нем рациональных и иррациональных элементов.

Несмотря на новые характеристики, основные черты мифа, с помощью которых мифологическая реальность предлагается как возможная действительность, сохраняются. В мифе XXI в. мы обнаруживаем все важнейшие свойства мифа: образность, простоту, неразличимость видимости и реальности; синкретичность; вневременность.

Рассмотрим выделенные особенности современного мифа на материале представлений трансгуманизма о будущем человеке. Трансгуманизм предлагает миф о постчеловеке, который является самостоятельным творцом человеческой эволюции, как биологической, так и социальной.

1. Образ постчеловека в трансгуманизме создан искусственно. Он основан на вечном стремлении человечества к бессмертию. Поэтому миф трансгуманизма о постчеловеке обладает вневременным характером, но при этом образ будущего человека достаточно конкретен. Черты нового человека указывают на его существование в техногенном обществе. «Непрерывно ускоряющийся технический прогресс позволит создать сверхчеловека, который будет принципиально отличаться от нынешних людей. Особенно в этом должны помочь геновая инженерия, молекулярная нанотехнология, создание нейропротезов или прямых интерфейсов «мозг – компьютер» Петрунин [Петрунин 2018].

Идея создания сверхчеловека занимает центральное место в трансгуманизме. Знакомый и привычный символ бессмертия активно используется в мифе трансгуманизма: постчеловек сможет обладать бессмертием. Трансгуманизм пропагандирует идею цифрового бессмертия. Оно обусловлено возможностью наделить небиологическое тело индивидуальным сознанием. Небиологическим носителем интеллекта может стать искусственное тело, предмет, орган, на который перенесено сознание человека.

Несмотря на привлекательность идеи бессмертия, искусственно созданный образ имеет антигуманную сущность. За рамками обсуждения остаются реальные представления об искусственном интеллекте. Искусственные нейронные сети не смогут полностью заменить человека, поскольку только человек может решать проблемы, избегая экзистенциальные угрозы человечества. Опасность заключается в том, что сознание человека при его переносе в цифровое пространство будет естественно ограничивать свои возможности. Отпадет необходимость в абстрактном и логическом мышлении. Возможность мгновенно «погуглить» и получить ответы на все вопросы, сделает невостребованной память, данную человеку природой. В

конечном итоге электронные носители ослабят мышление человека, его интеллект. Экзистенциальная угроза заключается в утрате человеком собственной идентичности. Индивидуальность человека будет заменена запрограммированной компьютерной системой, способной изменить смысл его существования. Идея цифрового бессмертия снимает все антропологические ограничения, но по словам Хвастуновой, подобный нигилизм: «долгой барьеры, опасения, страхи, вперед в виртуальную реальность, сверхспособности, обожествление и бессмертие» (цифровое бессмертие), создает опасный прецедент, когда возврата в нормальное и естественное состояние подлинной человеческой природы уже не будет» [Хвастунова 2019]. Человек может утратить свою экзистенцию.

Простота идеи совершенствования человека и его жизненной среды используется в трансгуманизме с определенными целями. Миф создает привлекательный образ человека будущего, живущего в умных домах, пользующегося беспилотным транспортом, виртуальными деньгами и прочими благами технологической цифровизации жизненного пространства.

Но за красивой картиной светлого будущего для каждого человека остается опасность управления личностным и общественным сознанием. Уже в настоящее время поколение 2000-х гг. живет в виртуальных сетях. Но виртуальную среду создают конкретные люди с конкретными целями. Контроль информационного поля может стать мощным видом социального и духовного порабощения человека. Социальная угроза мифа о трансчеловеке, существующем в новом цифровом пространстве, связана с возможностью технологического тотального контроля за человеком.

Технология «нейронного кружева» основана на считывании импульсов мозга и передачи на гаджет-имплант, который переводит сигналы человеческого мозга на язык компьютера. Чипирование людей, контроль за их передвижением, платежами и т.д. позволит группе людей, которые владеют технологиями, бесконтрольно управлять человеком, обществом, миром. Именно поэтому внешне притягательный благодаря образности и простоте миф о совершенном человеке имеет антигуманный характер.

2. Имплицитное присутствие мифа о сверхчеловеке в концепции трансгуманизма используется его идеологами для завоевания широкой круга последователей. Представленный как научная теория, реальное воплощение которой осуществится в ближайшем будущем, миф о трансчеловеке имеет большие шансы на популярность, он чрезвычайно привлекателен для массовой аудитории.

В европейском обществе миф о будущем сверхчеловеке представляет личность, не ограниченную гендерной идентичностью. Процессы цифровизации создают виртуальную среду, в которую люди переносят коммуникационные отношения, где ощущения оторваны от тела. Виртуальное пространство соцсетей стирает естественную бинарную оппозицию мужского и женского начала. В этой ситуации трансгуманизм, используя мифологические основания активно транслирует идею о том, что трансгендерный переход путем самоидентификации или достижений медицины позволит человеку освободиться от данных природой ограничений, обрести свободу выбора, плюралистичность мировоззрения. В западной культуре благодаря социально-политическим механизмам влияния на сознание человека и общества появляется все больше представителей разнообразных вариантов гендерной идентичности и сексуальной ориентации. Трансгуманизм в мифе о постчеловеке отвергает гендерную бинарность и утверждает, что благодаря новым технологиям в

мышлении человека изменятся представления о поле, семье, деторождении. Разрушаются естественные границы половой принадлежности человека, и перед ним откроется мир новых возможностей, с новыми видами удовольствия и эмоционального переживания. Новый андрогинный человек будет обладать иным сознанием, в котором будут интегрированы мужское и женское. Новая человеческая природа создаст иную социальную среду.

Заманчивая перспектива природной эволюции человека облекается в простые, доступные для понимания формы мифа. Трансгендерный миф об андрогинном постчеловеке предлагает человечеству конкретные пути достижения новой модели бытия, мира будущей гармонии. Но миф о трансчеловеке, преодолевающем биологический характер своей природы, содержит в себе антропологические и социальные угрозы.

Прежде всего, возникает опасность для института традиционной семьи, основанной на моральной и правовой ответственности. Создается проблема деторождения (от искусственного зачатия до сознательного отказа от деторождения, и как следствие либо перенаселение планеты, либо прогрессивно нарастающая убыль людей). Последствия этих процессов выразятся в общем кризисе общества, поскольку разрушение традиционных ценностей, связанных с экзистенциальными характеристиками человека, отразятся во всех сферах общества.

Таким образом миф трансгуманизма создает ложные антигуманные идеи, способные манипулировать сознанием человека и общества.

3. В мифе о будущем человеке переплетены рациональные и внерациональные элементы. Характерную для мифа интеграцию «аналитического (рационального, логического) и мифического (ассоциативного, образно-художественного, синтетического) мышления» анализирует А.В. Ставицкий [Ставицкий 2022]. Так и в мифе о постчеловеке синтез желаемого и действительного создает убедительно реальную картину мира.

За убедительной аргументацией возможности сверхприродной эволюции человека миф о постчеловеке обращается к рациональной науке, техническим открытиям XXI века. Современные достижения в области медицины, новейшие биотехнологии уже сегодня дают фактические результаты в преодолении физических страданий, болезней человека, устранения его природных физических недостатков. Трансгуманизм транслирует миф, в котором образ человека будущего рационально представляем: постчеловек создан искусственными тканями и нанонейронными технологиями. И в тоже время образ такого постчеловека как модели будущего человека – это явление внерациональное, он принадлежит виртуальному пространству (его общение, эмоции виртуальны). Искусственные ощущения, переживания, вне телесности, вне природной половой идентичности, переплетая действительное и внерациональное создают образ постчеловека эпохи метамодерна. Но символ совершенного человека, обладающего сверхприродным потенциалом, в мифе трансгуманизма по существу является имитацией действительности.

Миф трансгуманизма следует рассматривать как средство идеологии, навязывающей свою систему ценностей. Создаваемый адептами трансгуманизма, миф предлагает целостную картину будущего мира техники и технологий. При этом скрывается доминирующее положение технологического фактора над антропологическим.

Результаты исследования мифа о постчеловеке позволяют утверждать, что трансгуманизм формирует собственную идеологическую концепцию на основе

искусственно созданного мифа. Использование мифа как идеологемы наполняет миф содержанием, в котором есть антропологические и социальные риски для человечества.

Заключение (Conclusions)

Миф трансгуманизма предлагает образ нового искусственно созданного идеального человека. В этом мифе совершенный человек предстает как результат интеграции интернет технологий, цифровой техники и искусственного интеллекта. Искусственный интеллект как вершина интеллекта человека, пик его биологической эволюции изменит его существование. Постчеловек станет элементом нового технического уклада, который обеспечит светлое и гармоничное существование общества.

Но в искусственно созданном мифе содержатся реальные экзистенциальные и социальные угрозы для человечества. Технический прогресс, его новые технологии создают новую среду мира соцсетей, Интернета, виртуального пространства. И если человек не сохранит в новом технологическом укладе свою антропологическую сущность, он может деградировать, превратиться в придаток техники. Миф трансгуманизма, внешне привлекателен и успешно популяризируется в силу динамичности технического прогресса. Но он опасен для человечества, поскольку предлагает технологическую трансформацию как единственно возможную эволюцию человека.

Литература

Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука. 1988. 238 с.

Киселев В.В. Трансгуманизм: новая восходящая мировая религия или новая вариация старых мифов? // Контекст и отражение: философия о мире и человеке. 2021. № 2-1. С. 103-108. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.37.44.013>

Петев П.И. Миф о «Постчеловеке» как потенциальный онтологический примат: анализ аутентичности и автономности // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов VI Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2022 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2022. С. 21–32.

Петрунин Ю.Ю. Искусственный интеллект: ключ к будущему? // Философские науки. 2018. № 4. С. 96- 113. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-4-96-113.

Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Ислам и трансгуманизм: противоположность гуманистического потенциала антропологических концепций // Исламоведение. 2019. Т. 4. С. 138-147 Дои 10.21779/2077-8155-2019-10-4-138-147«Трансгуманизм идеализирует антигуманистические трансформации постиндустриального общества»

Российское трансгуманистическое движение. URL: <http://transhumanism-russia.ru/> (дата обращения: 15.02.2020).

Соловьев В.М. Транскультура: миф или реальность? // Ростовский научный вестник. 2021. №11. С. 28-32.

Ставицкий А.В. Общая теория мифа о диалектическом взаимодействии аналитического и мифического мышления в рамках целого // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов VI Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2022 года, г. Севастополь) / Под

редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2022. С. 33–46.

Хвастунова Ю.В. Религиозный аспект трансгуманизма в свете популяризации движения в современном обществе // Манускрипт. 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 207–210.

Царева Н.А. Антропоморфность техники в эпоху постпостмодерна // Проблемы музыкальной науки. 2020, № 4. С. 30–42. DOI: 10.33779/2587-6341.2020.3.030-042

Четверикова О.В. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма // https://royallib.com/book/chetverikova_olga/diktatura_prosveshchennih_duh_i_tseli_transgumanizma.html

Bostrom N.A. History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. Vol. 14. Issue 1. April. 2005. URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.pdf> (дата обращения 15.08.2013.)

Paura R. Singularity Believers and The New Utopia of Transhumanism // A Journal of the Social Imaginary. 2016. No. 7, pp. 23–55. DOI: 10.7413/22818138056.

References

Avtonomova N.S. Reason. The Mind. Rationality. Moscow: Science. 1988. P. 238. (In Russian).

Kiselyov V.V. Transhumanism: a New Rising World Religion or a New Variation of Old Myths? // Context and Reflection: Philosophy about the World and Man. 2021. No. 2-1. Pp. 103–108. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.37.44.013> (In Russian).

Petev P.I. The Myth of the "Postman" as a Potential Ontological Primate: an Analysis of Authenticity and Autonomy // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the VI International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2022, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, 2022. Pp. 21–32. (In Russian).

Petrinin Yu.Yu. Artificial Intelligence: the Key to the Future? // Philosophical sciences. 2018. No. 4. Pp. 96–113. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-4-96-113. (In Russian).

Polomoshnov A.F., Polomoshnov P.A. Islam and Transhumanism: the Opposite of the Humanistic Potential of Anthropological Concepts // Islamic Studies. 2019. Vol. 4. Pp. 138–147. Doi 10.21779/2077-8155-2019-10-4-138-147 "Transhumanism idealizes anti-humanistic transformations of post-industrial society" (In Russian).

The Russian Transhumanist Movement. URL: <http://transhumanism-russia.ru> / (accessed: 02/15/2020). (In Russian).

Solovyov V.M. Transculture: Myth or Reality? // Rostov Scientific Bulletin. 2021. No. 11. Pp. 28–32. (In Russian).

Stavitskiy A.V. The General Theory of Myth about the Dialectical Interaction of Analytical and Mythical Thinking Within the Whole // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials for the VI International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2022, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, 2022. Pp. 33–46. (In Russian).

Khvastunova Yu.V. Religious Aspect of Transhumanism in the Light of Popularization of the Movement in Modern Society // Manuscript. 2019. Volume 12. Issue 11. Pp. 207–210. (In Russian).

Tsareva N.A. Anthropomorphism of Technology in the Post-postmodern Era // Problems of Musical Science. 2020, No. 4. Pp. 30–42. DOI: 10.33779/2587-6341.2020.3.030-042 (In Russian).

Chetverikova O.V. The Dictatorship of the "Enlightened": the Spirit and Goals of Transhumanism. // URL: https://royallib.com/book/chetverikova_olga/diktatura_prosveshchennih_duh_i_tseli_transgumanizma.html (accessed 15.08.2013.). (In Russian).

Bostrom N.A. History of Transhumanistic Thought // Journal of Evolution and Technologies. Volume 14. Issue 1. April. 2005. URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.pdf> (accessed 15.08.2013.)

Paura R. Believers in the Singularity and the New Utopia of Transhumanism // Journal of Social Imagination. 2016. No. 7. Pp. 23–55. DOI: 10.7413/22818138056.

Сведения об авторе:

Царева Надежда Александровна

профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета

доктор философских наук (г. Владивосток, Россия)

E-mail: nadezda58@rambler.ru

Bionotes:

Tsareva Nadezhda Alexandrovna

Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Far Eastern State Technical Fisheries University

Doctor of Philosophy (Vladivostok, Russia)

E-mail: nadezda58@rambler.ru

Для цитирования:

Царева Н.А. Миф о постчеловеке в концепции трансгуманизма: экзистенциальные и социальные угрозы // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2(6), 2023. С. 29–37.

For citation:

Tsareva N.A. Myth of the Posthuman in the Concept of Transhumanism: Existential and Social Threats // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2(6), 2023. С. 29–37.

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

УДК 1:008

НАУКА О МИФЕ И МИФОЛОГИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ставицкий Андрей Владимирович

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена проблемам понимания наукой мифа и мифологического мышления, в котором отражаются не только человеческие вопросы бытия, но и проблемы состояния и развития самой науки. Цель статьи – рассмотреть типичные заблуждения науки о мифе и мифологическом мышлении, как проявления научного мифотворчества. Актуальность данной темы определяется необходимостью в новой постановке проблемы изучения мифа и мифотворчества в соответствии с современными запросами на её, связанными с констатацией бурного роста социального мифотворчества. Для этого исследователи применяют расширительное толкование мифа, положенное в основу формирования неклассической мифологии и общей теории мифа.

Ключевые слова: миф, современный миф, мифологическое мышление, мифотворчество, общая теория мифа, неклассическая наука, неклассическая мифология

THE SCIENCE OF MYTH AND MYTHOLOGICAL THINKING: ANTHROPOLOGICAL ASPECT

Stavitsky Andrey Vladimirovich

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol
(Sevastopol, Russia)

Abstract

The article is devoted to the problems of science's understanding of myth and mythological thinking, which reflects not only human questions of existence, but also the problems of the state and development of science itself. The aim of the article is to consider typical misconceptions of science about myth and mythological thinking as manifestations of scientific myth-making. The relevance of this topic is determined by the need for a new formulation of the problem of studying myth and mythmaking in accordance with modern requests for it, associated with the establishment of the rapid growth of social mythmaking. For this purpose, the researchers apply an expansive interpretation of myth, which is the basis for the formation of non-classical mythology and the general theory of myth.

Keywords: myth, modern myth, mythological thinking, myth-making, general theory of myth, non-classical science, non-classical mythology

Введение (Introduction)

Сложно писать про явление, о сути которого за тысячи лет люди не договорились даже на уровне определения, понимая под ним что-то своё, особое. Однако есть основания полагать, что в развитии мифологии наступает такой период, когда ключевые пазлы головоломки складываются и создаются условия для

формирования того, что в нынешних условиях можно назвать общей теорией мифа (ОТМ). Именно общей, не единой, потому что единой теория мифа в его расширенном понимании быть не может, поскольку одним из главных условий её формирования является складывание и умножение накопленного разными отраслями научного знания, каждое из которых играет в понимании мифа свою незаменимую роль, выступая для нас не конечным, предельным, безоговорочным в своих формах знанием, которому предписано быть таким, каким его мыслят, но лишь основой для иного видения и дальнейшего движения вперёд, которое обеспечивает неклассическая мифология, изучающая и описывающая миф как таковой и в первую очередь современный, неограничивая его.

В свете этого особо важно разобраться в том, какие представления о мифе в науке господствуют с учётом психологии восприятия, мысли и речи, и почему? Что с ними не так, коль наука обнаруживает миф везде, но своего мифотворчества не замечает? Как это мифотворчество влияет на саму науку и что с ним делать: использовать или шельмовать и истреблять? И можно ли истребить в человеке и культуре в целом то, что наполняет смыслом человеческое бытие и составляет его духовную основу? Как быть, если миф глубоко антропологичен, и это проявляется даже в самоназвании человека, когда люди решили назвать себя «*homo sapiens*», хотя подавляющая часть их поступков этого не подтверждает? Показать же эти проблемы можно, лишь приняв, что «мифологические структуры (образы, архетипы) укоренены не только в сознании человека, но и в научном знании, на уровне его оснований» [Ильянович 2022: 89].

Литературный обзор (Literature Review)

Теоретическую базу данной статьи представляют труды исследователей, которых можно причислить к мифологической классике: Э. Кассирера, А.Ф. Лосева, К.Г. Юнга, А.А. Потебни, М. Элиаде, К. Леви-Строса, К. Хюбнера, Дж. Кэмпбелла, Ю.М. Лотмана, Г.Д. Гачева, А.М. Пятигорского, Б.А. Успенского, А.М. Лобока и др., а также работы современных исследователей, чьи публикации выходили и были отмечены в сборниках Международной научной междисциплинарной конференции «Миф в истории, политике, культуре»: А.М. Буровского, О.А. Габриеляна, А.А. Гагаева, А.С. Глушака, А.Г. Иванова, С.А. Маленко, Н.И. Мартишиной, В.М. Найдыша, А.Г. Некиты, М.В. Пивоева, С.М. Поздяевой, В.М. Полосина, А.Н. Садового, А.С. Тимошука, С.В. Тихоновой, Е.Л. Яковлевой и др. [Миф в истории политике, культуре 2019, 2020, 2021, 2023], чьи идеи, наработки, гипотезы легли в основу общей теории мифа.

В вопросах рассмотрения особенностей работы мышления, языка, сознания, мозга большую помощь оказали труды в области психологии и когнитивистики П.К. Анохина, Н.П. Бехтеревой, Дж. Брунера, Л.С. Выготского, Д. Иглмена, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, А.Р. Лурии, Дж. Миллера, У. Найсера, В.В. Налимова, М.В. Пименовой, Б. Тверски, К. Фрита, Т.В. Черниговской и др.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Когда речь идёт о мифотворчестве, ключевым вопросом для понимания его причин и мотивов является проблема скрытых структур механизма мышления и функционирования сознания с учётом работы т.н. дефолт-системы, без которых творчество в принципе невозможно. И мифотворчество – важная часть его, которую у нас традиционно недооценивают. Хотя, изучая миф, наука познаёт себя и свои возможности, чтобы двигаться дальше [Ставицкий 2012а].

Причиной тому во многом является идущая от позитивистов установка противопоставления логического и мифического (образно-художественного), где первое ассоциируется с правдой, а второе с порочным враньём, хотя сводить к ним работу человека с информацией, знанием, моделями, структурами, образами, заявляя, как раньше, что миф строится на вере, а наука – на фактах, неверно уже в силу узости подхода, т.к. сам факт неотделим от познающего как образ реальности и факт сознания, включая в себя его скрытые установки и мотивации, а значит, не сводится к правде и лжи, как не сводятся к ним литература, искусство и сам процесс познания, неся в себе элементы того и другого, и не обходится без веры в его правдивость и значимость.

Понять позитивистов можно, ведь с точки зрения логики миф изначально неправилен и сам возвёл эту неправильность в абсолют. Он надтелесен и принадлежит к тому когнитивному пространству, которое до сих пор является для человека непознаваемым, как бы себя мы ни убеждали в обратном. И связано это с тем, что логическое описание мифа становится препятствием для понимания, но снимается на уровне поэтики, которая выступает высшим языком его изложения, ставя задачу не упрощать через исключение, но множить, предлагая варианты прочтения и осмысления, стремящиеся к бесконечности, где понять можно, лишь приняв, приобщившись и прочувствовав [Альбедиль 2003]. При этом, рационально мыслящий человек не может овладеть собственным мифом и осознать его, что, впрочем, никак не мешает ему мифом активно пользоваться, практически его не распознавая и скрывая под другими названиями [Ставицкий 2012с].

Согласно идее эмпириков-позитивистов, наука может основываться лишь на фактах, наблюдаемых, проверяемых и реконструируемых. И с этим простым утверждением хочется согласиться. Но, как известно, факты можно совершенно по-разному наблюдать, проверять, трактовать и реконструировать, встраивая в абсолютно разные и даже противоположные системы, заставляя их «работать» в разных смысловых режимах и давая кардинально разный результат.

Однако, что мы от мифа хотим, если к началу XX в. простые конкретные факты стали неоднозначно понимаемыми и интерпретируемыми, что было подмечено известным многими, включая теоретика науки К. Хюбнера, писавшего об этом следующее: «Расхождения Эйнштейна с Бором ясно показывают, что «факты» для каждого из них имеют различный смыслы и проявляют себя по-разному» [Хюбнер 1994: 163]. Но ведь эта проблема касается каждого исследователя, а не только А. Эйнштейна с Н. Бором. И связано это с тем, что, имея дело с фактами, исследователь обычно берёт самый простой¹, либо самый близкий ему вариант толкования, выстраивая модель интерпретации под себя в соответствии с гештальтом как некую целостность, где знание становится личностным [Полани 2013], а наука не только рациональной. Но данный подход, как правило, не является единственным. В любом случае учесть, тем более оценить все варианты он не может, так как они возникают не только в силу разного профессионализма и мотивации исследователей, но и по мере изменения контекста. Причём контексты могут меняться на «выходе» (исторический контекст источника) и на «входе» (контекст восприятия исследователя), а также в процессе исследования. Но при таком количестве неизвестных всё учесть и

¹ У известного американского физика Р. Фейнмана об этом сказано: «Почему природа позволяет на по наблюдениям за одной частью догадываться о том, что происходит повсюду? Конечно, это не научный вопрос; я не знаю, как на него правильно ответить, и ответу столь же ненаучно: мне кажется причина в том, что природа проста, а потому прекрасна» [Фейнман 2020: 254].

рассчитать одну универсальную модель, тем более её реконструировать, не представляется возможным.

Поэтому в лучшем случае исследователю удастся максимально правдоподобно и убедительно обосновать свои подходы и выводы, в максимально возможной степени убедив остальных. Значит, абстрагируясь от этих сложностей, такой учёный, а вслед за ним и наука, будут исходить из описанного ещё А. Пуанкаре конвенционального принципа «будем считать, что всё было так, как мы договорились», решая большинством, какой вариант на данный момент объявить истинным. Естественно, до тех пор, пока не поменяются контексты и мотивации. Тогда точка зрения изменится. Предыдущая модель будет объявлена ложной, непродуманной, устаревшей, мифической, и начнётся чествование и утверждение новой, чтобы со временем и её поменять. И так бесконечно. Но в том нет крамолы. Мир меняется в каждом конкретном факте бытия и во всей целостности, а следом за ним меняются и наши взгляды о нём, где ложь и правда, за редким исключением настолько переплетаются, что становятся неизбежно размытыми, подвижными, неразличимыми, позволяя нам самим решать, что как считать и показывать. Однако почему в отношении науки учёные это понимают и принимают, а в отношении мифа нет? Почему наука получила презумпцию невиновности, где все ошибки списываются на конкретных учёных, оставляя саму науку невинной, но в отношении мифа нет, обвиняя его в том, в чём наука виновна не меньше? Правильно ли и честно ли делать из него «козла отпущения» и виновника человеческих бед?

К сожалению, доминирующий в общественных и научных взглядах до сих пор позитивизм именно в силу простоты его подходов к познанию данные эпистемологические нюансы практически игнорирует, что особенно хорошо видно по трудам виднейшего позитивиста, британского математика и философа Бертрانا Рассела [Рассел 1999]. Спрашивается: почему же позитивисты этого не учитывают? Почему мыслят столь однозначно? Почему обращаются с каждым фактом, как с чем-то неизменным и не подлежащим иной трактовке, кроме той, что выбрали они? Чего им не хватает для понимания таких простых вещей? И последнее: не есть ли такие внутренне строго логические и вместе с тем ложные в своём упрощении подходы основанием для возникновения новых мифологий, в которых учёные взаимно обвиняют друг друга, если их теории друг с другом не согласуются? Впрочем, по-настоящему нас интересует только последний вопрос, и на него мы отвечаем утвердительно, подтверждая, что наука как живое и постоянно развивающееся целое, чтобы развиваться и преобразовываться, вынуждена постоянно диалектически отрицать себя, стремясь к истине и объявляя ею то, что на данный момент кажется верным. Но как? Не через миф ли? Не с его ли помощью, используя те истины, которые рождаются в ней как ересь, а умирают, как предрассудок, будучи всегда для нас в образно-символической форме отражённой сознанием реальностью? И не отдаёт ли это неким плохо скрываемым лукавством? [Ставицкий 2012а]

Давая оценку подходам позитивистов, К. Хьюбнер подчёркивал: «История духа, таким образом, не должна... пониматься как линейное движение от примитивного к высшему. Она демонстрирует скачки и повороты, в которых общее направление полностью изменяется. Впечатление подъёма к вершине... возникает лишь благодаря тому, что мы рассматриваем историю с её конца, а именно, от научно-технической эпохи» [Хьюбнер], которая воспринимается как некий итог и результат. Впрочем, для нас здесь важно другое: примитивные в своей логичности аргументы позитивистов подводят к любопытному парадоксу, когда, содействуя вытеснению мифа из нашей

жизни, мы ещё более утверждаем его, невольно множа иррациональное, делая из мифоборцев мифотворцов [Барт 1994]. И наука с этим «хаосом» справиться не может, несмотря на все старания. Но должна ли? Способна ли наука научить слышать и видеть Бога во всём сущем, с равным усердием внимать молитве и птичьему пению, шелесту листьев и шуму дождя, гомону рынка и журчанию ручья? Позволяет ли забыть о себе, став просто ухом, слушающим, что говорит в нём вселенная Божьего Слова? А миф может.

Возможно, поэтому среди учёных иногда можно даже услышать мнение, что наука ещё не достигла того уровня знаний о невидимом тонком мире, которым обладали египетские жрецы. Но, может быть, это просто не её сфера? Ведь с пониманием мифа происходит, как с музыкой, когда написанные ноты воспринимаются читающим как знаки, тогда как на самом деле они лишь отражают объединённые мелодией звуки. Их можно читать и толковать, разделять, переставлять местами, а нужно слышать и слушать как симфонию. Не многие слышат мифы в музыке бытия. С немногими мифы говорят. Хотя «музыка» мифов идентична «музыке» формул, о которой пишут, говорят и думают гениальные математики, где миф есть один из способов воплощения Слова Бога как абсолютного Бытия. Поэтому мифологическое мышление не шаг вперёд или назад по сравнению с наукой, но просто другой способ понимать реальность [Сайко 2003], а говорить о мифе в рамках дихотомии «правда/ложь» так же примитивно и неправильно, как утверждать, что теория относительности – о том, что всё вокруг относительно.

В свою очередь проблема взаимодействия «научного» и «мифологического» мышления ставит вопрос об их эволюции [Режабек 2002], напоминая старый научный спор по этому поводу между выдающимися французскими антропологами Л. Леви-Брюлем и К. Леви-Стросом о т.н. «до-логическом» или первобытном, т.е. примитивном (primitive) мышлении, который продолжается их сторонниками до сих пор [Панов 2021], подчёркивая, что это «примитивное» мышление является не рациональным, а мифологическим и именно потому примитивным, хотя, по мнению выдающегося семиолога Ю.М. Лотмана, «этнические группы, находящиеся на заведомо ранних стадиях культурного развития и характеризующиеся ярко выраженным мифологизмом мышления, в целом ряде случаев могут обнаруживать поразительную способность к построению сложных и детализированных классификаций логического типа». Далее, приведя в качестве примера исследования жизни аборигенов, Ю.М. Лотман отмечает их способность к «комплексному мышлению» и «мышлению в коллекциях» (термин Л.С. Выготского), а также «мышления в понятиях» [Лотман 2004: 534].

Естественно, такая позиция не совпадает с общепринятой, в которой первобытным людям в логическом мышлении отказано [Леви-Брюль 2020], т.к. логика современного человека не совпадает с логикой «дикаря» без учёта контекстов и эволюции мифологического мышления. Но поскольку эти принципиальные разногласия всё-таки выстраиваются в рамках научного дискурса, в котором аргументы Ю.М. Лотмана, К. Хюбнера и К. Леви-Строса противостоят мнению К. Леви-Брюля и его последователей, нам придётся признать, что оценка мифа наукой отражает не только высшие достижения её в данной области исследования, но также и её накопившиеся за последние столетия и до конца не отрефлексированные предрассудки, которыми отчасти страдают обе стороны. Следовательно, в данном подходе есть не только оценка мифа наукой, но и представления о весьма

ограниченных возможностях современной науки по изучению мифа, особенно в его современном воплощении.

Кстати, говоря о творчестве одного из самых выдающихся мифологов XX в. французского антрополога К. Леви-Строса его исследователи отмечают, что в своей, возможно, самой значительной четырёхтомной работе «Мифологии» он вышел на такой уровень обобщений, что поставил под сомнение всё созданное до него здание мифологии как науки [Найдыш 2004: 393], чем, естественно, вызвал в свой адрес многочисленную критику. Но она оказалась относительной, слабо продуктивной и малосодержательной, несмотря на обилие аргументации. В первую очередь это объяснялось особой спецификой мифологии, которая является не набором представлений, лишённых преимуществ науки, но чем-то, принципиально Иным [Лосев 1999]. Тем, что наука плохо понимает, несмотря на постоянные заверения в обратном, и в строго научном плане совсем не умеет использовать. «Благодаря перечисленным особенностям мифов, исследование Леви-Строса стало практически неуязвимо для научной критики» [Леви-Строс 2007: 752], – отмечается в одной из посвящённых «Мифологикам» работ. С другой стороны, выделялось и то, что «автор благоразумно запасся алиби научности для писателей и алиби художественности для ученых, тем самым став недоступным для критики с обеих сторон» [Леви-Строс 2007: 752].

Второе наблюдение, впрочем, показывает, что неуязвимость для научной критики работы К. Леви-Строса связано не столько с особенностями мифов, сколько с особенностями стиля письма К. Леви-Строса и собственно структуры его «Мифологик», более напоминающих не строгую научную монографию, а своеобразную «Тысячу и одну ночь». Не случайно его исследователи в отношении «Мифологик» используют сравнение с «изящной и хитроумной головоломкой» [Леви-Строс 2007: 752], похожей на им же описанный мифологический бриколаж. Но и особенности мифа, как обладающего своей внутренней логикой социокультурного феномена, мы не будем сбрасывать со счётов. В этом смысле к позиции и аргументации К. Леви-Строса учёные будут ещё возвращаться и прислушиваться. Мы же со своей стороны отметим, что, выведя себя из зоны научной критики, К. Леви-Строс в какой-то степени оказался в стороне от строго научного дискурса, что большему пониманию мифа не очень способствует. Но главные его идеи, перекликающиеся с идеями умевших мифологизировать Г.Д. Гачева [Гачев 2003], Дж. Кэмпбелла [Кэмпбелл 2018], Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского [Лотман 2004], утверждают и требуют такого отношения к мифу, которое в нынешних переломных исторических условиях он заслуживает. И это, наверное, главное.

Так, например, по мнению К. Леви-Строса, «лечебный метод шамана кажется точным эквивалентом лечебного метода психоаналитика» [Леви-Строс 2001: 207]. А «сходство обоих методов становится поразительным, когда сравниваешь шаманское врачевание с некоторыми недавно появившимися способами лечения, которые, по мнению их адептов, относятся к психоанализу» [Леви-Строс 2001: 207]. Данное сравнение тем более является важным, если учесть, что «психопатологические расстройства можно передать только языком символов» [Леви-Строс 2001: 207], о чём так много и плодотворно писал К.-Г. Юнг [Юнг 1998]. И хотя у К. Леви-Строса речь идёт о частном сравнении, некая тенденция к выявлению закономерностей в нём уже ощущается, несмотря на то, что и сдерживается психологическими установками исследователей.

Кстати, по мнению выдающегося русского лингвиста А.А. Потебни, открытия в области психологии и зоологии ещё в начале XIX в. показали, что «реальное бытие имеет только особи; что роды, виды, классы суть лишь обобщения и разделения, произведенные человеческим умом и подлежащие произвольным изменениям» [Потебня 1990: 283]. А это значит, что многое из того, что человек получает в виде знаний от общества, есть результат множества непрописанных соглашений о том, что чем надо считать и как понимать в рамках той или иной языковой культуры, опираясь на выработанные в ней культы и табу. Иначе говоря, что считать за «правду» в том или ином обществе, какие социальные ценности культивировать, а какие нормы и идеи осуждать, решает и утверждает его большинство. И хотя каждый раз эти нормы будут обосновываться апелляциями к разуму и науке, мифологии в них будет значительно больше, чем логики, поскольку логика в каждом таком случае будет «работать» на мифологию [Ставицкий 2012с].

В свою очередь в порядке расширения социокультурного аспекта рассматриваемой проблемы отметим, что манипуляция действиями и манипуляция идеями производятся при помощи знаков и символов, то есть, значимых эквивалентов означаемого, относящихся к иному порядку реальности, чем означаемое. А это уже выводит нас на социальные процессы, которые мы наблюдаем в любом обществе. Впрочем, возможно, в данном конкретном случае речь идёт лишь о внешнем сходстве, не учитывающем исходные потенциалы развивавшихся в разных культурных традициях профессии шамана и психоаналитика. Но и его достаточно для того, чтобы выявить сходство, позволяющее ставить вопрос о соотносимости науки с мифом в рамках функционирования культуры как целого, несмотря на их диалектически отражённое в культурно-языковом единстве системное противоречие [Ставицкий 2012b]. А нам и того уже достаточно. Однако, не будем на нём останавливаться и тогда применительно к данному вопросу двойственности представлений исследователей, где научные воззрения неосознанно сочетаются с мифическими, весьма примечательными можно считать взгляды известного российского этолога В.Р. Дольника, который по поводу возникновения «человека сразу с речью» восторженно восклицает: «Это чудо, которое абсолютно непонятно» [Гликман]. Но в отношении к Богу он почему-то настроен иначе. «Я материалист, – жестко говорит Дольник, отчеканивая каждое слово скрипом инвалидного кресла. – Человек после смерти разлагается на молекулы. И все. Точка» [Гликман]. В другом месте своей беседы он уточняет: «для меня Бог существует только в форме законов природы. А такого Бога, который сидит сверху, для меня нет» [Гликман], демонстрируя какой-то упрощённо детский, не очень понятный для глубокого учёного, подход.

В самом деле, почему Бог должен обязательно где-то сверху сидеть? Почему бы ему не быть, например, разлитым в природе, представляя ту духовно образующую и естественно организующую силу, которая материалистом воспринимается как «чудо, которое абсолютно не понятно»? Вообще, если возникновение человека с речью для учёного «абсолютно не понятно», то почему он так легко отмахивается от варианта, который это образование объясняет, лишь потому, что он не вписывается в его воспитанные годами научной деятельности представления? И пусть речь идёт только о допущении, которое не может быть доказано эмпирически, сохранить его в рамках гипотезы, учёный просто обязан. Ведь ясно же, что, независимо от того, является ли В.Р. Дольник материалистом или нет, он в первую очередь учёный-исследователь. А исследователь не должен отбрасывать те версии, которые он не

может доказать или опровергнуть, лишь на том основании, что его убеждения ему так думать не позволяют. И что ненаучного в том, чтобы предположить наличие значительно более сложной и совершенной системы, чем человек, способной сознательно влиять на нас и природу, которую с древности называют богом?

Впрочем, отметим, что ссылки на животный мир, когда речь идёт о мире социальном, хотя и уместны, но не вполне учитывают исследуемой реальности, так как её нельзя свести к животным инстинктам и физиологии. Однако, подобного рода примеры в учёном мире довольно типичны, о чём, в частности, свидетельствует попытка показать, опираясь на данные этологии, что мысль о всеобщем равенстве с точки зрения биологии абсурдна. «Такая мысль время от времени возникает, – считает профессор В.Р. Дольник, – но для воплощения ее нужно создать другого человека. Бухарин говорил, что путем истребления миллионов людей мы выведем коммунистического человека. Но у них ничего не получилось. Получился социалистический человек. Плод реального социализма. А реальный социализм – это чистый обезьянник. Этнографы обнаружили у некоторых племен, зашедших в тупик и вторично деградировавших, разного рода "выверты". Одни были озабочены тем, чтобы ни у кого из сородичей не имелось никакой собственности, ничего своего. Другие – сложным дележом добычи. Третьи – чтобы все делали одну и ту же работу сообща и одновременно. Четвертые объедались наркотиками и попадали во власть не злоупотреблявших наркотиками женщин. И так далее. Социализм с человеческим лицом невозможен» [Крышук].

Отметим, наверное, кого-то такая категорическая простота и подкупает, особенно, если данные выводы ложатся на разочарования от развала СССР, однако она ярко диссонирует с научными подходами, которые требуют оценивать социальные процессы исходя из их внутренней логики и контекстов, а не сообразно с жизнью, устройством и поведением пчёл или обезьян. Хотя, если человек во всём подобен выживающему в рамках пищевой цепочки животному и не в состоянии с помощью культуры и социальной организации контролировать свои инстинкты, отрицая саму возможность самосовершенствования, то В.Р. Дольник абсолютно прав. Но история знает немало примеров иного свойства и качества и, несмотря на неудачу СССР, не может закрыть возможность такого развития окончательно, как бы утопично это ни казалось сейчас. По ходу, желая закрепить свои выводы о невозможности реализации социализма с человеческим лицом, В.Р. Дольник приводит пример из мира животных, где «борьба за главенство в стаде, в стае – одна из врожденных программ. Вожаку (самому агрессивному, но не обязательно самому умному) принадлежат лучшие самки, лучшие куски. А все остальные четко организованы в пирамиду соподчинения. Формы иерархии разные. У горилл – автократия: во главе стаи старший самец с седой спиной. А у павианов – геронтократия (власть старых), правят несколько патриархов. У макак – охлократия (власть наихудших). У них есть гнусная программа: бей слабого! Стоит вожаку наказывать подчиненного, как другие спешат помочь – кричат на провинившегося, кидают калом, норовят ткнуть чем-то, плюнуть. Даже «подонки» – с самого дна, даже самки» [Дольник]. Но, если генетически человек отличается от высших приматов всего на 4-5%, а в остальных 95% их генетический код совпадает, даёт ли это основание считать, что человек живёт лишь по заложенным в него природой программам? На наш взгляд, этология действительно кое-что в данном вопросе проясняет, но делать, опираясь на неё, какие-то фундаментальные выводы для жизни

человеческого социума, на наш взгляд, следует считать опрометчивым и поверхностным.

В любом случае данное затруднение говорит лишь о том, что наши знания не полны и нуждаются в дальнейшем развитии, что для науки является нормальным. Открытые ранее законы могут очень долго считаться правильными, но в какой-то момент под воздействием новых фактов оказаться неверными, вынуждая пересмотреть ставшие привычными представления, и наоборот, то, что долгое время считалось ложным, в несколько иной среде или ситуации будет признано наиболее верным. И к подобного рода поворотам каждый исследователь должен быть психологически готов, чтобы пересмотреть привычное ради расширения сферы познания и движения вперёд. Р. Фейнман напоминал об этом, подчёркивая, что «в прошлом всегда оказывалось, что для того чтобы выйти из аналогичного затруднения, приходилось пожертвовать каким-то глубоко укоренившимся представлением» [Фейнман 2020: 242]. Особенно, если знания в одной области проецируются на другую.

Заключение (Conclusions)

Какие выводы можно сделать в заключении? Похоже, говоря о мифе, наука не меньше рассказывает о себе, раскрывая свои особые тайны. Однако, миф оказался значительно сложнее, чем раньше считалось, несмотря на общее утверждение, что «природа проста, а потому прекрасна» [Фейнман 2020: 254]. Особенно в его расширительном толковании, т.е. в широком смысле слова, где под ним исследователи понимают в образно-символической форме отражённую сознанием реальность, а склонность человека распространять обобщённое в законах и правилах своё знание частного на весь мир, представляющий собой живую и постоянно меняющуюся бесконечность, играет с ним злую шутку, подменяя новое привычным.

Возможно, поэтому за прошедшие тысячи лет, о том, что понимать под мифом, люди не договорились даже на уровне определения, когда знания накоплены огромные, а понимания до сих пор нет, хотя «миф – это прежде всего форма знания. Причем, форма знания особая, которая содержит в себе и чувственно-образные, и абстрактно-понятийные компоненты. Любой миф содержит в себе признаки качественного перехода от чувственно-образного к абстрактно-понятийному уровню познавательной деятельности, *переходной фазы* от образа к мысли» [Найдыш 2022: 14]. Однако исследователи мифа надеются данное противоречие преодолеть с помощью общей теории мифа (ОТМ) [Найдыш 2004: 464–484], руководствуясь идеей, что мифологическое мышление изначально свойственно человеку, что оно не лучше и не хуже абстрактного мышления, но представляет собой другой способ понимать мир в образно-символической форме, оперируя не столько понятиями, сколько знаками, образами, символами с помощью метафор и ассоциаций, что является для него важным, ибо для человека значимы не факты сами по себе, но смыслы, которые они несут, а миф формирует поле ценностных смыслов и справляется с этим на протяжении тысячелетий, обеспечивая людей тем, что для них наиболее значимо.

Надежды на это связаны не только с тем, что мир нуждается в понимании мифа как явления и инструмента, который применительно к сознанию выступает оружием массового поражения, но в первую очередь с признанием очевидной ныне идеи, что «наука доросла до того, чтобы понять, что мифотворчество свойственно человеку и обществу уже в силу потребности в смыслах, а миф эти смыслы создаёт» [Ставицкий 2022: 56], формируя то поле ценностных смыслов культуры, которыми все мы живём.

Литература

Альбедиль М.Ф. Зеркало традиций: Человек в духовных традициях Востока. Санкт-Петербург: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2003. 288 с. («Мир Востока»).

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Изд. группа Прогресс, Универс, 1994. 616 с.

Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. Москва: Эксмо, 2003. 544 с.

Гликман Е. Тот, который не стрелял. Краткое жизнеописание великого птицелова Виктора Дольника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/35/31.html> (дата обращения: 09.05.2023).

Дольник В.Р. Убегая от обезьяны [Электронный ресурс]. URL: <http://ethology.ru/interview/?id=55> (дата обращения: 09.05.2023).

Ильянович Е.Б. Миф и наука как когнитивные системы: современные отношения // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 89–100.

Крышук Н. Виктор Дольник: Непослушное дитя биосферы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idelo.ru/443/23.html> (дата обращения: 09.05.2023).

Кэмпбелл Дж. Сила мифа. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 304 с.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. 2-е изд. Москва: Академический проект, 2020, 430 с.

Леви-Строс К. Мифологии. В 4-х тт. Т. 4. Человек голый. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2007. 784 с.

Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. Москва: Изд-во ЭКСМО-пресс, 2001. 512 с.

Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. Москва: ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. 658 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов VI Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2022 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2023. 574 с.

Найдыш В.М. Археология мифа (Мифотворчество в его историческом развитии) // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 13–31.

Найдыш В.М. Философия мифологии XIX – начала XXI в. Москва: Альфа-М, 2004. 544 с.

Панов Е.Н. Человек и природа в архаическом коллективном сознании. Москва: Гнозис, 2021. 344 с.

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Москва, 1985. 344 с.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. Москва: Высшая школа, 1990. 344 с.

Рассел Б. Искусство мыслить. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с. 2-е изд., испр.

Режабек Е.Я. Становление мифологического сознания и его когнитивности // Вопросы философии. Москва, 2002. № 1. С. 52–66.

Сайко Э.В. Миф – феномен социальной эволюции, этап становления и способ организации мышления // Мир психологии, 2003. № 3 (35). С. 3–11.

Ставицкий А.В. Общая теория мифа о структуре его функционирования // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 56–74.

Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012а. 543 с.

Ставицкий А.В. Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012b. 192 с.

Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012с. 240 с.

Фейнман Р. Характер физических законов. Москва: Издательство АСТ, 2020. 256 с.

Хюбнер К. Критика научного разума / Пер. с нем. Москва, 1994. 326 с.

Хюбнер К. Прогресс от мифа, через логос - к науке? / К. Хюбнер // Наука в культуре / Под ред. В. П. Поруса. Москва: Эдиториал УРСС, 1998. С. 250 –260. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6257> (дата обращения: 09.05.2023).

Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. Москва: Серебряные нити, 1998. 368 с.

References

Albedil M.F. Mirror of Traditions: Man in the Spiritual Traditions of the East. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, St. Petersburg Oriental Studies Publ., 2003. 288 p. ("The World of the East"). (In Russian).

Barth R. Selected Works. Semiotics. Poetics. Moscow: Izd. group Progress, Univers Publ., 1994. 616 p. (In Russian).

Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. Per. with German. L. Dobroselsky. Moscow: AST Publishing House, 2020. 160 p. (In Russian).

Gachev G.D. Mentality of the Peoples of the World. Moscow: Eksmo, 2003. 544 с.

Heisenberg W. Steps Beyond the Horizon: Per. with German. / Sost. A.V. Akhutin; ed. and intro. by N.F. Ovchinnin. N.F. Ovchinnikov. Moscow: Progress Publ., 1987. 368 с

Glikman E. The One Who Did Not Shoot. A Brief Biography of the Great Ptitselov Victor Dolnik [Electronic resource]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/35/31.html> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Dolnik V.R. Running away from the Monkey [Electronic resource]. URL: <http://ethology.ru/interview/?id=55> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Ilyanovich E.B. Myth and Science as cognitive systems: modern relations // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. pp. 89 – 100. (In Russian).

Kryshchuk N. Viktor Dolnik: Naughty Child of the Biosphere [Electronic resource]. URL: <http://www.idelo.ru/443/23.html> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Campbell J. The Power of Myth. St. Petersburg: Peter Publ., 2018. 304 p. (In Russian).

Levy-Bruhl L. Primal Thinking / Per. from Fr. B.I. Sharevskaya. 2nd ed. Moscow: Academic Project Publ., 2020, 430 p. (In Russian).

Lévi-Strauss K. Mythologie. In 4 t. Vol. 4: The Naked Man. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2007. 784 p. (In Russian).

Lévi-Strauss K. Structural Anthropology / Per. from Fr. Vyach. Vs. Ivanov. Moscow: EXMO-press Publ., 2001. 512 p. (In Russian).

Losev A.F. The Self: Essays. Moscow: EXMO-Press Publ., 1999. 1024 p. (In Russian).

Lotman Y.M. Semiosphere. St. Petersburg: Art-SPB Publ., 2004. 704 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2020. 658 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference. V International scientific interdisciplinary conference (June 2021, r. Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2021. 576 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Proceedings of the VI International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2022, r. Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2023. 574 p. (In Russian).

Naidysh V.M. The Archaeology of Myth (Myth-making in its Historical Development) // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. Pp. 13–31. (In Russian).

Naidysh V.M. Philosophy of Mythology XIX – beginning of XXI Century. Moscow: Alfa-M Publ., 2004. 544 p. (In Russian).

Panov E.N. Man and Nature in Archaic Collective Consciousness. Moscow: Gnosis Publ., 2021. 344 p. (In Russian).

Perelman admitted that he Knows How to Manage the Universe [Electronic resource]. URL: <http://www.vz.ru/news/2011/4/28/487382.html> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Polanyi M. Personal Knowledge. On the Way to Postcritical Philosophy. Moscow, 1985. 344 p. (In Russian).

Potebnya A.A. Theoretical Poetics. Composition, Introduction, Commentary / A.B. Muratov. Moscow: Vyshaya Shkola Publ., 1990. 344 p.

Russell B. The Art of Thinking. Moscow: Idea-Press Publ., House of Intellectual Book Publ., 1999. 240 p. 2nd ed., revised. (In Russian).

Rezhabek E.Ya. Formation of Mythological Consciousness and its Cognitiveness // Voprosy filosofii. Moscow, 2002. № 1. Pp. 52–66. (In Russian).

Saiko E.V. Myth – a Phenomenon of Social Evolution, a Stage of Formation and a way of Organisation of Thinking // The World of Psychology, 2003. № 3 (35). Pp. 3–11. (In Russian).

Stavitsky A.V. General Theory of Myth on The Structure Of Its Functioning // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022a. Pp. 56–74. (In Russian).

Stavitsky A.V. Ontology of the Modern Myth. Sevastopol: Ribest Publ., 2012b. 543 p. (In Russian).

Stavitsky A.V. Modern Myth and its Main Functions. Sevastopol: Ribest Publ., 2012b. 240 p. (In Russian).

Stavitsky A.V. Modern mythology: experience of comprehension of the Other. Sevastopol: Ribest, 2012c. 192 p.

Feynman R. The Nature of Physical Laws. Moscow: AST Publishing House, 2020. 256 p. (In Russian).

Hübner K. Critique of Scientific Reason / Per. from German. Moscow, 1994. 326 p. (In Russian).

Hübner K. Progress from Myth, through Logos - to Science? // Science in Culture / Edited by V. P. Porus. P. Porus. Moscow: EDITORIAL URSS Publ., 1998. Pp. 250–260. [Electronic resource]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6257> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Jung K.G., von Franz M.-L., Henderson J.L., Jacobi I., Jaffe A. Man and his symbols. Moscow: Silver Threads Publ., 1998. 368 p. (In Russian).

Сведения об авторе:

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: stavis@rambler.ru

Bionotes:

Stavitsky Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and International Relations, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Ставицкий А.В. Наука о мифе и мифологическом мышлении: антропологический аспект // МИФОЛОГОС. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». № 2(6), 2023. С. 38–50.

For citation:

Stavitsky A.V. Science of Myth and Mythological Thinking: Anthropological Aspect // MYTHOLOGOS. Series "Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies". № 2 (6), 2023. Pp. 38–50.

УДК 94(47)

МИФЫ ИНТЕЛЛЕКТА И КРЕАТИВНОСТИ

Арпентьева Мариям Равильевна
(Калуга, Российская Федерация)

Вереш Петер Тибор

Институт комплексных исследований гуманитарных наук Академии наук
Венгрии (Будапешт, Венгрия)

Аннотация

Мифы интеллекта и креативности – одни из наиболее распространенных мифов. Основные методы исследования – теоретический анализ и синтез проблем мифологического осмысления познавательных способностей (интеллекта и креативности) человека. Результаты исследования. Утверждения зарубежных психогенетиков о том, что уровень IQ и креативности у разных народов является генетически детерминированным, врожденным свойством, не только эмпирически, но и методологически неверно, как и представление о том, что антропологические расы, этносы и нации, социальные и профессиональные классы, возрастные и половые группы имеют врожденные различия интеллектуальных и творческих способностей. Заключение. Генетическая передача когнитивных способностей, показателей интеллекта и креативности с научной точки зрения – не доказана. Генетическая обусловленность данных способностей – псевдонаучный миф, который мешает исследованию интеллекта и креативности человека как эмерджентных феноменов.

Ключевые слова: генетика, интеллект, креативность, миф, псевдонаука, евгеника

INTELLIGENCE AND CREATIVITY MYTHS

Arpentieva Mariam Ravilievna

Tsiolkovskiy Kaluga state University (Kaluga, Russian Federation)

Veresh Peter Tibor

Senior Researcher at Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of
Sciences (Budapest, Hungary)

Annotation

Myths of intelligence and creativity are among the most common myths. Research method – theoretical analysis and synthesis of the problems of mythological understanding of human cognitive abilities (intelligence and creativity). Research results. The statements of foreign psychogeneticists that the level of IQ and creativity in different peoples is a genetically determined, innate property are not only empirically, but also methodologically incorrect, as is the idea that anthropological races, ethnic groups and nations, social and professional classes, age and gender groups have innate differences in intellectual and creative abilities. Conclusion. The genetic transfer of cognitive abilities, indicators of intelligence and creativity from a scientific point of view has not been proven. The genetic conditioning of these abilities is a pseudoscientific myth that hinders the study of human intelligence and creativity as emergent phenomena.

Keywords: genetics, intelligence, creativity, myth, pseudoscience, eugenics

Введение

Миф – один из культуuroобразующих феноменов, является наиболее распространенным именно в сфере культуры, понимания человеком себя и мира, в том числе в сфере познавательных способностей (интеллекта и креативности) человека (Миф в истории, политике, культуре, 2018). Мифы интеллекта и креативности – одни из наиболее распространенных мифов. На сегодняшний день распространенность этих мифов и попытки выдать их за научные – весьма широка. Генетическая передача когнитивных способностей, показателей интеллекта и креативности с научной точки зрения – не доказана. Генетическая обусловленность данных способностей – псевдонаучный миф, который мешает исследованию интеллекта и креативности человека как эмерджентных феноменов.

Перспективы исследования связаны с тем, что развенчание мифов и псевдонаучных доктрин в этой области – насущная необходимость, позволяющая решить не только многие научные проблемы и вывести психологию познания из кризиса, но и трансформировать системы образования и подготовки человека к социальной жизни, развитию его интеллектуальных и креативных функций.

Цель исследования – осмысление мифов изучения познавательных способностей человека.

Метод исследования – теоретические анализ и синтез проблем мифологического осмысления познавательных способностей (интеллекта и креативности) человека.

Литературный обзор.

Еще в середине XX века А. Кестлер издал о феномене творчества книгу о креативности [Бос, 2008: 89; Koestler, 1964]. В книге им обсуждается феномен бисоциации – комбинации из двух идей, взятых из разных контекстов, ранее казавшихся несовместимыми. В противоположность к ассоциации, при которой мысли движутся в одном-единственном поле, при бисоциации соединяются произвольные или противоположные мыслительные пространства, которые ведут к совершенно новым, до сих пор «немыслимым» путям решения. Бисоциация имеет большое значение не только в исследовании креативности, но и в других областях, в частности, пародирования и имитации научных исследований: в ситуациях, которые возникают при столкновении двух миров или двух понятий, которые раньше не имели друг с другом ничего общего. Основным качеством, необходимым для успешного осуществления этого процесса, является способность и готовность понимать происходящее, себя, мир, ситуацию, научные доктрины и результаты как минимум в двух одинаково возможных, но в обычной ситуации абсолютно несовместимых системах координат [Бос, 2008: 89; Koestler, 1964]. По мнению А. Кестлера, творческая оригинальность означает создание новой системы: но не из ничего, а из комбинации устоявшихся мыслей и процессов, их взаимного перекрёстного оплодотворения. Он называет этот процесс «бисоциацией».

В нашей совместной работе мы ставим задачу раскрыть некоторые принципиальные вопросы теоретической ограниченности псевдонаучных, но популярных технологий тестирования интеллекта людей в западных странах, стоящим за этим процессом ложным евгеническим методологическим посылом и вращающихся вокруг этого псевдонаучного мифа об интеллекте огромных капиталов на протяжении XX столетия. Наша задача – осуществить методологическую критику мифов и заблуждений относительно наследования таланта как лженаучной евгенической прекоцепции, более ста лет продвигаемой сообществом

англосаксонских ученых. Категорическое утверждение зарубежных психогенетиков о том, что уровень IQ и креативности у разных народов якобы существенно различен и является генетически детерминированным, врожденным свойством, не только эмпирически, но и методологически совершенно неверно. Как и расистское представление о том, что социальные классы, этносы или антропологические расы можно сортировать по тестам IQ и креативности. Разработки в области тестирования интеллекта и креативности с их декларированной, но до сих пор не доказанной связью с генетической передачей способностей, – не научная теория, а столетняя популярная псевдонаучная статистическая манипуляция.

Начало этого мифа положил Ф. Гальтон, отец исследования таланта. Он выявил важную статистическую закономерность – «возвращение к среднему» [Galton, 1865, 1883, 2017]. Это действительно полезный специфический статистический закон. Однако Ф. Гальтон совершенно не разбирался в генетике, он не понял и не принял концепцию своего современника Г. Менделя о генах, и ошибочно предположил, что математическое правило под названием «возвращение к среднему» имеет непосредственное отношение к наследованию [Мендель, 1910]. Это было его огромной методологической ошибкой, так же как и представление о том, что Гауссовская кривая является универсальной закономерностью. Ведь установление корреляции во время факторного анализа возможно только в том случае, если существует нормальное распределение явлений, и лишь тогда допустимо говорить о «возвращении к среднему». В других случаях, т.е. без наличия нормального распределения, это статистическое правило вообще не работает. Иными словами, возвращение к среднему значению – феномен статистики, а не генетическое явление, как неверно предполагали многие в течение более ста лет. Еще в позапрошлом веке Ф. Гальтон при изучении явления таланта в *селективной выборке* выявил у талантливых родителей всего 8% креативных детей (1868). Однако, из его ошибочного предположения (сделанного вслед за Ч. Дарвином и Ж.-Б. Ламарком), логически вовсе не следует, что интеллект и креативность в семьях наследуется из поколения в поколение [Гродницкий, 2002; Дарвин, 1991; Ермолаев, 2012; Ламарк, 1955; Лоренц, 1998]: в селективной выборке 92 % детей креативных отцов все-таки не наследовали талантов родителей. Однако на это интересное противоречие до сих пор не обратили должного внимания психогенетики Англии или Америки. Несмотря на то, что сам Ф. Гальтон уже тогда объективно писал о том, что у креативных людей только у каждого седьмого или восьмого отец являлся талантливым человеком. Из этого следует, гипотетическое, но неверное предположение, что талант наследуется пресловутая аксиома антинаучной по своей сути «дисциплины» евгеники как науке об улучшении о «наследственности», селекции людей.

В связи с методологической и эмпирической критикой этой концепции многие психологи в области тестирования IQ математическое правило «возвращения к среднему» до сих пор некорректно считают, «генетическим законом», а себя обманчиво называют «психогенетиками». Видимо, они не осознают, что «возвращение к среднему» – исключительно статистическая закономерность, которая не имеет никакого отношения к наследованию, тем более к генам или генетике. Как ни странно, это было доказано как раз самим Ф. Гальтоном еще в XIX веке. Установив статистическую закономерность «возвращения к среднему» в процессе доказательства корреляции размеров листьев растений, он так и не осознал огромного значения собственного открытия (также как и его не критичные последователи). Проблема в том, что это исследованное им растение (табак) не

размножается половым путем, поэтому никак не может служить доказательством наследования генетических явлений. Это один из трагикомичных парадоксов в истории науки. Ф. Гальтон – создатель евгеники [1883] – ошибочной прекоцепции наследственности таланта в семьях. Тем не менее, именно он первым открыл случайный характер появления способностей в популяциях, доказал невозможность наследования одаренности между поколениями. Несомненно, эта до сих пор необоснованно игнорируемая психогенетиками ценная гипотеза Ф. Гальтона о случайном проявлении таланта в популяциях заслуживает в настоящее время пристального внимания и научного осмысления. Ведь она полностью опровергает и его собственную прекоцепцию – евгенику, неудачный статистический миф о наследовании таланта из поколения в поколение. Весьма жаль, что многие предвзятые западные специалисты в области психологии сознательно и систематически пренебрегали этим открытием Ф. Гальтона относительно случайного возникновения одаренности в популяциях. Хотя спустя сто лет – в 1982 году – эту гипотезу Ф. Гальтона о стохастическом появлении креативности в популяциях вторично заново открыл известный американский психолог Д. Т. Ликкен, который назвал это явление эмерджентной / «экстремальной» закономерностью – «emergensis» [Lykken, 1982: 1565-1577; Lykken, McGue, Tellegen, Bouchard, 1992]. По его мнению, «эмергенсис» как результат изменения генетической полимерии признака – черта (или фенотип), называемая в психологии эмерджентной / эмергентной, если она является результатом определенной комбинации нескольких взаимодействующих генов, а не простой суммы нескольких независимых генов. По утверждению Д.Т. Ликкена, эмергентные черты обычно не появляются при наследовании в семьях, но часты у идентичных, однойцевых близнецов. Такие черты как лидерство, талант, гений, или определенные психические заболевания могут быть эмергентными, генетически детерминированными, но, тем не менее, не наследуемыми, так как совершенно случайно появляются в популяциях. К сожалению Д.Т. Ликкен неэтично скрыл научное первенство своего именитого английского предшественника в данном вопросе. Ведь до него Ф. Гальтон уже в XIX в. задался интересным с точки зрения методологии психогенетики вопросом: почему у него и в селективной, и случайной выборках получается совершенно одинаковое число талантливых детей, родившихся не только от выдающихся креативных отцов, но также и от весьма обычных. Ф. Гальтон обнаружил в селективной выборке (за 400-летний период с 1453 по 1853 гг.) обнаружил около 8% «унаследованных» талантов, тот же самый результат у него получился и в случайной выборке. Таким образом, каждая двенадцатая личность отличалась талантом, независимо от креативности непосредственных предков.

В этой связи нам кажется необходимо особо подчеркнуть влияние фактора случайности, заключающегося, например, в том, что между двумя языками, которые не родственны друг другу, также можно обнаружить около 8% случайных совпадений слов по звучанию. Однако возникает законный вопрос: какое отношение имеет лингвистика к генетике, интеллекту или креативности? Это можно узнать из малоизвестного, но тем не менее весьма интересного исследования Ст. Джонса о «языке генов», где он ссылается на принципиальное теоретическое замечание первооткрывателей ДНК, по мнению которых «гены можно читать как язык, так как они имеют алфавит, словарный фонд, грамматику и т.п.». Такие интересные факты случайности можно проиллюстрировать, например, русской пословицей: «Семь раз отмерь, один раз отрежь» или выражением у народов прибрежных регионов: «девятый вал».

По нашему мнению, процентное соотношение творческих личностей в популяциях, а также интеллект (IQ) индивида и этноса не связаны с гаусовским распределением, принятым подавляющим большинством западных психологов, которые до сих пор находятся под влиянием очень популярной, но тем не менее методологически в корне ошибочной прекоцепции XIX века. Однако, именно этот традиционный научный миф, начиная с 1865-1868 годов, стал развиваться в течение более чем ста лет, хотя и не был подкреплён последующими исследованиями. Этому, однако, не надо особенно удивляться: научные мифы часто стойки и существуют не только 50, но иногда и сто, и более лет.

Распределение таланта определяется совершенно по-разному, не говоря о том, что одни психологи считают, что креативность и интеллект (IQ) наследуются, а другие категорически отрицают это традиционное, но неверное предположение. Многие англосаксонские психогенетики, приверженцы пресловутой прекоцепции евгеники, занимающиеся тестированием интеллекта, некорректно ссылались на разные во многом противоречащие друг другу разные гипотезы Ф. Гальтона и авторитет генетики как науки, когда осуществляли бесчеловечную принудительную стерилизацию людей, аборт, эвтаназию, иные методы «селекции», нарушающие права человека и нравственные нормы в США и Западной Европе в период 1908–1972 годов на основе весьма сомнительного тестирования IQ. То, что «тон» этому был задан именно сторонниками евгеники – несомненно: они полагали, что низкий уровень развития, преступность и аморальность передаются по наследству и распространяются в семьях, «такие семьи стали паразитами на теле общества... Если бы эти люди были низшими животными, то мы, скорее всего, убивали бы их, дабы воспрепятствовать их размножению. Гуманность не позволяет нам делать это, но есть иной способ – заключать их в лечебницы и подобные учреждения, разделяя по половому признаку, и различными путями препятствовать их вступлению в брак между собой и распространению этой низшей, дегенеративной расы», – писал А. Хантер [Hunter, 1916: 261–265].

Весьма любопытно, что известный американский генетик Дж. Д. Ватсон (Уотсон), также как и английский психолог Р. Линн – автор нашумевшей расистской работы о «расовых различиях в интеллекте» [Линн, 2006 / 2010, Watson, 2003: 118] постоянно утверждал, что разные антропологические расы и этносы или этнические группы в ходе длительной истории *homo sapiens* совершенно по-разному адаптировались к своему географическому и экологическому окружению, поэтому теоретически и фактически у них должны быть и разные сильно отличающиеся друг от друга интеллекты, что якобы отражают современные тесты по IQ. Как кажется, этот ученый до сих пор не знаком с Р. Дж. Херрстейна и Ч. Муррея о «колоколообразной кривой» (bell curve) [Goldberger and Manski, 1995; Herrnstein, Murray, 1996; 2010], где эти лжеученые с помощью статистической манипуляции факторного анализа всячески пытались доказать генетическое влияние на IQ и креативность на уровне 80-75-65%. Они утверждают, что на формирование интеллекта и креативности человека оказывают значительное влияние наследственность, а не только непосредственное окружение, а также то, что IQ и креативность позволяет прогнозировать многие особенности биографии и жизнедеятельности личности, в том числе социально-экономический статус, карьерный рост, законопослушность и семейное благополучие. Он важнее, чем социально-экономический статус родителей или уровень образования. При этом люди с высоким интеллектом и творческими способностями, «интеллектуальная элита»,

постепенно отдаляются от людей со средним и ниже среднего интеллектом. Этот процесс мы видим сейчас как искусственно поддерживаемый, но в реальности не существующий.

Данные ученые не обращали внимания на эмерджентность и поликодирование свойств: то, что перестройка генотипа может происходить и происходит при неизменном фенотипе [Шмальгаузен, 1946,1982; Кимура, 1985], то что генетическое переопределение признаков – достаточно распространенный эволюционный процесс. Приспособительный характер конкретных генотипических перестроек, стал основой множества гипотез [Мэйнард Смит, 1981; Kraak, de Looze, 1993; Strussman et al., 1996; McCabe, Dunn, 1997; StClair, 1998], так что знаменитое высказывание К. Линнея можно перефразировать, по мнению исследователей, в отношении фенотип/генотип так: «не ген определяет признак, но признак определяет ген». Поэтому в ходе эволюции при постоянстве фенотипического признака его генетическое обеспечение часто изменяется в зависимости от особенностей онтогенеза и требований естественного отбора [Carroll et al., 1995], происходит и смена функций конкретных генов [Averof et al., 1996; Dennel et al., 1996; Morgan, 1997; Carr et al., 1998], то есть трансформируется характер не только полимерии, но и плейотропии.

При этом «между фенотипом и генотипом существует множественное соответствие: каждый ген определяет более чем один признак, и каждый признак формируется в онтогенезе при участии более чем одного гена [Wright, 1931; Тимофеев-Ресовский, Иванов, 1966]. В условиях нормального онтогенетического развития язык морфологии переводим на язык генов: множественное соответствие между генами и признаками, выраженное в полимерии признаков и плейотропии генов, не препятствует переводу», «изменяется характер соответствия между фенотипическими признаками, средовыми факторами и составом генотипа: гены могут приобретать новые функции (изменяется плейотропия), а признаки могут получать новое генетическое и/или средовое определение (изменяется полимерия) в зависимости от специфики исходного онтогенеза и новой экологической ниши» [Гродницкий, 2002: 48–49].

Дж. Д. Ватсон, очевидно, впечатлился идеями скандальной работы Дж. Херрстейна и Ч. Муррея, в том числе идей применения для описания интеллекта и креативности Гаусовой кривой, возможно он также слышал о том, что IQ коррелируют с женской грудью и иными размерами и свойствами тела женщины и мужчины. Этого ему было достаточно, чтобы сразу же без всяких колебаний 13 декабря 1994 года подписать вместе с другими впечатлившимися 52 американскими психологами коллективное заявление о том, что расистская книга Дж. Херрстейна и Ч. Муррея – «бесценная научная работа». Как известно, Дж. Д. Ватсон сам признался до этого, что предпочитает «нормальное распределение», то есть гаусовую кривую. Удивительно, но факт, он просто не знал о том, что в психологической науке уже давно было установлено, в том числе и в России и в Венгрии, что IQ в популяциях не соответствует нормальному распределению и не может соответствовать – по обозначенному выше чисто методологическим причинам. И даже сам изобретатель IQ У.Л. Штерн считал также [Штерн, 1997].

Однако, странным образом, Дж. Д. Ватсон представления не имел об этих представлениях и исследованиях, а также и о генетической модели Д.Т. Ликкена «эмергенесис / emergence». Этот феномен называется иногда «синдромом лауреатов Нобелевской премии». Не говоря о том, что он «не заметил», что Дж. Херрстейн и Ч. Муррей не являются профессиональными исследователями интеллекта,

специалистами в данной области: Дж. Херрстейн был биологом, а Ч. Муррей – политологом. Оба они получили гонорар за рукопись в размере около 1,5 миллиона долларов от фонда американских расистов, представители которого до войны активно контактировали с руководителем фашистской Германии А. Гитлером и созданными им евгеническими подразделениями. Их работа была настолько «научной», что продавалась в супермаркетах, и белое население Америки, до середины XX века не помышлявшее о справедливом отношении к афроамериканцам и индейцам, с удовольствием покупало недешевую многостраничную, сенсационную расистскую книгу. Конечно, среди таких читателей никто не понимал сложной статистической манипуляции данными факторного анализа. Кроме специалистов некому было оценить ее непрофессионализм. Почему же данная книга была так популярна среди населения США? Потому что недобросовестные авторы работы о «колоколообразной кривой» ссылаясь в ней на тесты IQ, категорично утверждали, что интеллект не только хорошо измеряется, но и якобы обязательно наследуется (h^2), поэтому некоторые туземные этносы и бедные слои населения откровенно глупы. Таким образом, по их мнению, у афроамериканцев в такой мере низкий интеллект, что искусственно поднять их IQ не поможет даже радикальная реформа школьного обучения. Следовательно, тратить государственные деньги на финансирование обучения бедных и слабоумных американцев, не нужно. Более того, нужно ограничивать их воспроизведение.

По нашему мнению, другая крупная методологическая ошибка названных авторов в том, что они не подозревали о том, что именно интеллект (а также креативность) не являются коллективной психологической характеристикой: хотя все народы мира весьма «эгоистично», а точнее этноцентрично, но от этого не менее ошибочно считают себя талантливymi. Как мы отмечали выше, когда в позапрошлом веке Ф. Гальтон при изучении явления таланта в *селективной выборке* талантливых родителей выявил всего 8% креативных детей, из этого логически совсем не следовало, даже когда он ошибочно предполагал (вслед за Ч. Дарвином и Ж.-Б. Ламарком), что талант в семьях наследуется из поколения в поколение [Дарвин, 1991; Ламарк, 1955]. Ведь в этой же селективной выборке 92% детей, родившихся от креативных отцов, все-таки не наследовали таланта своих родителей! Однако на это принципиальное противоречие до сих пор «удивительным образом» не обратили должного внимания психогенетики Англии или Америки. Несмотря на то, что сам Ф. Гальтон уже тогда объективно заметил, что лишь каждый седьмой или восьмой креативный человек имеет талантливого отца. Что может сказать по этому поводу пресловутая аксиома антинаучной евгеники о «наследственности», о предположении, что талант наследуется априори? По нашему мнению, западные историки, особенно англосаксонские исследователи, совершенно неправильно и откровенно предвзято интерпретируют и трагические проблемы развития советской генетики непосредственно перед войной и до середины XX века. В связи с этим не надо забывать о том, что советская генетика до 1936 года обоснованно претендовала на мировое первенство. Однако против полученных ею важных новых результатов выступали не только Т.Д. Лысенко и его идеологический советник И.И. Презент или сам И.В. Сталин. Они умалчивают достижения этой генетики, а их собственные исследования строятся подчас на весьма «своеобразном» этическом и методологическом фундаментах. В пример можно привести американского генетика Г. Миллера, получившего Нобелевскую премию [Миллер, 1946] после исследования проблем влияния радиации на гены человека в ходе геноцида японского народа.

Другой знаменитый представитель западной науки, который весьма активно участвовал в уничтожении советской генетики, хотя заочно, – авторитет мировой биологической науки Ч. Дарвин, который выступал, в частности, со своей весьма вредной идеей о том, что «благоприобретенные черты наследуются по поколениям». Т.Д. Лысенко, И.И. Презент, И.В. Сталин, как ранее это сделал Ф. Гальтон, слепо доверяли авторитету Ч. Дарвина, по мнению которого «благоприобретенные черты» якобы передаются из поколения в поколение. Это была весьма крупная методологическая ошибка в биологической науке, просуществовавшая вплоть до 30-х гг. XX века [Лысенко, Презент, 1935].

Г. Миллер, как левый эмигрант несколько лет прожил в Советском Союзе, работал вместе с Н. Вавиловым в его институте. Его идеей-фикс, начиная со студенческой мечты, являлся евгенический миф и цель создать «банк сперм» гениальных людей и связать социализм с евгеникой [Вавилов, 1968]. В декабре 1936 года, на всесоюзном совещании советских генетиков он, как академик СССР, на основе новых данных генетики критикуя Т.Д. Лысенко, И.И. Презента и Ж.-Б. Ламарка, тем не менее не смог полностью оторваться от некоторых мифов евгеники [Лысенко, 1958; Ламарк, 1955]. Г. Миллер ошибочно оценивал ситуацию: предполагая, что наступил его «звёздный час», поспешно и голословно пообещал И.В. Сталину невозможное, а именно: искусственное создание в СССР плеяды гениальных людей. Параллельно с этим он написал советскому руководителю длинное письмо, в котором разъяснял свою не совсем научную идею. Он также подарил И.В. Сталину свою книгу о евгенике, которую тот сразу же прочитал. Однако, надо было быть полностью политическим невеждой, чтобы подsunуть спорную идею евгеники именно И.В. Сталину в тот момент, когда он уже выдвинул идеологический тезис об обострении классовой борьбы в «Стране Советов». Вдобавок к этому, Г. Миллер пытался разъяснить и обосновать псевдонаучную аксиому о том, что представители господствующего класса в прошлом и в настоящем, повсюду во всех отношениях были генетически и фенотипически намного лучше, чем угнетенные массы пролетариата, которые вследствие их тяжелых жизненных условий являлись лишь простым «генетическим мусором». И.В. Сталин несомненно считал себя гениальным политическим вождем, руководителем классовой борьбы всего мирового пролетариата. Это конфуз был не просто конфузом: смертельно опасная, но неосознанная политическая инсинуация Г. Миллера в адрес И.В. Сталина случилась непосредственно накануне великой чистки 1937 года. Неудачное выступление американского генетика, который «заигрался евгеникой», в дальнейшей дискуссии о советской генетике сыграло роковую роль как в трагической судьбе Н.И. Вавилова, так и других талантливых ученых СССР [Вавилов, 1968]. Под личным давлением И.И. Презента и Т.Д. Лысенко, которые боялись разоблачения и поэтому отказались от проведения Всемирного генетического конгресса в 1937 г. в Москве под руководством Н.И. Вавилова. К сожалению, политически наивный Г. Миллер, как позже и сын А. Жданова, Ю Жданов, не знали о том, что И.В. Сталин, как и практически все российские революционеры того времени являлись убежденными дарвинистами и были полностью уверены в правоте Ж.-Б. Ламарка и Ч. Дарвина, ошибочно считавших, что «благоприобретенные черты наследуются из поколения в поколение». Поэтому важное значение, сыгравшее против развития генетики в СССР в середине XX в., имело то обстоятельство, что И.И. Презент – теоретический и идеологический советник Т.Д. Лысенко – одновременно был руководителем кафедр дарвинизма и в МГУ, и в ЛГУ.

Однако сейчас, в XXI в. мы уже знаем то, что секрет генетической лотереи невозможно разгадать и современным генетикам. Это происходит из-за невероятной сложности генотипических и фенотипических взаимодействий, в частности, даже при «обычном» рождении ребенка происходящее соединение хромосом ($23^2 \times 23^2 = 2^{46}$) генетически возможно 70 триллионами разных версий и способов. Из этого астрономического числа однозначно следует: совершенно ошибочно ранее Ф. Гальтон [Galton 1883] и лауреат Нобелевской премией Г. Миллер [Muller, 1935, 1962] и его сторонники, а в настоящее время многие некритически настроенные и незнакомые с работами Н. Вавилова [Вавилов, 1968, 1987], западные психогенетики и их китайские, сингапурские и иные последователи в области тестологии IQ, утверждают, что интеллект и творческие способности наследуются.

Однoboкo информированные англосаксонские ученые до сих пор также не знают того интересного факта из истории науки, что гениальная работа соперника Ф. Гальтона Г.И. Менделя, работавшего в конце XIX в. в Австро-Венгерской империи, свидетельствует о невозможности искусственным образом создать умного, креативного, тем более гениального человека.

Теория Г.И. Менделя частично основана на предыдущих исследованиях других ученых. Среди них венгерский исследователь И. Фестетич, работавший над проблемами генетики в XVIII–XIX вв., также, как и Г.И. Мендель в Моравии, но задолго до него. Фестетич опубликовал свой научный труд о естественных *генетических* законах природы (a természet genetikai törvényei) в 1819 году. Несомненно, его результаты впоследствии были использованы Г.И. Менделем. Таким образом понятие «ген» было использовано впервые в мировой науке уже в 1819 г. известным венгерским ученым, а не английскими учеными начала XX в. (в 1905/1906 годах), как обычно ошибочно утверждают в работах по истории генетики. Он использовал понятие гена за 80 лет до того, как У. Бейтсон сделал это в письме А. Седжвику [Bateson, 1894].

Э. Фестетич создал термин ген для того, чтобы четко отличать правила наследственности или «генетические законы», от «физиологических законов» К.Ф. фон Эренфельса. Эти законы могут быть сформулированы следующим образом: здоровые и плодовитые животные способны распространять и передавать свои специфические характеристики; черты бабушки и дедушки, которые отличаются от таковых у непосредственного потомства, могут появляться в последующих поколениях; животные, обладающие желательными чертами, которые были унаследованы в течение многих поколений, иногда могут иметь потомство с различными чертами; предварительным условием успешного применения инбридинга является скрупулезная селекция (тщательный отбор животных). Э. Фестетич связывал наследственность (vererbung) со здоровьем и энергией животных, действующих во многом независимо от внешних факторов, подчеркивая роль инбридинга (в сочетании с направленным отбором) в стабилизации воспроизведения, наследственного «закрепления» желаемых свойств для сохранения или развития новых пород. Им были отмечены многочисленные корреляции между изменчивостью, адаптацией и развитием, роль и последствия отбора в формировании наследственности: по его мнению, изменчивость и генетическая передача тесно связаны, проявляясь как в процессе селекции, так и в естественных процессах, контролирующих развитие и сохранение популяций животных и людей. Он был очень близок к тому, чтобы сделать различие между наследованием *sensu stricto* и «развитием» *sensu lato*. Однако, поскольку изучаемые им характеристики животных и людей были сложными и

подвергались полигенному наследованию, то однозначного соответствия он не установил. К сожалению, до работ В. Орела, исследования графа Э. Фестетича оставались забытыми. Однако, о них хорошо знали учителя и предшественники Г.И. Менделя, К.Ф. Напп, И.К. Нестлер и С.С. Андре, как люди глубоко верующие, они понимали задачи генетики как задачи ответа на вопросы о том, «что унаследовано и как», а не ответы на вопрос о разведении и селекции [Festetichs, 1819; Orel, 1989; 1996; Poczai, Bell, Huvönen J., 2014; Szabó, Pozsik, 1989, 1990; Uő, 1990; Wood, 2001].

Результаты и их обсуждение

Данные исследования в целом говорят о том, что изучение интеллекта с самого начало было тенденциозным и наполненным мифами и искажениями. Часть этих мифов пришла из повседневности, быта, часть была намерено инспирирована, обоснована неподходящими данными. Генетическая передача когнитивных способностей, показателей интеллекта и креативности с научной точки зрения не доказана. Генетическая обусловленность данных способностей – псевдонаучный миф, который мешает исследованию интеллекта и креативности человека как эмерджентных феноменов.

Мифы в сфере понимания человеком себя и мира, в том числе в сфере познавательных способностей (интеллекта и креативности) человека весьма типичны, поскольку первое и основное отличие человека от животных – отличие рефлексии, в том числе рефлексии сознания и познания, то человек начал продуцировать такие мифы с самого начала своего бытия [Вереш, Арпентьева, 2018]. Мифы интеллекта и креативности сегодня – одни из наиболее распространенных и опасных мифов, поскольку их широкая встречаемость и регулярные попытки выдать их за научные истины приводят к тому, что тестирование интеллекта и креативности замутняется и блокируется изначально неверными постулатами и основанными на них методическими процедурами. На деле же такие теории и процедуры полностью противоречат критерия научности, поскольку отражают псевдонаучный миф, который мешает исследованию интеллекта и креативности человека как эмерджентных феноменов. Развенчание мифов и псевдонаучных доктрин в этой области – насущная необходимость, позволит разрешить не только многие научные проблемы и вывести психологию познания из кризиса, но и трансформировать системы образования и подготовки человека к социальной жизни, развитию его интеллектуальных и креативных функций.

Литература

- Бос Э.* Как развивать креативность, Ростов-на-Дону, Феникс, 2008, 210 с.
- Вавилов Н.И.* Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости // Классики советской генетики. Ленинград: Наука, 1968. С. 9–50.
- Вавилов Н.И.* Пять континентов. Ленинград: Наука, 1987. 213 с.
- Вереш П.Т., Арпентьева М.Р.* Некоторые проблемы наследования и распределения интеллекта и креативности в популяциях // Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики. Материалы III–й Международной научно–практической конференции. 19–21 апреля 2018 г., Калуга / Редакторы: Горбачева Е.И., Савин Е.Ю., Кабанов К.В., Бакурова О.Н. Калуга: Психологический институт Российской академии образования, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, ИП Якунин А.В., 2018. – 391 с. С. 199–214.

Гродницкий Д.Л. Две теории биологической эволюции. Саратов: Научная книга, 2002. 160 с.

Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. Санкт-Петербург: Наука, 1991. 540 с.

Ермолаев А.И. Роль С. Райта в создании популяционной генетики // Историко-биологические исследования, 2012. № 4, 2. С. 61–95.

Кимура М. Молекулярная эволюция: теория нейтральности. Москва: Мир, 1985. 400 с.

Ламарк Ж.Б. Философия зоологии // Ламарк Ж. Б. Избранные произведения. Москва: Изд. АН СССР, 1955. Т. 1,2. 958 с. + 896 с.

Линн Р. Расовые различия в интеллекте. Эволюционный анализ. Москва: ПрофитСтайл, 2010. 304 с.

Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Москва: Республика, 1998. 493с.

Лысенко Т. Д. О наследственности и ее изменчивости // Лысенко Т.Д. Избранные сочинения. Москва: Сельхозгиз, 1958. Т. 1. С. 434–482.

Лысенко Т.Д., Презент И.И. Селекция и теория стадийного развития растения. М.: Сельхозгиз, 1935. 64 с.

Мендель Г. Опыты над растительными гибридами // Труды Бюро по прикладной ботанике. 1910. Т. 3. № 11. С. 479–529.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции «Миф: история, политика, культура», ноябрь 2017 г., Севастополь. / Под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Крым, Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе, 2018. 592 с.

Мэйнард Смит Дж. Эволюция полового размножения. Москва: Мир, 1981. 272 с.

Тимофеев–Ресовский Н.В., Иванов В.И. Некоторые вопросы фенотипики // Актуальные вопросы современной генетики. Москва: Изд-во МГУ, 1966. С. 114–130.

Шмальгаузен И.И. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. Москва: Наука, 1982. 228 с.

Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции: Теория стабилизирующего отбора. Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1946. 396 с.

Штерн В. Умственная одаренность: Психологические методы испытания умственной одаренности в их применении к детям школьного возраста. Санкт-Петербург: Союз, 1997. 124 с.

Averof M., Dawes R., Ferrier D. Diversification of Arthropod Hox Genes as a Paradigm for the Evolution of Gene Functions // Seminars in Cell and Developmental Biology, 1996. Vol.7. № 4. Pp. 539–551.

Bateson W. Materials for the Study of Variation. L.: Macmillan & Co., 1894. 598 p.

Bergman J. Darwinism's Influence on Modern Racists and White Supremacist Groups: the Case of David Duke, Journal of Creation. 2005. Vol. 19(3). Pp. 103–107.

Carr J. L., Shashikan C. S., Bailey W.J., Ruddle F.H. Molecular Evolution of Hox Gene Regulation: Cloning and Transgenic Analysis of the Lamprey HoxQ8 gene // J. Exp. Zool., 1998. Vol. 280. № 1. Pp. 73–85.

Carroll S.B. Homeotic Genes and the Evolution of Arthropods and Chordates // Nature, 1995. Vol. 376. № 6540. Pp. 479–485.

Dennell R.E., Brown S.J., Beeman R.W. Evolution of the Organization and Function of Insect Homeotic Complexes // Seminars in Cell and Developmental Biology, 1996. Vol. 7. № 4. Pp. 527–538.

Festetics I. A Természet Genetikai Törvényei. Die Genetische Gesetze der Natur. Oekonomische Neuheiten und Vergandlungen, Brünn, No. 22, 1819, április, Pp. 169–170.

Galton F. Hereditary Talent and Character. 2 parts // Macmillan's Magazine, 1865. Vol. 12, Pp. 157–166, 318–327.

Galton F. Inquiries into Human Faculty and Its Development. London: J.M. Dent & Company Macmillan and Co., 1883 / London: Blurb, 2017. 286 p.

Goldberger A.S. and Manski Ch. Review Article: The Bell Curve by Herrnstein and Murray // Journal of Economic Literature, 1995. Vol. 36(2), Pp. 762–776.

Herrnstein R.J., Murray Ch. Bell Curve: Intelligence and Class Structure in American Life. New York: Free Press, 1996; Simon and Schuster, 2010. 916 p.

Hunter G. A Civic Biology Presented in Problems, American Book Co., New York, USA, 1916. Pp. 195–265.

Koestler A. The Act of Creation. London: Hutchinson&Co, 1964. 751 p.

Kraak S.B.M., de Looze E.M.A. A New Hypothesis on the Evolution of Sex Determination in Vertebrates; Big Females ZW, Big Males XY // Netherlands Journal of the Zoology. 1993. Vol. 43. № 3–4. Pp. 260–273.

Lykken D.T. Emergenesis Mechanism. Genetic Traits That May not Run in Families. In: American Psychologist. 1982. vol. 47. Pp. 1565–1577.

Lykken, DT; McGue, M; Tellegen, A; Bouchard TJ, Jr (December 1992). "Emergenesis. Genetic Traits that May not Run in Families". The American Psychologist. Vol. 47 (12). Pp. 1565–1577. doi:10.1037/0003-066x.47.12.1565. PMID 1476327

McCabe J., Dunn A.M. Adaptive Significance of Environmental Sex Determination in an mphi pod // Journal of the Evol. Biology, 1997. Vol. 10. № 4. Pp. 515–527.

Morgan T.H. The Theory of the Gene. New Haven: Yale Univ. Press, 1926. 343 p.

Muller H.J. Out of the Night: A Biologist's View of the Future. London: Vanguard Press, V. Gollancz, 1935. 160 p.

Muller H.J. Studies in Genetics: The Selected Papers of H. J. Muller. Indiana: Indiana University Press, 1962. 420 p.

Orel V.: Genetic Laws Published in Brno in 1819. Proceedings of the Greenwood Genetic Center, South Carolina – South Carolina, 1989, vol. 8. Pp. 81–82.

Orel V.: Gregor Mendel: The First Geneticist. Oxford–New York, Oxford University Press, 1996. 376 p.

Poczai P., Bell N., Hyvönen J. Imre Festetics and the Sheep Breeders' Society of Moravia: Mendel's Forgotten "Research Network" // PLoS Biol. 2014. Vol. 12(1). E1001772. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.1001772> (дата обращения 10.04.2018).

StClair R.C. Patterns of Growth and Sexual size Dimorphism in Two Species of Box Turtles With Environmental Sex Determination // Oecologia, 1998. Vol. 15. № 4. Pp. 501–507.

Strussman C.A., Moriyama S., Hanke E.F., Cota J.C.C., Takashima F. Evidence of the Movable Sex Determination in Pejerrey // J. Fish Biol., 1996. Vol. 48. № 4. Pp. 643–651.

Szabó T.A., Pozsik L. A Magyar Genetika Születése: Festetics Imre Elgondolásai a Beltenyésztésről és a „Természet Genetikai Törvényeiről” – 1819–ben (Brünn–Brno) // Természet Világa. 1990. 1. sz. Pp. 50–56.

Szabó T.A., Pozsik L.I. A Magyar Genetika Első Tudományos Emléke. II. Festetics Imre (1819), a Beltenyésztésről (A Természet Genetikai Törvényei). // Tudomány. 1989, vol. 12. Pp. 45–47.

Uő K. A Magyar Genetika Születése: Festetics Imre (1764–1847) Elgondolásai a Beltenyésztésről és a Természet Genetikai Törvényeiről – 1819–ben (Brünn – Brno). Festetics Imre Születésének 225. évfordulójára. // Természet Világa. 1990. –Vol. 2(121). Pp. 50–60.

Watson J.D. Genes, Girls, and Gamow: After the Double Helix. New York: Vintage. 2003. Pp. 118–130.

Wood R.J.: Genetic Prehistory in Selective Breeding: A Prelude to Mendel. London–New York, 2001; The Sheep Breeders' View of Heredity (1723–1843). Proceedings of the II Conference: A Cultural History of Heredity. Berlin: Max Plank Institute, 2003. Pp. 21–46.

Wright S. Evolution in Mendelian Populations // Genetics. 1931. Vol. 16. Pp. 97–159.

References

Bos E. How to Develop Creativity. Rostov-on-Don: Phoenix Publ., 2008, 210 p. (In Russian).

Vavilov N.I. Law of Homological Series in Hereditary Variability // Classics of Soviet genetics. Leningrad: Nauka, 1968. Pp. 9–50. (In Russian).

Vavilov N.I. Five Continents. Leningrad: Nauka Publ., 1987. 213 p. (In Russian).

Veresh P.T., Arpentieva M.R. Some Problems of Inheritance and Distribution of Intelligence and Creativity in Populations // Personality, Intelligence, Metacognition: Research Approaches and Educational Practices. Proceedings of the III-th International Scientific and Practical Conference. 19-21 April 2018, Kaluga / Editors: Gorbacheva E.I., Savin E.Y., Kabanov K.V., Bakurova O.N. Kaluga: Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky. K.E. Tsiolkovsky, IP Yakunin A.V., 2018. 391 p. Pp. 199–214. (In Russian).

Grodnitsky D.L. Two Theories of Biological Evolution. Saratov: Nauchnaya kniga Publ., 2002. 160 p. (In Russian).

Darwin C. The Origin of Species by Natural Selection or the Preservation of Favourable Races in the Struggle for Life. St. Petersburg: Nauka Publ., 1991. 540 p. (In Russian).

Ermolaev A.I. Role of S. Wright in the Creation of Population Genetics // Historical and Biological Studies, 2012. № 4, 2. Pp. 61–95. (In Russian).

Kimura M. Molecular Evolution: Theory of Neutrality. Moscow: Mir, 1985. 400 p. (In Russian).

Lamarck J.B. Philosophy of Zoology // Lamarck J.B. Selected Works. Moscow: Izd. of the USSR Academy of Sciences Publ., 1955. T. 1,2. 958 p. + 896 p. (In Russian).

Lynn R. Racial Differences in Intelligence. Evolutionary Analysis. Moscow: ProfitStyle Publ., 2010. 304 p. (In Russian).

Lorenz K. Obverse side of the mirror. Moscow: Respublika Publ., 1998. 493 p. (In Russian).

Lysenko T.D. On heredity and its variability // Lysenko T.D. Selected Works. Moscow: Selkhozgiz, 1958. T. 1. Pp. 434–482. (In Russian).

Lysenko T.D., Prezent I.I. Selection and theory of stage development of plant. Moscow: Selkhozgiz Publ., 1935. 64 p. (In Russian).

Mendel G. Experiments on plant hybrids // Proceedings of the Bureau of Applied Botany. 1910. T. 3. № 11. Pp. 479–529. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the I International Scientific Interdisciplinary Correspondence Conference "Myth: History, Politics, Culture", November 2017, Sevastopol. / Edited by O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitskiy, V.V. Khapaev. Crimea, Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2018. 592 p. (In Russian).

Maynard Smith J. Evolution of Sexual Reproduction. Moscow: Mir Publ., 1981. 272 p. (In Russian).

Timofeev-Resovskii N.V., Ivanov V.I. Some Issues of Phenogenetics // Actual Issues of Modern Genetics. Moscow: Izd-vo MSU Publ., 1966. Pp. 114–130. (In Russian).

Shmalhausen I.I. Organism as a Whole in Individual and Historical Development. Moscow: Nauka Publ., 1982. 228 p. (In Russian).

Shmalhausen I.I. Factors of Evolution: Theory of Stabilising Selection. Moscow - Leningrad: Izd-in AS USSR Publ., 1946. 396 p. (In Russian).

Stern V. Mental Giftedness: Psychological Methods of Testing Mental Giftedness in Their Application to School-age Children. St. Petersburg: Soyuz Publ., 1997. 124 p. (In Russian).

Averof M., Dawes R., Ferrier D. Diversification of Arthropod Hox Genes as a Paradigm for the Evolution of Gene Functions // Seminars in Cell and Developmental Biology, 1996. Vol.7. № 4. Pp. 539–551.

Bateson W. Materials for the Study of Variation. L.: Macmillan & Co., 1894. 598 p.

Bergman J. Darwinism's Influence on Modern Racists and White Supremacist Groups: the Case of David Duke, Journal of Creation. 2005. Vol. 19(3). Pp. 103–107.

Carr J. L., Shashikan C. S., Bailey W.J., Ruddle F.H. Molecular Evolution of Hox Gene Regulation: Cloning and Transgenic Analysis of the Lamprey HoxQ8 gene // J. Exp. Zool., 1998. Vol. 280. № 1. Pp. 73–85.

Carroll S.B. Homeotic Genes and the Evolution of Arthropods and Chordates // Nature, 1995. Vol. 376. № 6540. Pp. 479–485.

Dennell R.E., Brown S.J., Beeman R.W. Evolution of the Organization and Function of Insect Homeotic Complexes // Seminars in Cell and Developmental Biology, 1996. Vol. 7. № 4. Pp. 527–538.

Festetics I. A Természet Genetikai Törvényei. Die Genetische Gesetze der Natur. Oekonomische Neuheiten und Vergandlungen, Brünn, No. 22, 1819, április, Pp. 169–170.

Galton F. Hereditary Talent and Character. 2 parts // Macmillan's Magazine, 1865. Vol. 12, Pp. 157–166, 318–327.

Galton F. Inquiries into Human Faculty and Its Development. London: J.M. Dent & Company Macmillan and Co., 1883 / London: Blurb, 2017. 286 p.

Goldberger A.S. and Manski Ch. Review Article: The Bell Curve by Herrnstein and Murray // Journal of Economic Literature, 1995. Vol. 36(2), Pp. 762–776.

Herrnstein R.J., Murray Ch. Bell Curve: Intelligence and Class Structure in American Life. New York: Free Press, 1996; Simon and Schuster, 2010. 916 p.

Hunter G. A Civic Biology Presented in Problems, American Book Co., New York, USA, 1916. Pp. 195–265.

Koestler A. The Act of Creation. London: Hutchinson&Co, 1964. 751 p.

Kraak S.B.M., de Looze E.M.A. A New Hypothesis on the Evolution of Sex Determination in Vertebrates; Big Females ZW, Big Males XY // Netherlands Journal of the Zoology. 1993. Vol. 43. № 3–4. Pp. 260–273.

Lykken D.T. Emergenesis Mechanism. Genetic Traits That May not Run in Families. In: American Psychologist. 1982. vol. 47. Pp. 1565–1577.

Lykken, DT; McGue, M; Tellegen, A; Bouchard TJ, Jr (December 1992). "Emergenesis. Genetic Traits that May not Run in Families". The American Psychologist. Vol. 47 (12). Pp. 1565–1577. doi:10.1037/0003–066x.47.12.1565. PMID 1476327

McCabe J., Dunn A.M. Adaptive Significance of Environmental Sex Determination in an mphi pod // Journal of the Evol. Biology, 1997. Vol. 10. № 4. Pp. 515–527.

Morgan T.H. The Theory of the Gene. New Haven: Yale Univ. Press, 1926. 343 p.

Muller H.J. Out of the Night: A Biologist's View of the Future. London: Vanguard Press, V. Gollancz, 1935. 160 p.

Muller H.J. Studies in Genetics: The Selected Papers of H. J. Muller. Indiana: Indiana University Press, 1962. 420 p.

Orel V.: Genetic Laws Published in Brno in 1819. Proceedings of the Greenwood Genetic Center, South Carolina – South Carolina, 1989, vol. 8. Pp. 81–82.

Orel V.: Gregor Mendel: The First Geneticist. Oxford–New York, Oxford University Press, 1996. 376 p.

Poczai P., Bell N., Hyvönen J. Imre Festetics and the Sheep Breeders' Society of Moravia: Mendel's Forgotten "Research Network" // PLoS Biol. 2014. Vol. 12(1). E1001772. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.1001772> (дата обращения 10.04.2018)

StClair R.C. Patterns of Growth and Sexual size Dimorphism in Two Species of Box Turtles With Environmental Sex Determination // Oecologia, 1998. Vol. 15. № 4. Pp. 501–507.

Strussman C.A., Moriyama S., Hanke E.F., Cota J.C.C., Takashima F. Evidence of ther Molabile Sex Determination in Pejerrey // J. Fish Biol., 1996. Vol. 48. № 4. Pp. 643–651.

Szabó T.A., Pozsik L. A Magyar Genetika Születése: Festetics Imre Elgondolásai a Beltenyésztésről és a „Természet Genetikai Törvényeiről” – 1819–ben (Brünn–Brno) // Természet Világa. 1990. 1. sz. Pp. 50–56.

Szabó T.A., Pozsik L.I. A Magyar Genetika Első Tudományos Emléke. II. Festetics Imre (1819), a Beltenyésztésről (A Természet Genetikai Törvényei). // Tudomány. 1989, vol. 12. Pp. 45–47.

Uő K. A Magyar Genetika Születése: Festetics Imre (1764–1847) Elgondolásai a Beltenyésztésről és a Természet Genetikai Törvényeiről – 1819–ben (Brünn – Brno). Festetics Imre Születésének 225. évfordulójára. "" // Természet Világa. 1990. –Vol. 2(121). Pp. 50–60.

Watson J.D. Genes, Girls, and Gamow: After the Double Helix. New York: Vintage. 2003. Pp. 118–130.

Wood R.J.: Genetic Prehistory in Selective Breeding: A Prelude to Mendel. London–New York, 2001; The Sheep Breeders' View of Heredity (1723–1843). Proceedings of the II Conference: A Cultural History of Heredity. Berlin: Max Plank Institute, 2003. Pp. 21–46.

Wright S. Evolution in Mendelian Populations // Genetics. 1931. Vol. 16. Pp. 97–159.

Сведения об авторах:

Арпентьева Мариям Равильевна

ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых

коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания, академик Международной академии образования (г. Москва, Россия).

e-mail: mariam_rav@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

Veresh Peter Tibor

ведущий научный сотрудник Института комплексных исследований гуманитарных наук Академии наук Венгрии, доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия).

E-mail: p.veres@upcmail.hu

Bionotes:

Arpentieva Mariam Ravilievna

Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the International Academy of Education (Moscow, Russia).

Veresh Peter Tibor

Senior Researcher at Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, grand doctor (*Grand PhD*) of Historical Sciences, professor (Budapest, Hungary).

p.veres@upcmail.hu

Для цитирования:

Арпентьева М.Р., Вереш П.Т. Мифологема субъектности в контексте «третьей современности» // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2(6), 2023. С. 51–66.

For citation:

Arpentieva M.R., Veresh P.T. Mythologeme of Subjectivity in the Context of "Third Modernity" // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2(6), 2023. Pp. 51–66.

**ЭПИСТЕМОЛОГИЯ МИФА:
ТАЙНЫ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ**

Ставицкий Андрей Владимирович

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена проблемам мифологического мышления, как свойства и функции мозга, изначально присущих человеку и играющих в его жизни важную роль, формируя поле ценностных смыслов. Цель статьи – рассмотреть наиболее спорные аспекты изучения мифологического мышления и наметить ключевые направления его исследования. Основные задачи статьи связаны с выявлением отношения науки к мифу и мифологическому мышлению, уточнением слабых мест в их понимании и определением перспектив данных исследований для формирования в рамках неклассической мифологии общей теории мифа. Актуальность темы определяется той ролью, которую миф играет в жизни современного общества в условиях глобального трансформационного кризиса при нарастающей необходимости выработать образы будущего в рамках работающего на созидание общего дела. Научная новизна заключается в разработке конкретных аспектов общей теории мифа в его максимально расширительном понимании.

Ключевые слова: миф, мифологическое мышление, мифотворчество, общая теория мифа, неклассическая наука, неклассический миф

**EPISTEMOLOGY OF MYTH:
THE MYSTERIES OF MYTHOLOGICAL THINKING**

Stavitsky Andrey Vladimirovich

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol
(Sevastopol, Russia)

Abstract

The article is devoted to the problems of mythological thinking as a property and function of the brain, originally inherent in man and playing an important role in his life, forming the field of value meanings. The aim of the article is to consider the most controversial aspects of studying mythological thinking and to outline the key directions of its research. The main objectives of the article are related to the identification of the attitude of science to myth and mythological thinking, clarification of weaknesses in their understanding and determination of the prospects of these studies for the formation of a general theory of myth within the framework of non-classical mythology. The relevance of the topic is determined by the role that myth plays in the life of modern society in the conditions of global transformation crisis with the growing need to develop images of the future within the framework of the common cause working for creation. Scientific novelty lies in the development of specific aspects of the general theory of myth in its maximally expanded understanding.

Keywords: myth, mythological thinking, myth-making, general theory of myth, non-classical science, non-classical myth

Введение (Introduction)

Одна из ключевых функций мифа заключается в том, что он удовлетворяет потребность человека в чуде, в постижении тайны, которая никогда не раскрывается

до конца, но тянет, манит, завлекает, вынуждает стремиться к ней и соотносить с ней своё бытие. Более того, по мере постижения мира, человек вынужден признать, что «таинственность мира возросла» [Найдыш 2014: 5-6], и связано это не только с тем, что в основе эпистемологии лежит принцип «чем больше узнаёшь, тем меньше знаешь», поскольку каждое новое открытие ставит ещё больше вопросов и проблем, отодвигая и расширяя границу непознанного. По мнению ряда мыслителей, на рубеже веков заметно «возросла активность мифологических пластов, глубоко заложенных в структуре нашего сознания» [Найдыш 2014: 6], на которые ранее не сильно обращали внимание, объясняя возросший интерес к мифу культурной деградацией общества. Однако по мере развития психологии восприятия, мысли и речи приходится признать, что исследование мифа и механизма мифотворчества самой логикой развития науки и общества оказалось включено в нацеленные на творческий поиск «стратегические тренды культуры» [Найдыш 2014: 5], вынуждая ставить эти проблемы по-новому, поскольку «историческая ситуация определяет, какими должны быть факты и фундаментальные принципы, а не наоборот» [Хьюбнер 1994: 162].

Особую роль в этом могут сыграть новейшие когнитивные исследования. Ведь они касаются мифа напрямую [Ильянович 2022]. Считается, что «язык, разум, сознание и порождающий их мозг – сложнейшие из известных нам систем» [Черниговская 2021: 11]. Но Э. Кассирер полагал, что миф выступает с ними на равных и раскрывается через язык и искусство [Кассирер 2017: 16], относясь к неопределённой и многозначной информации, объективация, дешифровка и упрощение которой приводит не к пониманию, а к утрате смысла. Особенно, если учесть, что нашу социокультурную жизнь определяют этнокультурные коды и архетипы [Юнг... 1998]. Архетипы определяют наше подсознательное отношение к миру и себе, воплощающееся в ценностях, мотивациях и обладающее стойкостью убеждения, хотя и не нуждаются в нём, и через отношение формируют модели поведения, которыми мы будем не просто руководствоваться, но действовать неукоснительно, независимо от своих взглядов и интересов. Древние знали об этом, воплотив своё знание в двух известных пословицах «с нами будет то, что мы есть» и «посеешь характер – пожнёшь судьбу». Исходя из этого можно сказать: хотите понять себя, свой народ, свою эпоху и происходящее в ней – изучайте мифы, которые помогут это лучше понять, т.к. именно в них архетипы и прячутся. А как работает мифологическое мышление и в чём его тайна, попробуем в данной статье разобраться.

Литературный обзор (Literature Review)

Теоретическую и методологическую основу данной работы представляют труды ведущих исследователей мифа XX века, включая П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева [Лосев 1999], Э. Кассирера, К.Г. Юнга [Юнг 1998], М. Элиаде, Дж. Кэмпбелла [Кэмпбелл 2017], Р. Барта [Барт 1994], К. Леви-Строса, Г.Д. Гачева [Гачев 2003], Е.М. Мелетинского, Ю.М. Лотмана [Лотман 2004], Б.А. Успенского, Р. Мэя, А.М. Лобока, а также монографии и статьи участников ежегодной Международной конференции «Миф в истории, политике, культуре» А.М. Буровского, О.А. Габриеляна, А.А. Гагаева, А.С. Глушака, А.Г. Иванова, С.А. Маленко, Н.И. Мартишиной, В.М. Найдыша, А.Г. Некиты, М.В. Пивоева, В.М. Полосина, А.С. Тимощука, Е.Л. Яковлевой и др. [Миф в истории политике, культуре 2019, 2020, 2021, 2023], чьи идеи, наработки, гипотезы легли в основу общей теории мифа.

В вопросах рассмотрения особенностей работы мышления, языка, сознания, мозга большую помощь оказали труды в области психологии и когнитивистики П.К. Анохина, Н.П. Бехтеревой, Дж. Брунера, Л.С. Выготского, Д. Иглмена, Дж. Лакоффа

и М. Джонсона, А.Р. Лурии, Дж. Миллера, У. Найсера, В.В. Налимова, М.В. Пименовой, Б. Тверски, К. Фрита, Т.В. Черниговской и др.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Критика привычных «научных» дефиниций, где миф сводится к порочной и лживой иллюзии, привела к новой постановке проблемы мифа как объекта исследования и способа решения проблем, которая вынуждает пересмотреть «понятийные координаты» мифологии как науки в сторону углубления и расширения пространства исследования, подводя их к необходимости признания неклассической мифологии как данности и разработки общей теории мифа (ОТМ). И в первую очередь это коснулось мифологического мышления, что связано с тем, что миф глубоко антропологичен, как любое человеческое творение и «внутренне присущ обществу, культуре, человеку» [Ставицкий 2022: 56], поскольку человек мыслит мифами, а «исторические формы мифотворчества тесно связаны с закономерностями эволюции мышления» [Найдыш 2022: 15]. Сознание человека преимущественно мифологично, где миф выступает формой мышления и познания [Ильянович 2022: 90, 91]. Поэтому человек всегда пребывает внутри мифа, как миф пребывает внутри него. Однако созданный человеком миф не человекомерен, что всегда придавало ему сакральности и ощущения, общения с чем-то надчеловеческим, даже божественным. Не случайно, будучи историческим явлением и развиваясь во времени сообразно человеческим потребностям, он отрицает время через архетипические сюжеты и модели поведения, воплощая иную, в образно-символической форме реальность как необходимое человеку поле ценностных смыслов.

При этом миф многомерен и динамичен в каждой своей детали и, несмотря на некую общность, считывается каждым и воздействует индивидуально. И как законы квантового мира не приложимы к миру, привычному для нас, так мир мифа не приложим к миру науки и существует по собственным правилам, пребывая с наукой в диалектическом противодействии [Ставицкий 2022]. В значительной степени это связано с тем, что в мифе, как в человеческом языке, всё определяется контекстом неисчислимых и слабо осознаваемых, находящихся в постоянном движении размытых множеств, создаваемых человеческим разумом в соответствии с необходимостью и управляемых на уровне интуиции [Мартишина 2022; Даренский 2022]. Однако в рамках социума роль и возможности мифа переходят на новый уровень, сохраняя за ним контроль над человеческими ценностями, которые могут быть закреплены в моральных установках общества и в первую очередь в религиозной этике, которая в своё время сделала человека человеком, позволив и отчасти вынудив его подняться над животным миром, установив моральные правила для людей и объяснив их с помощью мифов.

Кстати, позволяя увидеть социальную реальность в непривычном для неё ракурсе, этология как наука о животных в их естественной среде даёт возможность понять роль религии, вводящей людей в те этические рамки, без которых человек становится хуже животного. Так, согласно идеям основателя этологии Конрада Лоренца, «У сильно вооруженных животных (лев, волк, ворон, змея) – сильная мораль. Лев ударом лапы ломает шею быку, волк клыком в доли секунды испаривает брюшину оленю, ворон ударом клюва может убить кошку или зайца, укус гадюки смертелен. Но они никогда не применяют боевые приемы против своих. Это для них табу. А у слабых зверей – слабые и запреты. И нежный голубок может заклевать соперника в стае – а потом еще и тушку его ошпишет... Человек по природе – слабо вооруженное животное, и у него нет запрета убивать себе подобных. Парадокс:

человек стал самым вооруженным на планете, хоть и остался со слабой моралью. Ее надо развивать и поддерживать. Этой задаче, в частности, служит религия» [Дольник]. И жаль, что господствующий в обществе сциентизм этот аспект религии полностью игнорирует, не предлагая ничего взамен для рассмотрения важной для человека мифологически оформленной темы экзистенции [Яковлева 2022] – внешней и внутренней, где сам человек воспринимается как микро-вселенная, где господствует данная в ощущениях, та «невыносимая лёгкость бытия», которая нас мучает, вдохновляет, завораживает и представляет мир внутри нас. «Я есть мой мир» – заявлял в своё время Л. Витгенштейн. «Если бы я не носил в себе весь мир, я был бы слепцом со здоровыми глазами», – считал И. Гете. И из этой по-разному выраженной мысли следует, что свои миры мы носим в себе. В них язык и символически оформленные образы сливаются в одно, подводя нас к проблеме максимально комплексного подхода к мифу, которая требует разработки мифологической феноменологии как синтетической научной дисциплины, позволяющей структурно оформить миф как социокультурное явление в его максимально расширенной форме, что и станет основой общей теории мифа, над которой работают исследователи XXI века, открывая и исследуя новые свойства и возможности мифа в современном обществе [Ставицкий 2012а].

Одна из сфер применения мифа связана с тем, что решение чисто научных проблем мало соприкасается с решением проблем экзистенциальных. И этот факт лишь подтверждает установленный науке самой наукой предел, как явлению локальному. Но локальность эта тоже относительна и в какой-то степени безгранична [Пенроуз 2003, 2005]. В том числе и потому, что наука постоянно питается мифами и вырабатывает их, за счёт их развиваясь и совершенствуясь. Ведь миф делает объектом познания всё то, что для человека важно и значимо. И если, в духе Л. Витгенштейна, признать, что какое бы определение явления мы бы ни дали, всегда будет иметь место его неправильное понимание, так как то, что действительно имеют авторы в виду, выразить нельзя, и не стоит пытаться [Витгенштейн 2020: 129], мы можем высказать гипотезу, что наука, несмотря на громкие заявления по поводу полного преодоления мифа в себе, в массе своей никогда за пределы мифотворчества не выходила, всегда пребывая в нём уже в силу особенностей нашего сознания, мышления и познания [Ставицкий 2012b]. И даже такие логически выверенные философские конструкции, которые в своё время разрабатывали Б. Рассел и Л. Витгенштейн, как бы ни были они рациональны, творят мифы не менее плодотворно, чем делают это в своих романах писатели-фантасты. С той лишь разницей, что их научные мифы за маской предельно выраженной рациональности почти не распознаются. Но рациональность неизбежно «взрывает» мифами любую реальность через домысливание, как только проецируется на бесконечность. Но и не проецироваться на бесконечность она не может хотя бы потенциально. В этом плане известная мысль Л. Витгенштейна о том, что наука – лишь одна из «языковых игр», вполне возможно, небесперспективна. Но что даёт она для понимания взаимосвязи мыслеобраза и языка? Может ли она зафиксировать границы выражения мыслей, как границы мира как такового? В народе считают, что «язык до Киева доведёт», но может ли он объять Вселенную, оставаясь в пределах языка? Как науке понять то, что не выразить словами, но мыслится на уровне интуиции? Может ли язык сам выйти за пределы тех образов, которые даёт нам миф? И что тогда есть язык мифа, если он не знает своих границ? Наука не даёт на эти вопросы ответов. Однако отчасти к ним может подвести имеющий место факт «сползания» в миф общества в его

представлениях о том, что есть, было и будет, особенно заметное в постсоветских странах после развала СССР.

Чем же вызвано столь быстро нарастающее «сползание» постсоветского общества в «мифологическую эпоху»? По мнению ряда исследователей, в первую очередь, это связано с развалом СССР и расцветом т.н. постмодерна, который произвел кардинальный перелом в обществе и сознании людей. В результате уровень сложности ситуации «двойного перелома» значительно превысил познавательные и адаптационные возможности индивидуума. Отсюда проистекает парадоксальная «архаизация современного общества», в котором «человек разумный» преобразуется в «человека мифологического». При этом новая архаика сопровождается процессами хаотизации, плюрализации и маргинализации сознания, а также общей деструкцией постсоветской ментальности [Загвозкина 2005].

Заметим, что в целом данная позиция не лишена оснований. Однако, не отрицая происходящих процессов в принципе, уточним, что своеобразное превращение «человека разумного» в «человека мифологического» связано не столько с архаизацией общества, которое как бы автоматически должно сопровождаться и архаизацией (а в обывательском представлении – дебилизацией) сознания или с расцветом используемых властью т.н. «имагинационных» технологий, сколько с попытками компенсировать пробелы в представлениях, связанных с тем, что в обществе произошло энтропийного, за счёт мифологии. Следовательно, подобный подход и вариант решения проблемы упрощает анализ, но полного ответа не даёт, оставляя вопрос: как, по какой причине «человек разумный» вдруг стал «человеком мифологическим», открытым. Что же в данном случае недоговаривается? Действительно ли «архаизация» общества и сознания есть результат исключительно изменившихся в худшую сторону социальных обстоятельств и потери образа будущего?

Конечно, с одной стороны на человека влияют изменившиеся за последние десятилетия социально-экономические условия, связанные с тотальной архаизацией (а точнее – с развалом) социальной сферы и экономики. С другой – информационные («имагинационные») технологии, нивелирующие личное сознание до уровня массового. И отрицать данные факторы было бы неразумным. Но при этом, следует признать, что подобная аналитика игнорирует тот факт, что человека нельзя практически незаметно для него подвести к такому внутреннему состоянию, для которого у него нет причин. «Благородный» человек не может стать «подлым», если эта подлость не была заложена в нём ранее. «Правдивый» не станет «лжецом», если не умеет лгать, как бы среда на него ни влияла. И точно также, если в человеке давно и окончательно победила рациональность, он не будет возвращаться к мифологическому сознанию. Следовательно, победа рационального над мифологическим в человеческом сознании наукой была сильно преувеличена. Значит, всё это в человеке есть, было и никуда из его сознания не уходило, но в силу определённых причин подавлялось и купировалось. Просто новые социальные условия вынудили человека более активно использовать те стороны его сознания, которые позволяют ему чувствовать в новой среде себя максимально комфортно, отбрасывая былые запреты и нормы, как устаревшие и неработающие.

Иначе говоря, человеческое сознание не только в состоянии нести в себе и «рациональное», и «мифологическое» начала, но никогда от них не отказывалось, что бы учёные об этом ни говорили, используя эти начала в той степени, в какой это необходимо для самого человека. Вот почему в современном обществе мы не найдём

людей, исключительно «разумных» или «мифологических», так как каждый человек несёт в себе и то, и другое, просто не всегда отдавая себе в этом отчёт [Выготский 2021]. Поэтому в разных ситуациях, в зависимости от личной или социальной потребности, человек будет прибегать к тем способам мышления, которые ему в данный момент лучше подходят. И делать это он будет, разумеется, подсознательно, то есть незаметно для себя. Отсюда следует вывод, что сознание людей не архаизировалось, но лишь в условиях кардинального социального перелома переключило акцент с преимущественно аналитического, рационального (т.н. «левополушарного») мышления на «мифологическое», ассоциативное, образное, синтетическое (т.н. «правополушарное»), дабы тем самым компенсировать отсутствие реального позитива позитивом «мифическим», черпая силы не в просчитанных действиях, а в более помогающих ему сейчас вере, надежде, любви.

В своё время подобные процессы в поэтической форме отразил британский поэт Т.С. Элиот:

Вечная гонка по кругу идей и новаций,
Изобретений, открытий, экспериментов
Откроет нам сущность движения, но не покоя.
О жизнь, растроченная в существовании...
О мудрость, утраченная в знании...
О знание, потерянное в информации...

И хотя мы и сейчас наблюдаем нечто похожее, есть надежда, что осознание потерь свидетельствует о других приобретениях, где можно сказать, что по отношению к отражаемому человеком миру миф осуществляет «ургическую» функцию Делания, превращая хаос в космос¹, но оставаясь непознанным хаосом для него, которым этот мир живёт. Однако насколько и в какой степени созданный наукой образ мифа соответствует действительности? Наверное, в той степени, в какой сама наука способна отражать столь сложную образно оформленную метареальность, которая, несмотря на кажущуюся простоту, порой оказывается более сложной, чем сама наука и научные знания.

Впрочем, как говорил К. Поппер, «наука погрешима, ибо дело рук человеческих». И в свете этого будет уместным вспомнить историю одного научного открытия, которое стало знаменитым не в силу своей общенаучной значимости, но по причине нетипичного поведения исследователя, отказавшегося от весьма крупного вознаграждения.

Несколько лет назад в мировых СМИ появилась информация, что знаменитый российский математик Г. Перельман доказал, что Бога нет [Лаговский]. Хотя с тех пор, как Фома Аквинат вывел пять доказательств существования Бога, мир достаточно поумнел, чтобы закрепить в общественном мнении мысль, что доказать или опровергнуть существование Господа нельзя. Но, видимо, сведения о возросшей мудрости человечества оказались снова сильно преувеличенными.

Согласно гипотезы А. Пуанкаре, ставшей после доказательства Г. Перельмана теорией, Вселенная – единственная «фигура», которую можно стянуть в точку. Но если это так, то, вполне возможно, ей подвластен и обратный процесс. Однако, если Вселенную можно «растянуть» из точки, что служит косвенным подтверждением теории Большого взрыва, то является ли это опровержением божественного происхождения Вселенной? Отдельные учёные отвечают на этот вопрос

¹ В данном случае космос понимается как порядок, противоположный хаосу, мироздание.

положительно. Хотя на каком основании атеисты и сторонники теории Большого Взрыва указывают Богу, что Он может делать, а что нет, и каким образом, если наш мир сотворён Господом, ему создавать его: с помощью Большого Взрыва или, проецируя как Голограмму [Талбот 2004], совершенно не понятно.

Кстати, в качестве альтернативы этой версии другой математик и по совместительству священник, бывший краковский архиепископ Микаэль Геллер произвёл математические расчёты, доказывающие существование Бога, за что получил престижную Темплтоновскую премию [Кузина]. Хотя в целом известно, что математика для учёного – лишь язык, инструмент для достижения необходимых результатов, которые могут меняться в зависимости от того, какие данные в расчёты заложены.

Доказав гипотезу А. Пуанкаре, выдающийся российский математик Г. Перельман решил, что научился управлять Вселенной [Перельман признался...]. И хотя, возможно, у него оснований так думать больше, чем у кого-либо на свете, в совокупности эти основания крайне преувеличены, так как человек не всегда может управлять даже самим собой. В лучшем случае он может считать, что знает несколько больше остальных, так как разобрался в ещё одной загадке природы. Но что даёт она для понимания механизма управления Вселенной в условиях развёрнутой в бесконечность множественности нелинейных динамических систем, которые не могут быть полностью охвачены ни какой-то одной формулой, ни одним законом бытия? Что может понимать человек там, где в движении пребывает бесконечность, делающая бесконечностью каждый самый малый свой фрагмент? И здесь поневоле вспоминаются знаменитые слова Сократа «Я знаю только то, что ничего не знаю, но другие не знают и этого».

Отметим, что среди семи фундаментальных математических «задач тысячелетия», заявленных частным математическим институтом Клэя (Кембридж, штат Массачусетс, США), одной из нерешённых, но крайне важных проблем математики являются т.н. уравнения Янга-Миллса, выраженные в гипотезе, согласно которой, если элементарная частица обладает массой, то существует и её нижний предел. Но, чтобы до него добраться, необходимо создать «теорию всего» – уравнения, объединяющие все силы и взаимодействия в природе. Поэтому, если спрашивать, реализация каких гипотез даёт больше оснований считать себя знающим, как устроен мир, то, по всей видимости, уравнения Янга-Миллса имеют больше шансов в этом отношении, чем решённая Г. Перельманом гипотеза А. Пуанкаре. Однако, как известно, каждый рано или поздно достигает своего уровня некомпетентности. И в этом смысле «полнота познания должна включать некоторое понимание глубины нашего неведения», – как считал Р. Милликен¹. Но является ли в данном случае должное обязательным, если человек хочет считать правильным обратное и не собирается признаваться в очевидном? Ведь чаще всего мы видим, что знаем, а знаем привычное и верим в то, что хотим, утверждая мир таким, каким его мыслим.

Согласно здравому смыслу, научное открытие уменьшает область неизвестного. Но не менее логично утверждать, что она при этом, подобно яме, ещё больше увеличивается: чем больше из неё вынимают земли, тем больше она становится, поскольку речь идёт не о чём-то локальном, а о бесконечности. Однако, независимо от того, имеем ли мы в вопросе познания дело с бесконечностью или нет,

¹ Роберт Милликен (1868-1953 гг.) – американский физик, лауреат Нобелевской премии (1923 г.).

очевидно, что область, подлежащая нашему познанию, достаточно большая, чтобы её сравнивать с бесконечностью. Но при этом бесспорно будет увеличиваться другое – область между знанием и незнанием. И оно-то и создаёт впечатление, соотносимое с эффектом ещё большего незнания, которое ощущает любой настоящий исследователь, поскольку каждый найденный им долгожданный ответ помимо собственно ответа тут же порождает ещё больше вопросов, на которые так же надо отвечать и которые ясности не добавляют, вынуждая признать, что чем больше мы узнаём, тем меньше знаем.

Отсюда следует, что степень ума и компетентности человека обратно пропорциональна его мнению о них. Так, согласно эффекту Даннинга-Крюгера (1999 г.), менее компетентные люди в целом имеют более высокое мнение о собственных способностях, чем это свойственно людям компетентным. Но эти их впечатления, по сути, обманчивы, так как являются следствием не адекватного отражения реальности, а субъективных ощущений, впечатлений, прозрений и заблуждений, которые составляют личностное знание каждого [Полани 2013]. Однако почему бы данные расчёты не применить к научному сообществу и науке как таковой? Ведь это не просто желательно, но и необходимо ради неё самой.

К сожалению, несмотря на риторику о стремлении к истине, наука не может гарантировать объективность исследования в полной мере, и вынуждена признать это. Применительно к современной мифологии данный факт приводит к тому, что предмет дисциплинарного знания становится ускользающим, что вынуждает активизировать междисциплинарную коммуникационную практику, на базе которой только и возможно изучение мифа как целого через воспроизведение былой, казалось бы, утраченной взаимозависимой общности людей, культуры и языка. «Проникнув с помощью современных технических средств в новые сферы природы, мы узнали, что даже такие простейшие и важнейшие понятия прежней науки, как пространство, время, место, скорость, становятся здесь проблематичными и требуют переосмысления, – написал по этому поводу в одной из своих работ лауреат Нобелевской премии (1932 г.) физик В. Гейзенберг. – Подобно затупившимся инструментам, понятия нашего языка по отношению к новому ускользающему от них опыту оказываются уже не корректными» [Гейзенберг 1987: 212–213].

Впрочем, проблема переосмысления основных достижений и выводов науки касается не только мифа и мифотворчества, но и других отраслей научного знания, особенно – гуманитарных, когда «совсем незначительные поправки к теории могут потребовать радикальной перестройки понятий и представлений, лежащих в ее основе» [Фейнман 2020: 246]. Недаром, исследуя биофизические аспекты функционирования мозга, включая мысленную визуализацию и виртуальную реальность, известный британский математик и физик Р. Пенроуз, поставив проблему невычислимости в математическом мышлении, выдвинул идею спасения вычислительной модели разума через хаос и разработку эзотерической математики [Пенроуз 2003, 2005]. И уже независимо от того, прав он или нет, допуская в научный дискурс подобные гипотезы, его парадоксальный подход к, казалось бы, устоявшимся теориям и явлениям свидетельствует о том, что в науке «игра смыслов» продолжается, хотя она невозможна без мифотворчества, т.к. если наука занимается фактами, то миф – их смыслом и значением. Причём, «игра смыслов» идёт уже на том уровне, когда допущения вроде «эзотерической математики», пусть и непривычные пока, становятся возможными даже для тех, кого принято считать сторонниками самой строгой из наук. Хотя в данном случае, скорее всего, предложенной

трансформации подвергнутся и сами термины, которые будут дополнены новым смыслом. И миф в таком деле может существенно помочь. Ведь его пластичность и изначальная нацеленность на информационную цельность, его мотивационный и смыслополагающий аспекты, а также способность задавать и придавать информации новые символически означенные смыслы, делают миф крайне важным элементом научного творчества в условиях работы с непознанным, т.к. «мифологические образы и символы полны непреходящего и вечного смысла, в них заключены глубокие интуиции, утверждающие незыблемые духовные ценности, которые не стареют, остаются одинаково важными во все времена человеческой истории и не подвластны времени и пространству» [Альбедиль 2003: 325].

Заключение (Conclusions)

В свете изложенного, возможно, главная проблема социокультурного мифотворчества заключается в том, что миф является важнейшим фактором социального (культурного, национального, религиозного) самосохранения, а имеющий место кризис науки следует рассматривать как кризис роста, но его преодоление требует от науки существенных изменений. А пока, хотя современная научная картина мира довольно правдоподобна, ответов на глобальные вызовы современности наука в её нынешнем виде дать не может уже потому, что она оказалась не в состоянии придать человеческому мировоззрению те высокие созидательные смыслы, без которых человечество не только развиваться дальше не в состоянии, но и, возможно, не сможет выжить. И вот здесь помощь мифа, помощь религии, помощь духовного и одновременно интуитивного начала может оказаться для науки и человечества очень кстати. Осталось дело за малым – принять миф таким, как он есть. Но готова ли наука к подобному? В рамках мифологии как науки предпосылки для этого имеются и их можно разделить на исторические, теоретические и организационные, где первые связаны с потребностью в целостном знании и новыми возможностями современной неклассической науки, вторые – строятся на подходах, идеях и разработках ведущих исследователей мифа XX века (А.Ф. Лосев, Э. Кассирер, К.Г. Юнг, К. Леви-Строс, Р. Барт, К. Хьюбнер, Ю.М. Лотман, Г.Д. Гачев и др.), позволивших открыть миф заново, а третьи – обеспечиваются совместной и скоординированной работой современных исследователей мифа в рамках семинаров, конференций, круглых столов, изданий коллективных трудов, что позволяет определить общие позиции и сформировать научную мифологическую парадигму. И здесь главное – понять миф в его расширительном понимании и его роль в обществе, поставив под сомнение и преодолев мешающее идти дальше привычное, общепринятое.

«Одно из неприятных свойств нашего времени состоит в том, что те, кто испытывает уверенность, глупы, а те, кто обладает хоть каким-то воображением и пониманием, исполнены сомнений и нерешительности», – не без сарказма утверждал Б. Рассел¹, невольно своей уверенностью рассуждений подставляя самого себя. Только разве это свойство «нашего времени»? Во все времена думающий человек сталкивался с парадоксом, согласно которого, чем больше узнаешь, тем меньше знаешь, т. к. любая новая информация или решённая проблема тут же порождает новые вопросы и создаёт проблемы, которые снова надо решать. Причём этих

¹ На англ.: «One of the painful things about our time is that those who feel certainty are stupid, and those with any imagination and understanding are filled with doubt and indecision Why the unskilled are unaware: Further explorations of (absent) self-insight among the incompetent» [Электронный ресурс] URL: http://www.psy.fsu.edu/~ehrlinger/Self_&_Social_Judgment/Ehrlinger_et_al2008.pdf

вопросов и проблем оказывается значительно больше, чем было ранее. Понятно, что так происходит потому, что по мере расширения сферы знания, расширяется и граница его с незнанием, которая данные вопросы ставит. И если человек это видит, он будет испытывать те чувства, которые возникают у человека, когда он приходит к пониманию того, как мало знает по сравнению с тем, что должен знать. Но как показывает человеческий опыт, такие чувства для людей являются нормальными, в том смысле, что с ними можно и нужно жить. Хотя на миф в целом подобные замечания не распространяются, пока именно его обвиняют в заблуждениях человечества, снимая ответственность с себя. Впрочем, есть надежда, что если не в обществе, то хотя бы в науке наступит такой момент, когда о мифе будет стыдно рассуждать, если не изучал его и не понимаешь, как целостность, руководствуясь упрощёнными и уничижительными представлениями о нём. Ведь, по мнению М.Ф. Альбедиль, мифология обеспечивает «встречу в человеке сознательного с бессознательным» [Альбедиль 2003: 325]. И если в данном случае не останавливаться на красивой метафоре, то получается, что миф является способом активизации тех бессознательных интуиций, без которых не бывает ни творческих порывов, ни великих открытий, ни полноценного духовного бытия. Иными словами, в данном случае миф выступает эффективным инструментом мотивации бессознательного и подключения его потенциала для максимально возможной творческой мобилизации. А сейчас миру, науке, России, человечеству, как никогда нужна мобилизация духовных и творческих сил для решения тех глобальных проблем, которые поставили под угрозу исчезновения существование человека как вида. И без помощи мифа в его современном понимании эту проблему не удастся ни грамотно поставить, ни правильно решить.

Получается, мир прекрасен не потому, что прост, как писал известный физик Р. Фейнман¹ [Фейнман 2020: 254]. В сложности тоже есть своя красота... и тайна, которая завораживает не меньше, чем уже нам известное. И хотя Ф. Ницше призывал не всматриваться в бездну, чтобы она не начала всматриваться в нас, истинным учёным нравится испытывать восторг перед непознанной бездной, чтобы, если не понимать, то принимать её, учиться у неё, чтобы бездной становиться самим. Именно такое ощущение передают нам И. Кант с его звёздным небом над головой² и М.В. Ломоносов своими строками «Открылась бездна звезд полна. Звездам числа нет, бездне дна», в котором проявляет экзистенциально очерченное мифологическое чувство встречи с неведомым, напоминающее, что мир есть чудо и миф помогает не только встретиться, но и жить с ним, становясь чудом сам.

Литература

Альбедиль М.Ф. Зеркало традиций: Человек в духовных традициях Востока. Санкт-Петербург: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2003. 288 с. («Мир Востока»).

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Изд. группа Прогресс, Универс, 1994. 616 с.

¹ «природа проста, а потому прекрасна».

² Имеется в виду высказывание: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» (И. Кант Критика практического разума).

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Пер. с нем. Л. Добросельского. Москва: Издательство АСТ, 2020. 160 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь: психологические исследования. Москва: Национальное образование. 2021. 368 с.

Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. Москва: Эксмо, 2003. 544 с.

Гейзенберг В. Шаги за горизонт: Пер. с нем. / Сост. А.В. Ахутин; Общ. ред. и вступ. ст. Н.Ф. Овчинникова. Москва: Прогресс, 1987. 368 с

Даренский В.Ю. Миф как холотропное мышление // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2, 2022. С. 43–55.

Дольник В.Р. Убегая от обезьяны [Электронный ресурс]. URL: <http://ethology.ru/interview/?id=55> (дата обращения: 09.05.2023).

Загвозкина Ю.М. Политический миф как проблема социальной философии: Дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2005. 209 с.

Ильянович Е.Б. Миф и наука как когнитивные системы: современные отношения // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 89–100.

Кассирер Э. Философия символических форм Т. 2. Мифологическое мышление. 2-е изд. Москва – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 288 с.

Кэмпбелл Дж. Сила мифа. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 304 с.

Кузина С. За 820 000 евро священник доказал существование Бога [Электронный ресурс]. URL: <http://kp.ru/daily/24440/607040/> (дата обращения: 09.05.2023).

Лаговский В. Григорий Перельман доказал, что Бога нет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/daily/24466.4/626061/> (дата обращения: 09.05.2023).

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. 2-е изд. Москва: Академический проект, 2020, 430 с.

Леви-Строс К. Мифологии. В 4-х тт. Т. 4. Человек голый. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2007. 784 с.

Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. Москва: Изд-во ЭКСМО-пресс, 2001. 512 с.

Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. Москва: ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2004. 704 с.

Мартишина Н.И. Логика мифологического мышления в познании // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2, 2022. С. 33–42.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. 658 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов VI Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2022 года,

г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2023. 574 с.

Найдыш В.М. Археология мифа (Мифотворчество в его историческом развитии) // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 13–31.

Найдыш В.М. Власть тайны. Очерки по философии мифологии. Москва: Альфа-М, 2014. 288 с.

Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. Часть 1: Понимание разума и новая физика. Ч. 1. Москва: Либроком, 2003. 368 с.;

Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. Часть 2: Новая физика, необходимая для понимания разума. Ч. 2. Москва: Либроком, 2005. 352 с.

Перельман признался, что умеет управлять Вселенной [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/news/2011/4/28/487382.html> (дата обращения: 09.05.2023).

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Москва, 1985. 344 с.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. Москва: Высшая школа, 1990. 344 с.

Рассел Б. Искусство мыслить. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с. 2-е изд., испр.

Ставицкий А.В. Методологические аспекты понимания общей теории мифа в контексте неклассической мифологии // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 114–126.

Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012а. 543 с.

Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012б. 240 с.

Талбот М. Голографическая Вселенная / Пер. с англ. Москва: София, 2004. 368 с.

Фейнман Р. Характер физических законов. Москва: Издательство АСТ, 2020. 256 с.

Хюбнер К. Критика научного разума / Пер. с нем. Москва, 1994. 326 с.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: мозг, язык и сознание. Москва: Издательство АСТ, 2021. 496 с.

Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. Москва: Серебряные нити, 1998. 368 с.

Яковлева Е.Л. Миф как экзистенциал человеческого бытия // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 32–39.

References

Albedil M.F. Mirror of Traditions: Man in the Spiritual Traditions of the East. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, St. Petersburg Oriental Studies Publ., 2003. 288 p. ("The World of the East"). (In Russian).

Barth R. Selected Works. Semiotics. Poetics. Moscow: Izd. group Progress, Univers Publ., 1994. 616 p. (In Russian).

Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. Per. with German. L. Dobroselsky. Moscow: AST Publishing House, 2020. 160 p. (In Russian).

Vygotsky L.S. Thinking and Speech: Psychological Research. Moscow: National Education Publ. 2021. 368 p. (In Russian).

Gachev G.D. Mentality of the Peoples of the World. Moscow: Eksmo, 2003. 544 c.

Heisenberg W. Steps Beyond the Horizon: Per. with German. / Sost. A.V. Akhutin; ed. and intro. by N.F. Ovchinnin. N.F. Ovchinnikov. Moscow: Progress Publ., 1987. 368 c

Darensky V.Yu. Myth as Holotropic Thinking // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2, 2022. C. 43–55. (In Russian).

Dolnik V.R. Running away from the Monkey [Electronic resource]. URL: <http://ethology.ru/interview/?id=55> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Zagvozkina Y.M. Political Myth as a Problem of Social Philosophy: Cand. of philos. sciences. Ivanovo, 2005. 209 p. (In Russian).

Ilyanovich E.B. Myth and Science as cognitive systems: modern relations // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. pp. 89 – 100. (In Russian).

Cassirer E. Philosophy of Symbolic Forms Vol. 2. Mythological Thinking. 2nd ed. Moscow - St. Petersburg: Centre for Humanitarian Initiatives, 2017. 288 p. (In Russian).

Kuzina S. For 820 000 Euros the Priest Proved the Existence of God [Electronic resource]. URL: <http://kp.ru/daily/24440/607040/> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Lagovsky V. Grigory Perelman Proved that There is no God [Electronic resource]. URL: <http://www.kp.ru/daily/24466.4/626061/> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Levy-Bruhl L. Primal Thinking / Per. from Fr. B.I. Sharevskaya. 2nd ed. Moscow: Academic Project Publ., 2020, 430 p. (In Russian).

Lévi-Strauss K. Mythologie. In 4 t. Vol. 4: The Naked Man. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2007. 784 p. (In Russian).

Lévi-Strauss K. Structural Anthropology / Per. from Fr. Vyach. Vs. Ivanov. Moscow: EXMO-press Publ., 2001. 512 p. (In Russian).

Losev A.F. The Self: Essays. Moscow: EXMO-Press Publ., 1999. 1024 p. (In Russian).

Lotman Y.M. Semiosphere. St. Petersburg: Art-SPB Publ., 2004. 704 p. (In Russian).

Martishina N.I. The Logic of Mythological Thinking in Knowledge // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2, 2022. C. 33–42. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2020. 658 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference. V International scientific interdisciplinary conference (June 2021, r. Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2021. 576 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Proceedings of the VI International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2022, r. Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2023. 574 p. (In Russian).

Naidysh V.M. The Archaeology of Myth (Myth-making in its Historical Development) // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. Pp. 13–31. (In Russian).

Naidysh V.M. The Power of Mystery. Essays on the philosophy of mythology. Moscow: Alfa-M, 2014. 288 p. (In Russian).

Penrose R. Shadows of the Mind. In Search of the Science of Consciousness. Part 1: Understanding the Mind and new Physics. Ч. 1. Moscow: Librocom Publ., 2003. 368 p. (In Russian).

Penrose R. Shadows of the Mind. In Search of the Science of Consciousness. Part 2: New Physics Necessary for Understanding the Mind. Ch. 2. Moscow: Librocom Publ., 2005. 352 p. (In Russian).

Perelman admitted that he Knows How to Manage the Universe [Electronic resource]. URL: <http://www.vz.ru/news/2011/4/28/487382.html> (date of address: 09.05.2023). (In Russian).

Polanyi M. Personal Knowledge. On the Way to Postcritical Philosophy. Moscow, 1985. 344 p. (In Russian).

Potebnya A.A. Theoretical Poetics. Composition, Introduction, Commentary / A.B. Muratov. Moscow: Vyshaya Shkola Publ., 1990. 344 p.

Russell B. The Art of Thinking. Moscow: Idea-Press Publ., House of Intellectual Book Publ., 1999. 240 p. 2nd ed., revised. (In Russian).

Stavitsky A.V. Methodological Aspects of Understanding the General Theory of Myth in the Context of Non-classical Mythology // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. Pp. 114–126. (In Russian).

Stavitsky A.V. Ontology of the Modern Myth. Sevastopol: Ribest Publ., 2012. 543 p. (In Russian).

Stavitsky A.V. Modern Myth and its Main Functions. Sevastopol: Ribest Publ., 2012. 240 p. (In Russian).

Talbot M. Holographic Universe / Per. s Engl. Moscow: Sofia Publ., 2004. 368 p. (In Russian).

Feynman R. The Nature of Physical Laws. Moscow: AST Publishing House, 2020. 256 p. (In Russian).

Hübner K. Critique of Scientific Reason / Per. from German. Moscow, 1994. 326 c. (In Russian).

Chernigovskaya T.V. Cheshire Smile of Schrödinger's Cat: Brain, Language and Consciousness. Moscow: AST Publishing House, 2021. 496 p. (In Russian).

Jung K.G., von Franz M.-L., Henderson J.L., Jacobi I., Jaffe A. Man and his symbols. Moscow: Silver Threads Publ., 1998. 368 p. (In Russian).

Iakovleva E.L. Myth as the Existential of Human Existence // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. Pp. 32–39. (In Russian).

Сведения об авторе:

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: stavis@rambler.ru

Bionotes:

Stavitsky Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and International Relations, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Ставицкий А.В. Эпистемология мифа: тайны мифологического мышления // МИФОЛОГОС. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». № 2 (6), 2023. С. 67–81.

For citation:

Stavitsky A.V. Epistemology of Myth: Secrets of Mythological Thinking // MYTHOLOGOS. Series "Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies". № 2 (6), 2023. Pp. 67–81.

МИФЫ И СИМВОЛЫ ТРАДИЦИИ

УДК 81'27

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА 'КРОВЬ' В СТРУКТУРЕ МАКРОКОНЦЕПТА РОД

Вайрах Юлия Викторовна

Иркутский национальный исследовательский технический университет
(г. Иркутск, Россия)

Аннотация

В статье рассматривается мифологический потенциал символического признака 'кровь' в создании образности макроконцепта род. Задачи статьи: 1. на основе словарей русского языка и Национального корпуса русского языка выделить символический признак 'кровь', репрезентирующий макроконцепт *род*; 2. проиллюстрировать символический признак 'кровь' языковым материалом. Актуальность исследования заключается в обнаружении мифологической и символической основы макроконцепта *род*. Научная новизна работы заключается в опыте описания символического признака 'кровь' и определении его мифологического потенциала. Символический образ крови, представленный в контекстах, так как он метафорически передает идею родства и наследственности. С образом крови связывали добро и зло, эмоции, страдания, чувства, противостояние, силу и многое другое. Сакральное значение образ крови приобрел в религиозном контексте, так был связан с богом, святостью, жертвенностью. Обнаружение концептуального содержания предполагает описание образности, которая возникает на базе внутренней формы слова, которая репрезентирует концептуальное содержание в результате декодирования символического и мифологического пласта языка. Переосмысление определяет развертывание абстрактных признаков в символические с выраженной оценочностью и образностью. В структуре макроконцепта «родство по крови» предполагает родство по прямой линии, через поколение, со стороны мужа, со стороны жены, прерванное и приобретенное родство, молочное родство. Родство по духу становится символическим воплощением желания человека считать кого-то родным по духу. Духовное родство неизбежно трансформирует личность, делает ее сопричастной к происходящему вокруг. **Ключевые слова:** макроконцепт; структура макроконцепта; символические признаки; род; кровь; мифологическая основа; кровное родство; духовное родство; образ крови

MYTHOLOGICAL POTENTIAL OF SYMBOLIC SIGNS 'Blood' IN THE STRUCTURE OF THE MAKROCONCEPT ROD

Vayrakh Juliya Viktorovna

Irkutsk National Research Technical University
(Irkutsk, Russia)

Abstract

The article discusses the mythological potential of the symbolic feature 'blood' in creating the figurativeness of the macroconcept genus. Objectives of the article: 1. on the basis of the dictionaries of the Russian language and the National Corpus of the Russian language,

highlight the symbolic feature ‘blood’, representing the macroconcept genus; 2. illustrate the symbolic feature ‘blood’ with language material. The relevance of the study lies in the discovery of the mythological and symbolic basis of the macroconcept genus. The scientific novelty of the work lies in the experience of describing the symbolic feature ‘blood’ and determining the mythological potential. The image of blood presented in contexts is symbolic, as it metaphorically conveys the idea of kinship and heredity. Good and evil, emotions, suffering, feelings, opposition, strength and much more were associated with the image of blood. The image of blood acquired sacred meaning in a religious context, as it was associated with God, holiness, sacrifice. Detection of the conceptual content involves a description of the imagery that arises on the basis of the internal form of the word, which represents the conceptual content as a result of decoding the symbolic and mythological layer of the language. Rethinking determines the deployment of abstract features into symbolic ones with pronounced evaluativeness and imagery. In the structure of the macroconcept, “kinship by blood” implies kinship in a straight line, through a generation, from the side of the husband, from the side of the wife, interrupted and acquired relationship, milk relationship. Spiritual kinship becomes a symbolic embodiment of a person's desire to consider someone kindred in spirit, in interests, with whom, perhaps, he is not connected by blood ties. Spiritual kinship inevitably transforms the personality, makes it involved in what is happening around.

Keywords: macroconcept; macroconcept structure; symbolic signs; genus; blood; mythological basis; blood relations; spiritual relationship; blood image

Введение (Introduction)

Миф вербализуется посредством форм языка, устойчивых выражений: «Миф транслирует вечное, вневременное, то, что присуще всем людям во все времена: нравственные ценности, модели поведения, мотивационные установки, которые были свойственны человеку тысячи лет» [Ставицкий 2018: 238]. Являясь незыблемой формой ментального осмысления культуры, миф сохраняет целостность, структуру в общем виде, но дополняется новыми приращениями смысла. Народ оберегает мифы, сохраняя в национальной языковой картине мира самобытный рисунок мифологического коллективного бессознательного: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [Сепир 1993: 193–194]. Язык отражает культурное сознание народа, а носитель впитывает существующие мифы, осмысливает их содержание: «языковая деятельность в свою очередь включена в структуру мифа. И миф использует язык для своего предметного оформления» [Ставицкий 2021: 253–254]. А.В. Ставицкий выделяет особые свойства мифа, которые «позволяют ему играть важную роль в обществе, выполняя в нём свои специфические функции – через искусство, науку и культуру в целом. Функции, возложенные обществом на миф, без которых оно обойтись не может, хотя это и не признаёт...Наиболее фундаментальные функции мифа касаются его роли в формировании мировоззрения, поскольку осмысление человеком и обществом реальности базируется не только на научных знаниях, а на всём богатстве культуры, на вере и убеждениях, то есть происходит посредством мифов (мифологизированных, т. е. чувственно-образно и символически воспринимаемых, знаний)» [Ставицкий 2023: 523].

В.В. Колесов утверждает мысль о неравноценности значений понятия род в древности и сейчас: «Момент, когда понятие род воспринимается как движение во времени (возобновление рода), является важной точкой отсчета в новой славянской культуре» [Колесов 2019: 28]. Традиционно в русской культуре родственные связи определялись кровными узами, вследствие чего символический признак ‘кровь’

связывался с концептуальным содержанием макроконцепта род: кровное родство, кровный родственник, кровь от крови 'родное дитя', единокровный, кровь 'род, племя, поколение'. Первоначально символический признак 'кровь' соотносился с родством по линии отца, например, 'единокровный' (о детях, имеющих общего отца), позднее оформился признак 'единоутробный' (о детях, имеющих общую мать). Мы видим, как расширилось значение символического признака 'кровь' в искусстве, истории, лингвокультурологии, концептологии. Анализ словарей показал многозначность символического признака 'кровь' и расширение концептуального значения макроконцепта род.

Методы (Methods)

Обращаясь к языку, можно обнаружить растворенные в языковых знаках символические признаки сохранившихся мифологем. Для определения признаков, формирующих структуру макроконцепта род, применяется комплекс методов: концептуальный, интерпретативный, дескриптивный. Необходимость анализа символических признаков макроконцепта род обусловлена его отнесенностью к базовым макроконцептам русской культуры. Термин «макроконцепт» в нашем исследовании понимается как «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [Пименова 2021: 38]. Мифы и символы могут трансформировать существующие языковые представления, стать основой открытия новых смыслов мироосознания. Мифы – средоточие языковой символики, которую нужно обнаружить, расшифровать, сделать понятной большинству людей. Древняя символика языка включает исконные концепты, сохраняющие древнее концептуальное содержание. Источником языкового материала послужили словари и Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

Литературный обзор (Literature Review)

В научной литературе выделяются работы, в которых анализируются аспекты символических макроконцептов в разных лингвокультурах. Макроконцепту род был посвящен ряд работ А.Н. Афанасьева [Афанасьев 1855]; В.В. Иванова, В.Н. Топорова [Иванов, Топоров 1980]; М. В. Пименовой 2021–2022 гг. [Пименова 2021; 2022]; Ю.В. Вайрах 2022–2023 гг. [Вайрах 2021, 2022, 2023]; О.Ю. Космачёвой [Космачева 2019]. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении мифологического потенциала символического признака 'кровь' в вербальной репрезентации макроконцепта род.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

В словаре Г.А. Крылова дается определение «кровь»: «Общеславянское слово индоевропейской природы: в древнеиндийском находим *kravis* («сырое мясо»), в литовском – *kraujas* («кровь»), в латыни – *krug* («кровь, текущая из раны»). [Крылов 2005: 201]. В словаре М. Фасмера слово «кровь» обозначает «сырое мясо», «мясо», «загустевающая, текущая из раны кровь», «сырой, несваренный», *krūgas* «кровоавый», «кровоавый, жестокий» [Фасмер 2008].

В анализе языкового материала НКРЯ символический признак 'кровь' реализует значение «кровное родство людей». Репрезентантами в этом случае выступают контексты, подчеркивающие связь родов, родителей (матери) и детей: *(кто кому. разг. О кровных родственниках. – Не дам! – Трубников становится прямо под косу. Их взгляды, полные ярости, скрещиваются. – Хоть и брат ты мне, хоть и кровь от крови... – затряс губами Семён и пустил острый нож прямо по щиколоткам Трубникова Ю. Нагибин. Трудный путь). (А еще во мне течет*

кровь родов Сафоновых, Голобородько, Спириных, Трояновых, Гуков, Кучеров. Алексей Федорченко «Спички» // «Октябрь», 2013). В языковом контексте актуализируется значение кровного родства: *К семье же мы причисляем и посредствующие между семьей и государством группы, поскольку они основаны на общности крови: род, фратрию, колено (филу).* Ф.Ф. Зелинский (История античной культуры. 1914); *За жизнью, за бытом, за нашей эпохой ушло и потерялось феодальное ощущение рода, крови, корней.* Б.А. Пильняк (Рождение человека. 1934); *Жена больше часа простояла с телеграммой в руках у стола красного дерева, на котором она подписывала обратную расписку, остановив глазами себя и время, – и еще несколько часов она лежала в постели на павловской кровати с грифами, в мокрой от слез подушке, искусанной зубами, утолявшими бессмыслицу и боль смерти: умирала, уходила в бессмыслицу – сестра, единственная, кто осталась в жизни от детства, кто прошел через всю жизнь, что связано любовью семьи, рода, крови.* Б.А. Пильняк (Волга впадает в Каспийское море. 1938).

В народных преданиях существует миф о появлении бога Рода: в тишине разбилось яйцо, а из золотой скорлупы появился Род, который дал жизнь всему живому. Тело Рода впоследствии стало Вселенной, а мысль – жизнью. Утка и щука были символическими образами Рода, поэтому в сказках они могли при помощи волшебства помочь людям. В словаре С.И. Ожегова слово «кровь» обозначает «узы родства, родственные, давние родовые связи». [Ожегов 2006]. В старославянском и древнерусском языках слово «кровь» имело одно значение, следовательно, в сознании наших предков еще не были сформированы такие понятия, как родство по крови, по духу, по браку. Оно возникает позже, в период развития современного русского языка. Вероятно, данные понятия стали разграничиваться по отдельным признакам и категориям, связанным с функциями и особенностями того или иного родства.

Символический признак 'кровь' актуализирует значение «дитя, ребенок»: *Все-таки, ты – внучка. Кровь от крови нашей... Слушай!* (М.К. Первухин. Обломки // «Пробуждение», № 3, 1908) – *Вот до чего довели, – подумал, – сын от матери, кровь от крови отрекается!* – *Аль плохо у батюшки? – спросил он шепотом. Ведь родной я ему, родной сын, кровь от крови.* Д.С. Мережковский (Петр и Алексей (1905); *«Человека» этот римский строительный материал, как известно, не особенно уважает даже и в своем собственном ребенке, раз этот ребенок вырос, осмыслялся и задумал не потакать тятенькиным безобразиям; в таких случаях, как известно, римский кирпич не задумывался прямо «представить» своего сына куда следует и объявить его подлежащим искоренению; но «рабенок», плоть от плоти, кровь от крови, который только еще радуется родителя и еще ровно ничего не понимает, и его-то зацепить крюком – нет! на это у нас еще сохранилась капля волчьей слезы!..* Г.И. Успенский (Из путевых заметок, 1889); *«От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию»* (Деян.) Олег Стеняев. (Входите тесными вратами, 2004 // «Наш современник», 15.10.2004); *Старики нашли линию родства, по которой мы были одной крови с Лейлой. Герман Садулаев. (Шалинский рейд, 2009 // «Знамя», 2010).*

Метафорическое значение **рода, крови** актуализирует генетическое понимание символического признака 'кровь': благодаря изменению значения любовь «рода», любовь «крови» создается ощущение вневременности: *Но для чего*

*же ты не послѣдовала вдохновеніямъ того, который весь **нашъ родъ** кровію своею отъ вѣчнаго откупилъ мученія? для чего не приняла совѣтовъ того, котораго премудрость никогда ошибиться не можетъ? Он обнялъ меня, поцеловал в лицо, и указывая на присутствующих, сказал: «Ты здесь дома – вот тебе тридцать человек друзей и братьев, Булгариных, **одного рода, одной крови и одного герба, или кровных наших по кудели.** Ф.В. Булгарин. (Воспоминания, 1846–1849).*

Символический признак ‘кровь’ расширяет значение, охватывая область духовного братства, близости идей, интересов и образа жизни, так называемого «кровного родства»: *Барцев чувствовал себя беспричинно и совершенно счастливым – в это сложное ощущение не совсем законного счастья входили и близость веселой, прекрасной девушки, и уход Альтергейма, и спор с Чашкиным, с которым, несмотря на разногласия, он ощущал **кровное родство**, обещавшее долгую дружбу; все это было заключено в раму пустого города, сделавшегося чистым произведением искусства, без всякой функциональности. Дмитрий Быков. (Орфография, 2002)*

Кровное родство является традиционным видом родства, потому что в соответствии с родством по крови формулируются регламентации поведения в обществе, соблюдаются нормы, относящиеся ко всем другим видам родства. Лица, имеющие связь по кровному родству, носят общую фамилию (патроним), исповедуют одну веру, и между ними невозможны браки до определенного колена (например, у семейских Забайкалья – до восьмого колена, у болгар в XX в. – до четвертого колена).

Существуют менее строгие ограничения на браки между родственниками по материнской линии и между свойственниками (родственниками по брачной связи). Про женщину, вышедшую замуж, сербы говорили, что она имела и род (родительскую семью) и дом (новую семью мужа), а ее дети не считались кровными родственниками членов отцовской семьи: *По основным свойствам и потребностям человека эти элементы можно разделять на физиологические – пол, возраст, кровное родство, экономические – труд, капитал, кредит, юридические и политические – власть, закон, право, обязанности, духовные – религия, наука, искусство, нравственное чувство. **Родичи** могли помнить своё **кровное родство**, могли чтить **общего родового деда**, хранить **родовые обычаи и предания**; но в области права, в практических житейских отношениях обязательная юридическая связь между **родичами** расстраивалась всё более. В. О. Ключевский. (Русская история. Полный курс лекций. Лекции 1–9, 1904).*

Символический признак ‘кровь’ в языковом материале НКРЯ репрезентирует значение «цветущее здоровье»: *Бойкая была, работающая, вымахала красавица – кровь с молоком. Алексей Иванов. (Победитель Хвостика, 1990-1991); Он очень любил женщин дородных, кровь с молоком! Наталья Крачковская: У меня было море поклонников, но любила я только мужа // Анна Велигжанина. (Комсомольская правда, 2013.11.21); Везде бы так перемешать красное с белым, получится кровь с молоком – цвет здоровья. (Елена Ямпольская, Канн-Ницца-Монако. Блеск и нищета русской Ривьеры // Известия, 2011.09.01); Ух, какой я была – яркая, с косой до пояса, кровь с молоком! (Лобанова Зинаида. Кровь с молоком // Труд-7, 2006.08.16).*

«Словарь современного русского языка» дает три словарных статьи: «свекровка», «свекровушка», «свекровь», «свекруха» (обл.). Свекровь – это мать мужа. Свекровь возглавляла род, была женщиной, в жилах которой течет кровь

предков. Свекровь могли назвать кровопийцей, потому что невестка жила по правилам, установленным свекровью: *Молодуха, в знак благодарности, дарила свекрови, свекру, золовкам, деверям подарки, сделанные своими руками (это могли быть полотенца, кисет, рубаха и др.), что символизировало особую симпатию по отношению к новым родственникам и служило залогом взаимного согласия.* (Свадьба тюменских старожилов // «Народное творчество», 2004); *Свекровь снохе говорила: сношенька, будет молоть; отдохни – потолки!* М. Е. Салтыков-Щедрин. (Святочный рассказ, 1858); *Недаром в русской песенке свекровь поет: «Какой ты мне сын, какой семьянин!* И.С. Тургенев. (Хорь и Калиныч, 1847); *За свою почтительность и щедрость Тамара получала от свекрови только нелюбовь – органическую, с поджатыми лиловыми губами, без объяснений и причин; подарки от нее принимались только в виде украшений из жирного желтого золота – должно быть, и сейчас золотой перепутанный ком, с крупными мухами сережек и калачами массивных браслетов, хранится где-то в недрах отсыревшей мебели, куда и мать не заглядывает годам.* (О.А. Славникова, 2017); *Однако где бы ни скрывалась от свекрови новоиспечённая сноха, а встреча двух женщин обречена была случиться непременно.* В.М. Шапко. (Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», 2016).

Символизация значения «кровный» происходит при помощи приема персонификации, так как учитывается характер родственных связей. Например, сочетание «кровный брат» начинает включать значение духовного родства: *Кузькин – родной, единоутробный, кровный брат Ивана Денисовича.* Ю.Ф. Карякин. (Дневник, 2006); *Русская идея всегда являлась подлинной доктриной славянского единства. Славянские народы – кровные братья. Русский народ ценой огромных жертв способствовал их освобождению от гитлеровского фашизма во второй мировой войне, а в прошлом веке русские помогали Болгарии, Сербии и другим странам избавиться от турецкого ига.* (Русская идея: национальное и общероссийское // «Жизнь национальностей», 05.06.2002) *В этом только, в страшной силе воли, в духовной мощи, – они с митрополитом были кровные братья.* С.С. Кондурушкин. (Хараба, 1903).

Изучение символического наполнения концептуального содержания слова «кровь» встречаем в работах И.М. Некипеловой [Некипелова 2003]; С.С. Михалищевой [Михалищева 2018]; В.В. Савчук [Савчук 2020]; О.Н. Гультьевой [Гультьева 2015]; Г.Н. Маллалиева [Маллалиева 2010]; Р.А. Киямовой [Киямова 2019]. Космологические мифы содержат частые упоминания о крови в связи с жертвоприношением и многими другими ритуалами и обрядами. Например, кровью мазали губы для дарования богам пищи, жизненных сил. Человек отдавал немного крови и ждал ответного дара. Многие народы кровью расплачивались с деревьями. Кровь считалась и символом родства, и своего рода жертвой. М.В. Пименова пишет: «Для крови характерно взаимодействие с огнем и солнцем. ...Различные жидкости: молоко, мед, вино – используемые в ритуалах жертвоприношения, олицетворяют кровь. Жертва должна была умиловить богов, восстановить космическое равновесие, возникшее из-за преступления человеком нравственных законов. ...Вино на таинстве Святой Евхаристии (причащения) подают как символ крови Христовой, т.к. она, как считают, обладает силой спасения» [Пименова 2008]. Вавилонский мифологический текст «Энума элиш» рассказывает о богине Тиамат, которая восстала против братьев и раскололась надвое для создания верхнего и нижнего мира. Чтобы сотворить

человека, Мардук решает принести в жертву бога Кингу, который «развязал войну, подбил Тиамат на бунт и вступил в бой». Ему перерезают жилы, и из его крови Эа создает человеческий род. Кровь в греческих мифах олицетворяет мстительных существ. В комментариях к платоновскому «Федону» Олимпиодор передает верование, в котором первые люди произошли из пепла титанов и крови Диониса. В скандинавской мифологии потоки крови великана Имира превращаются в Мировой океан, в котором гибнут инеистые великаны.

Заключение (Conclusions)

Символизация макроконцепта род актуализируется в языковых структурах, а отражение символических признаков в Национальном корпусе русского языка говорит о древнем происхождении макроконцепта, сформированности его внутренней структуры, объединенной символическими признаками. Древний макроконцепт род определяет культурное сознание человека и объясняет первоосновы русской лингвокультуры. Понимание макроконцепта род в связи с концептуальным содержанием требует осознания духовного знания рода. Символический признак 'кровь' расширяет значение макроконцепта, охватывая область духовного братства, близости идей, интересов и образа жизни, «кровного родства», «цветущего здоровья» и др.

Литература

Афанасьев А.Н. О значении Рода и рожаниц. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Москва, 1855. Кн. 2. Ч. 1. С. 132–134.

Большой академический словарь русского языка. Москва: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2004.

Вайрах Ю.В. Сопоставительный анализ мотивирующих признаков макроконцептов Род и Макошь // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 6(94). С. 686–695.

Вайрах Ю.В. Образно-метафорический слой макроконцепта род (на материале паремий тематической группы род – племя) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 6 (94). С. 678–685.

Вайрах Ю.В. Алатырь как признак символического макроконцепта род // Актуальные проблемы формирования духовных ценностей в контексте диалога культур и языков: мат.-лы межд. науч.-практ. конф. Уральск: ЗКУ, 2023. С. 95–100.

Гультяева О.Н. Символ «кровь» в поэтической системе Сургутского автора Петра Суханова // Культура как вид человеческого бытия и познания: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию д-ра филос. наук, профессора Полищука Виктора Ивановича, Ишим, 06 июля 2015 года. – Ишим: Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, 2015. С. 277–287.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Род. Мифы народов мира, гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Сов. энциклопедия, 1980. С. 871.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Мокошь. Мифы народов мира, гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Сов. энциклопедия, 1980. С. 683–684.

Киямова Р.А. Термины родства по крови и их представленность в татарской паремии // Русский язык в условиях би- и полилингвизма: Сборник научных трудов, Чебоксары, 10 декабря 2019 года. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2019. С. 163–166.

Колесов В.В. Концепты «Природа», «Родина», «Народ» в русском языковом сознании. Политическая лингвистика. 2019. № 2. С. 12–23.

Космачёва О.Ю. Репрезентация смыслового элемента 'род' в русской лингвокультуре. Гуманитарные исследования. 2019. № 2. С. 31–37.

Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. Санкт-Петербург: ООО «Полиграфуслуги», 2005. С. 201.

Маллалиев Г.Н. Особенности функционирования лексемы «кровь» в поэзии М. Цветаевой // Роль будущего учителя в процессах глобализации и интеграции образовании, науки, укреплении государственности и международных отношений: Материалы III Международной молодежной научной конференции, Махачкала, 15 апреля 2010 года. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2010. С. 222–224.

Михалищева С.С. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика итал. *sangue* «кровь» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, № 1. С. 44–53.

Некипелова И.М. Символ кровь в средневековых текстах публицистического и эпистолярного жанров XIV–XVI вв. // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: Труды и материалы в 2 томах, Казань, 11–13 декабря 2003 года / Под общей редакцией К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Том 2. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2003. С. 89–91.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2006.

Пименова М.В. Библия как источник метафор сердца в русской языковой картине мире // Язык. Текст. Дискурс. 2008. № 6. С. 99–108.

Пименова М.В. Особенности структуры символического макроконцепта РОД // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия Филологическая. 2021. № 2. С. 37–44.

Пименова М.В. Символический макроконцепт «род» в русской лингвокультуре // Общество, язык и культура XXI века: XXXVIII Междунар. науч. онлайн-конф. (Санкт-Петербург-Бишкек, 29-30 апреля 2021 г.) Санкт-Петербург: Ин-т иностранных языков; Бишкек: Манас, 2021. С. 37–46.

Пименова М.В. Мифы России: пернатые образы богов и богинь (Перун-Род и Перыня-Макошь) // Мифологос. 2022. № 3. С. 24–32.

Пименова М.В. Символические концепты русской лингвокультуры: Перун-Род и Перыня-Макошь // Вестник Ошского государственного университета. 2021. Т. 4, № 4. С. 205–214.

Савчук В.В. Символ крови // Кровь и культура. – Издание третье, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Академия Исследования Культуры», 2020. С. 48-73.

Сетир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Прогресс, 1993. 656 с.

Ставицкий А.В. Миф в историческом поле культуры: психологический аспект // Миф в истории, политике, культуре: мат-лы II Междунар. науч. междисциплинар. конф. (Севастополь, 27–28 июня 2018 г.) Севастополь: Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 238–240.

Ставицкий А.В. Миф как язык: о некоторых подходах к изучению мифа лингвистами // Миф в истории, политике, культуре: мат-лы V Междунар. науч. междисциплинар. конф. (Севастополь, 22–25 июня 2021 г.) Севастополь: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2021. С. 253–257.

Ставицкий А.В. Общая теория мифа о мировоззренческой функции мифа и ее составляющих // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов VI Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2022 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2023. 574 с.

Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. Москва: ТЕРРА-Кн. клуб, 2008.

References

Afanasiev A.N. On the Meaning of the Family and Women in Childbirth. Archive of Historical-legal Information Relating to Russia. Moscow, 1855, Pp. 132–134. (In Russian).

Big Academic Dictionary of the Russian Language / Ros. acad. Sciences, Institute of Linguistics. research; [ed.: L.I. Balakhonova]. Moscow: Science Publ.; St. Petersburg: Science Publ, 2004. (In Russian).

Vayrakh Yu.V. Comparative Analysis of Motivating Features of Macroconcepts Rod and Makosh // Bulletin of the Kemerovo State University, 2022. T. 24, No. 6 (94). Pp. 686–695. (In Russian).

Vayrakh Yu.V. The Figurative and Metaphorical Layer of the Macroconcept Genus (On the Material of Proverbs of the Thematic Group Genus-tribe) // Bulletin of the Kemerovo State University. 2022. T. 24, No. 6 (94). Pp. 678–685. (In Russian).

Vayrakh Yu.V. Alatyr as a Sign of the Symbolic Macroconcept Genus // Actual Problems of the Formation of Spiritual Values in the Context of the Dialogue of Cultures and Languages: Materials of Int. Scientific-practical. conf. Uralsk: ZKU, 2023, P. 95–100. (In Russian).

Gulyaeva O.N. The Symbol «Blood» in the Poetic System of the Surgut Author Pyotr Sukhanov // Culture as a Kind of Human Existence and Knowledge: a Collection of Materials of the All-Russian Scientific Conference With International Participation, Dedicated to the 70th Anniversary of Dr. Sciences, Professor Viktor Ivanovich Polishchuk, Ishim, July 06, 2015 / Scientific editor V. I. Polishchuk, executive editor L.A. Ogorodnikov. Ishim: Ishim Pedagogical Institute. P.P. Ershova, 2015, Pp. 277–287. (In Russian).

Ivanov V.V., Toporov V.N. Rod. Myths of the Peoples of the World, ch. ed. S.A. Tokarev. Moscow: Sov. encyclopedia, 1980, Pp. 871. (In Russian).

Ivanov V.V., Toporov V.N. Mokosh. Myths of the Peoples of the World, ch. ed. S.A. Tokarev. Moscow: Sov. encyclopedia, 1980, Pp. 683–684. (In Russian).

Kiyamova R.A. Terms of Blood Kinship and Their Representation in the Tatar Proverb // Russian Language in the Context of bi- and Polylingualism: Collection of scientific papers, Cheboksary, December 10, 2019 / Responsible editor Z.N. Yakushkina. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. AND I. Yakovleva, 2019. Pp. 163–166. (In Russian).

Kolesov V.V. Concepts «Nature», «Motherland», «People» in the Russian Language Consciousness. Political linguistics. 2019. No. 2. Pp. 12–23. (In Russian).

Kosmacheva O.Yu. Representation of the Semantic Element ‘Genus’ in Russian Linguistic Culture. Humanitarian research. 2019. No. 2. Pp. 31–37. (In Russian).

Krylov G.A. Etymological Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: OOO «Polygraph services» Publ., 2005, P. 201. (In Russian).

Mallaliev G.N. Features of the Functioning of the Lexeme "Blood" in the Poetry of M. Tsvetaeva // The Role of the Future Teacher in the Processes of Globalization and Integration of Education, Science, Strengthening Statehood and International Relations: Materials of the III International Youth Scientific Conference, Makhachkala, April 15, 2010. – Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University, 2010, Pp. 222–224. (In Russian).

Mikhailishcheva S.S. Associative-derivative and Phraseological Semantics of Italian. Sanguis «Blood» // Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology. 2018, T. 10, No. 1, Pp. 44–53. (In Russian).

Nekipelova I.M. The Symbol of Blood in Medieval Texts of Journalistic and Epistolary Genres of the XIV-XVI Centuries // II International Baudouin Readings: Kazan Linguistic School: Traditions and Modernity: Proceedings and materials in 2 volumes, Kazan, December 11-13, 2003 / Under the general editorship of K. R. Galiullin, G.A. Nikolaev. Volume 2. Kazan: Kazan State University. V. I. Ulyanov-Lenin, 2003, Pp. 89–91. (In Russian).

Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and Phraseological Expressions / S.I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova; Russian acad. Sciences, Institute of Rus. lang. them. V. V. Vinogradova. Moscow: A TEMP Publ., 2006. (In Russian).

Pimenova M.V. The Bible as a Source of Metaphors of the Heart in the Russian Language Picture of the World // Language. Text. Discourse. 2008. No. 6. Pp. 99–108. (In Russian).

Pimenova M.V. Features of the Structure of the Symbolic Macroconcept ROD. Bulletin of the Kokshetau University. Sh. Ualikhanov. Philological series. 2021. No. 2. S. 37–44. (In Russian).

Pimenova M.V. The Symbolic Macroconcept «Kind» in Russian Linguistic Culture. Society, language and culture of the XXI century: XXXVIII Intern. scientific online conf. (St. Petersburg-Bishkek, April 29-30, 2021) St. Petersburg: Institute of Foreign Languages; Bishkek: Manas, 2021, Pp. 37–46. (In Russian).

Pimenova M.V. Myths of Russia: Feathered Images of Gods and Goddesses (Perun-Rod and Perynya-Makosh). Mythologos. 2022. No. 3, Pp.24–32. (In Russian).

Pimenova M.V. Symbolic Concepts of Russian Linguistic Culture: Perun-Rod and Perynya-Makosh // Bulletin of the Osh State University. 2021. V. 4, No. 4. Pp. 205 – 214. (In Russian).

Savchuk V.V. Symbol of Blood // Blood and Culture. Third Edition, Revised and Enlarged. – St. Petersburg: Limited Liability Company «Academy of Cultural Research», 2020. Pp. 48–73. (In Russian).

Sapir E. Selected Works on Linguistics and Cultural Studies. Moscow: Progress Publ., 1993. 656 p. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Myth in the Historical Field of Culture: Psychological Aspect. In: Myth in History, Politics, Culture: Materials of the II Intern. Scientific Interdisciplinary

conf. (Sevastopol, June 27–28, 2018) Sevastopol: Branch of the Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov in Sevastopol, 2018. Pp. 238–240. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Myth as a Language: on Some Approaches to the Study of Myth by Linguists. *In: Myth in History, Politics, Culture: Materials of the V Intern. scientific interdisciplinary conf.* (Sevastopol, June 22–25, 2021) Sevastopol: Branch of the Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov in Sevastopol, 2021. Pp. 253–257. (In Russian).

Stavitskiy A.V. General Theory of Myth About the Ideological Function of Myth and its Components // *In: Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the VI International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2022, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitsky.* Sevastopol: Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov in the city of Sevastopol, 2023. 574 p. (In Russian).

Vasmer Max. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 Volumes / Max Vasmer; Per. With him. and Additional O.N. Trubacheva; ed. and with Preface. B.A. Larina. Moscow: TERRA-Kn. Club Publ., 2008. (In Russian).

Сведения об авторе:

Вайрах Юлия Викторовна

зав. кафедрой рекламы и журналистики ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», кандидат филологических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

E-mail: vayrakh@yandex.ru

Bionotes:

Vayrakh Juliya Viktorovna

Head Department of Advertising and Journalism, Irkutsk National Research Technical University, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

E-mail: vayrakh@yandex.ru

Для цитирования:

Вайрах Ю.В. Мифологический потенциал символического признака ‘кровь’ в структуре макроконцепта род // *Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования»*, № 2(6), 2023. С. 82–92.

For citation:

Vayrakh Yu.V. The Mythological Potential of the Symbolic Feature ‘Blood’ in the Structure of the Macroconcept Genus // *Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series*, no. 2(6), 2023. Pp. 82–92.

УДК 008

ЗНАКИ ЦВЕТА В МИФАХ НАСЕЛЕНИЯ РОДОВОГО ОБЩЕСТВА

Викторова Валентина Дометьяновна

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
(г. Екатеринбург)

Аннотация

В статье на основании системного, семиотического подходов и при использовании метода интеграции рассматривается роль знаков цвета в мифах населения эпох камня. Источниками анализа проблемы послужили вещи и знаки с культовых памятников Среднего Зауралья. В результате установлено, что самым распространенным был красный знак охры со значением – кровь-жизнь. Многоцветная палитра белого, розового, желтого, оранжевого, красного цвета красок и изделий из халцедона отражала богатство красок солнечного света, а также бликов огня. Знаки цвета присутствуют во всех мифах эпох мезолита-энеолита, которые удалось расшифровать. Роль знаков цвета в мифах состоит в том, что они выделяют основные идеи мировидения: идею рождения земли, возрождения солнца, человека; идею одухотворенности всего окружающего мира; идею социальных общественных отношений и нравственных принципов – тотемизм.

Ключевые слова: миф, обряд, система, структура, мировидение, мезолит, неолит, энеолит

COLOR SYMBOLS IN MYTHS OF TRIBAL SOCIETY

Viktorova Valentina Dometyanovna

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)

Abstract

The article examines the role of color symbols in the myths of Stone Age populations using a systemic and semiotic approaches and the method of integration. The analysis is based on objects and signs from cult sites in the Middle Trans-Urals. The study reveals that the most common symbol was the red ochre, which represented blood and life. The multicolored palette of white, pink, yellow, orange, and red pigments and chalcedony objects reflected the richness of the colors of sunlight and firelight. Color symbols are present in all the deciphered myths of the Mesolithic and Eneolithic Era. The role of color symbols in myths is to highlight the main ideas of the worldview: the idea of the birth of the earth, the rebirth of the sun and man, the idea of the spiritualization of the surrounding world, the idea of social relations and moral principles - totemism.

Keywords: myth, ritual, system, structure, worldview, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic.

Введение

Для воспроизводства и расшифровки мифов населения родового общества по археологическим материалам есть ряд оснований. Во-первых, за последнее тысячелетие в археологии накоплена богатая источниковая база. В разных регионах она различна, но в данной работе ограничим исследования горно-лесным Зауральем трех озерных краев – Северного, Среднего и Южного. В богатом

информационном потоке объектом исследования являются культовые памятники местного финно-угорского населения и индоиранских мигрантов.

Во-вторых, на протяжении тысячелетия совершенствовались методология и методы анализа культовых памятников. В данной работе методологическими подходами будут системный и семиотический. Из длительных споров теоретиков, что первично – обряд или миф, для древних эпох ответ однозначен. **Обряд – это сценарий определенного мифа.** Миф и его реализация в обряде это две системы. У них единая, или близкая структура, одинаковые пространственно-временные параметры и последовательность развития сюжета. В структуру обеих систем входит центральный элемент – объект посвящения и ключевые элементы – действующие персонажи и помощник первопредок-тотем.

Дополнительными элементами обряда являются: дары объекту посвящения, место для лица, ведущего обряд и церемониальная площадка для участников обряда, изобразительные, выразительные и **цветовые** знаки. К последним знакам принадлежат следы многоцветного костра, линзы красной охры, цветные прослойки глины и каменного инвентаря. Для интерпретации иконических и символических знаков пещерных и наскальных мифов, а также текстов на ритуальных сосудах, подход [Викторова, 2017, 42–45].

Из ведущего тезиса о взаимосвязи мифа и обряда следует, что началом исследования являются следы структуры обряда на культовом памятнике. При анализе древних текстов можно было бы применить продуктивный метод древнего населения – аналогию, сравнение. Только он к настоящему времени преобразован в метод интеграции, основанный на определенных закономерностях [Клейн, 1998]. Опираясь на эти закономерности, стало возможным соотнесение древних мифов с фольклором и этнографией обских угров, а также с доарийскими гимнами Ригведы.

Истоки и механизм образования знаков цвета. Истоками знаков цвета в обрядах и мифах являются индексные знаки. Одним из основных индексных знаков была **красная** кровь, важнейшее условие жизни человека и ряда природных организмов.

Метод преобразования природного индексного знака в иконический знак обряда и мифа – *аналогия* различных **оттенков красного** цвета охры, представленной в виде порошка или мелких сфероидов, шариков или «карандашей». Иконическими и символическими знаками служат рисунки, выполненные охрой на скалах. Порошок охры покрывающий сакральные площадки, или погребения, кусочки охры в составе теста ритуальных сосудов несли функцию оживления, рождения.

Следующими источниками знаков цвета в обряде и мифе были индексные знаки природных явлений и предметов, изготовленных рукой человека. Способом преобразования этих знаков в иконические или символические было применение того же метода аналога. Цветовой палитре солнца соответствуют языки пламени жертвенных костров и Красочных минералов: халцедона, кварца, яшмы, слюдяного и серебристого талька. Назначение этих знаков разнообразно: защита, усиление действий, указание направления на знаковые объекты.

Самое начало. Мифотворчество – это создание второй реальности, которая, формируя мировидение, прочно сочеталась с реальной жизнедеятельностью древних людей. Появление первых мифов относится к началу верхнего палеолита [Филиппов, 1997: 85]. Причиной их образования мифов стала необходимость объяснить важные для жизни, но непонятные явления в человеческом обществе и

природе. 32 тысячи лет до наших дней на стенах трех пещер (Франция) появились красочные иконические изображения животных ледникового периода, а в самом потаенном месте пещеры Шове была фигур человека с головой бизона [Филиппов, 2004, рис. 3, -2]. Изображения нанесены краской **красного**, реже, **черного** цвета. К сложившейся системе языков бытового общения и хозяйственной деятельности, вербального, жестов, и мимики, для проведения обрядов особое значение приобрели языки изобразительной деятельности, музыки, танца и **язык цвета**. Именно они придавали обряду и восприятию мифа эмоциональную насыщенность, формируя новые социальные чувства.

Около 20 тыс. лет на стенах пещер Франции, Испании, а 16 тыс. лет назад в Каповой пещере Урала продолжались обряды у рисунков с мифами. Н.Д. Праслов [1997] определил минеральные источники красок и способы их изготовления. Древнее население использовало четыре краски – красную, желтую, черную, белую [Там же: 8]. Среди них **красная** охра была основной.

Значимость красок для человека эпохи палеолита П.В. Волков увидел в выборе минералов яркого цвета – оранжевого, красного, желтого для ритуальных орудий. Он полагал, что человек этого времени уже умел ценить красоту [Волков, 2004: 50].

С момента появления в поле зрения исследователей пещерной палеолитической живописи (нач. XX в.) начались попытки ее расшифровки (Леруа-Гуран, Ляминь Эмперер и др.). В последние десятилетия А.К. Филиппов отмечал, что рисунки на стенах пещер это сцены о творении жизни, сказания о первых демиургах и круговорот через смерть к возрождению [Филиппов, 1997: 86]. В пещере Труа фрер он увидел один из вариантов мифа о всеобщем родстве человека и животного [Там же: 93]. Вместе с тем, автор согласен и с мнением А. Ляминь Эмперер о том, что во всех наглядных связях фигур малого и большого размеров можно предположить различие социальных структур, имеющих отношение к разным поколениям.

Есть основание предполагать, что антропоморфные изображения с головами бизона, мамонта, горного козла из пещер Западной Европы [Широков, Петрин, 2013, рис 39, 1–10] и Каповой пещеры Урала [Там же, рис. 39, 11] были изображениями предков-тотемов различных родовых общин.

Статья Ю.Б. Серикова [2012] содержит описание археологических находок со знаками красок на территории Северной Евразии и Урала. Из этого перечня можно выделить два момента. Во-первых, специфику применения красок на памятниках Южного Зауралья. В эпоху палеолита. красочные мифы на стенах пещер Каповой и Игнatieвской, скопление отщепов хрусталя на памятнике Большие Аллаки–II [Там же: 131].

На памятниках эпохи мезолита в Бурановской пещере и гроте Старичный гребень найдены подвески из зеленого офита. [Там же: 127]. Во-вторых, рассматривая проблему семантики знаков цвета, автор приводит точки зрения исследователей памятников с подобными знаками и их интерпретацию. К функциям знаков красок отнесены: охрана, усиления действия, защита, но чаще всего – рождение, возрождение [Там же: 136–137].

Обряды и мифы населения горно-лесной полосы Среднего Зауралья. Базой для размышлений и выводов будет уральский материал с основной опорой на памятники острова Каменные палатки (Железнодорожный район г. Екатеринбурга), где раскопки проводились последние 44 года. Временные рамки –

эпохи мезолита (X – ср. VII тыс. до н. э.), неолита (ср. VII – ср. IV тыс. до н. э.), энеолита (ср. IV – III тыс. до н. э.).

Культовые памятники острова Каменные палатки

Миф о поднятии Земли. В эпоху мезолита миф и его воспроизведение в обряде, вероятно, возникли из потребности объяснить, откуда и как появилась земля, на которой обитали жители острова и всей культурно-исторической общности Среднего Зауралья.

В раннем голоцене начало мифу положила, наблюдаемая древним населением ситуация на озере, в южной части которого находился остров. Высокий уровень воды в озере неоднократно колебался и, на его поверхности то появлялись, то вновь скрывались под водой горные вершины островов. Соответственно размеры острова тоже колебались, но постепенно увеличились в два раза, а его высота над уровнем воды от 3-4 м достигла 5-6 м. Подобные события, которые происходили во всех трех озерных краях Зауралья, и породили миф о неоднократных попытках появления гористой земли со дна водоема. Опытные охотники знали, что нырять до дна могли немногие птицы, в том числе, гагары. А измерить растущую землю способны вороны.

В мифе и его реализации в обряде объектом почитания была гористая земля острова и вся окружающая ее территория жизнедеятельности общины. Ключевыми элементами структуры обряда были три действующих персонажа. Первый из них – деревянная (обгоревшая) фигура водоплавающей птицы в **слое красной охры**. Жертвенная сгоревшая чаша была заполнена охрой.

Второй персонаж представлен скульптурой головы ворона размером 1 х 0,5 м. Фигура выполнена в граните **белого цвета**. Северо-восточнее скульптуры, в жертвеннике среди микропластин находилась небольшая (2,5см) **черная** голова медведя -тотема, изготовленная из углисто-кремнистого сланца. Между двумя основными персонажами расположена церемониальная площадка.

В эпоху неолита продолжение мифа представлено на поверхности ритуальных сосудов. Знаки воды, покрывающие всю внешнюю поверхность сосуда, повествуют, что первоначально кругом была только вода [Викторова, 2017, рис. 17]. На втором сосуде одна череда треугольников – знаков гор поднимается со дна водоема, а другая уже поднялась из воды [Там же, рис. 83].

В эпоху энеолита в обрядах святилищ 1 и 2 аятской культуры отражен самый богатый вариант мифа. В первом святилище на поверхности ритуального сосуда видны крупинки **красной охры** и среди них обозначено начало мифа: фигуры больших гагар на верхнем фризе и малых среди волн изображены в позах ныряния. Центральный элемент - гористая земля находится еще на дне водоема (на дне сосуда) [Викторова, 2021, рис. 1]. И на сосуде, и в обряде присутствует тотем-лось [Викторова, 2017, рис. 59, фото 1].

Место для лица, ведущего обряд, представлено овальной формы площадкой из **желтой** глины, окруженной канавкой. Столб у ее северного основания, вероятно, был воплощением духа (рода? земли? мировой горы?). Обряд завершался текстом Ведущего, в руках которого, очевидно, был жезл с навершием в виде **черной** головы птицы-ворона. Эта фигура, как и ритуальный сосуд, найдены в культовой постройке.

Прошло более 10 тысяч лет, и в Священном сказании манси этот миф сохранился. В нем изменился ландшафт, вместо гор главным элементом стала

равнина, место зооморфных предков заняли антропоморфные. Но структура мифа осталась неизменной.

Миф о духе мировой горы. На вершинах древних Уральских гор ветер, вода и мороз «изваяли» целый ряд фигур, похожих на звериные и человеческие головы. Одухотворяя все живые и неживые явления природы, в этих фигурах древние люди видели духов леса и гор. В каждом конкретном случае общинники воспринимали гору с антропоморфной головой на вершине, как мировую гору с обитавшим в ней духом. Эти представления сохранились до Нового времени [Глшков|1900].

Миф у мезолитического населения острова появился из потребности объяснить наличие на валуне Западной гряда природной фигуры, напоминающей профиль человека.

Древний художник черточками—щелями нанес морщины, расширенными черточками обозначил глаз, ноздрю и рот. И в профиле старца, очевидно, древнее население острова с эпохи мезолита до раннего железного века видело духа мировой горы. Центральным элементом мифа и обряда стал дух мировой горы, воплощенный в столб, на 50 см погруженный в супесь с включением угольков и обильной примесью **красной** охры.

Охрой была перекрыта и площадка перед столбом. На ее северном конце сидела фигура тотема-медведя. По центру площадки в деревянном сосуде, вероятно, находилась жертвенная пища. Во втором жертвеннике на одной линии по направлению к столбу размещались гранитные фигуры - голова олененка и имитация наконечника стрелы длиной 0,9 м, заключенного под свод небольшого грота. Миф повествует о значимости духа мировой горы- гранитного устойчивого центра мира населения как острова, так, вероятно, и соседних общин.

В расширенном варианте текст мифа представлен в обряде на святилище 2, расположенном у основания **белой** гранитной скульптуры птицы-ворона. Центральным элементом обряда послужил столб, в котором, очевидно, воплощением духа мировой горы.

Ритуальный Сосуд, погруженный в прокал от **многоцветных** языков огня, состоит из двух частей. На первой из них мировая гора появилась из воды на половину. По ее центральной оси видны два ромба, два знака души [Викторова, 2017: 114–115] верхнего и среднего мира. На второй части сосуда гора появилась целиком и по ее центральной вертикали видны все три одушевленные миры – верхний, средний и нижний [Викторова, 2021, рис. 2].

К ключевым элементам обряда принадлежали: гранитная голова тотемалося, затылок которого был покрыт слоем **красной** охры; оговоренная выше, **белая** большая и **черная** малая фигуры голов птицы-ворона; жертва в виде скопления фигур зверей и птиц, изготовленных из черепков разбитых сосудов; церемониальная площадка и охранявшие ее менгиры.

Миф содержит текст о происхождении мировой горы со дна водоема и ее значимости, как гранитного устойчивого центра мира населения острова и соседних общин. В иерархии духов

Главным из них был дух всей мировой горы, на следующем уровне находятся духи трех миров.

Отметим, что даже в расширенном варианте структура мифа осталась неизменной.

Миф о медведе-тотеме. Этот миф, возникший в эпоху мезолита, пока не имеет продолжения в обрядах последующих эпох, хотя каждый обряд сопровождали фигуры тотемов – медведя или лося.

Основным персонажем обряда и мифа является образ первопредка, тотема- медведя. Общим ключевым элементом служил дважды возводимый столб, воплотивший духа мировой горы. Дополнительными элементами обряда были жертвенники, перекрытые **розовой** супесью с включением порошка охры, а также мастерская по изготовлению охры.

Сюжет мифа – это история тотема-медведя. Его рождение в обряде выглядит, как маленькая (5,5 см) гранитная головка медвежонка [Викторова, Сериков, 2015, рис. 12], лежащая в линзе **розового** цвета. Фигура повзрослевшего медведя (длиной 42 см) изображена на **розовой** линзе в позе движения из иного мира на севере в мир живых на юге [Там же, рис. 11]. Дары у обеих фигур представлены микропластинами, среди которых выделяются пластины халцедона **белого, розового, желтого, оранжевого** цвета и из **сургучно-зеленой и белой** яшмы. По склону от площадки вниз спускается третья большая (1,3 x 1,4 м) фигура медведя.

В жертвеннике, окруженном камнями, лежали кости животного и куски железной руды, обильно посыпанные порошком **красной** охры. Итак, в сценарии мифа изображены картины из жизни медведя-тотема: его рождение, движение с севера из иного мира и спешный спуск по крутому склону к, по всей вероятности, на помощь потомкам-сородичам.

Миф о жизни в ином мире. Погребальный комплекс эпохи мезолита расположен в южной части первой ступени Западной гряды. Здесь в одном ряду с востока на запад находились: валун с изображением духа горы, каменный ящик и два погребения. Объектом почитания мифа и обряда было лицо высокого социального статуса, могила которого перекрыта слоем **красной** охры. Погребение ориентировано в направлении с юга на север. Рядом с умершим лежали пластинки **полупрозрачного блестящего** слюдяного талька, в ногах находились кости лося и северного оленя. Во второй могильной яме, с той же ориентацией при отсутствии консерванта-охры кости были уничтожены кислотной почвой. Сохранился только след обгоревшего жертвенного сосуда.

Поминальный комплекс представлен каменным ящиком, на северной стенке которого лежит фигура медведя-тема. Внутри ящика виден след сгоревшего столба, очевидно, вмещавшего душу первого погребенного. У западного основания ящика пылали **многоцветные** языки огня.

В мифе иной мир находится на севере. И в нем всегда темно. Поэтому медведю-тотему, обитавшему там, не нужны глаза (все 8 изображений голов медведей с культовых мезолитических памятников не имеют глаз). Но для жизни умерших людей, вероятно, нужен свет и поэтому в первое погребение помещены пластинки яркого слюдяного талька. Нужна и пища, которой сопровождала обоих погребенных. Особо важной считалась жизнь в ином мире, а затем возрождение лица высокого ранга (старейшины рода или вождя племени). Поэтому для его обязательного возрождения могилу перекрывали слоем порошка **красной** охры.

В эпоху энеолита в погребально-поминальном обряде при сохранившихся традициях появились новации. Первая из них заключалась в увеличении различия элиты и рядовых общинников. Для лиц высокого социального статуса со середины

IV тыс. до н. э. общинники начали возводить из многотонных гранитных плит и валунов верховые тоннели и дольмены.

Погребение объекта почитания – знатного сородича помещено под слоем **красной** охры по центру Романовского верхового тоннеля. Оно ориентировано с юга на север. Голова медведя-тотема занимает северную часть погребения. Следы **многоцветного** пламени огня отмечены у входа и выхода тоннеля. В последнем случае огонь горел в скоплении фигур зверей из гранита. Они окружали невысокий (30 см) «менгир», вероятно, вмещавший душу умершего.

Рядовых общинников погребали в низовых тоннелях. У северного входа в 10-метровый низовой тоннель у западного основания острова от обряда сохранилась мегалитическая фигура медведя и трижды принесенные дары. Над этим памятником на 5 м возвышался поминальный комплекс. В обоих случаях объектами поминания были сородичи, погребенные в тоннеле.

Следующая новация заключалась в том, что на тризне присутствовали, наряду с живыми сородичами, духи умерших. Об этом повествует состав костей и предметы в восьми скоплениях. Кальцинированные кости принадлежали как съедобным, так и несъедобным животным, и птицам (скопе и лисице). Из этнографии узнаем, что у жителей нижнего мира иная пища, не пригодная для живых [Попова, 2003: 61]. Для дальнейшей жизни каждому духу принесены по 1-3 защитных подвески из **красного** сланца и амулеты, для освещения пластинки **блестящего** слюдяного талька, а для подземной охоты в ряде скоплений были наконечники стрел.

Итак, в мифах представление о нижнем мире постепенно становилось более четким. Иной мир находится на севере и в нем всегда темно. Умершие там ведут обычную жизнь: охотятся, принимают пищу, иногда посещают мир живых и приносят оттуда дары. Их защищает тотем, амулеты и подвески (или ожерелья) из красного сланца.

Мифы о возрождении. Миф, посвященный восходу, рождению солнца сложился из потребности осуществить мечту древнего человека о бессмертии. Из наблюдения древние знали, что солнце после ухода каждый вечер в иной мир на север всегда утром возвращается. Сопоставление циклов солнечного движения с циклами человеческой жизни: рождение, пик жизненной энергии, старение, смерть сложилось представление, что раз солнце всегда выходило из иного мира, возрождалось, значит, должен возродиться и умерший соплеменник.

На памятнике Сейд конструкция высотой 1 м, изготовленная из валунов и плит в четыре яруса, для археологов была загадкой. Посетивший остров директор Пулковской обсерватории А.В. Степанов отметил, что конструкция очень удобное место для наблюдения за восходом солнца. Археологические раскопки подтвердили эту замечательную гипотезу. Раскопки подтвердили гипотезу, и было установлено, что памятник сооружен в эпоху мезолита.

Конструкция, при помощи которой определялись точки восхода солнца в дни весеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния, очевидно, воспринималась как воплощение духа солнца и стала главным элементом структуры обряда. У ее восточного основания в жертвеннике помещали дары в виде скопления **розового** халцедона, микропластин, чешуек халцедона **белого, желтого, оранжевого, розового, красного** цвета. Подобная цветовая палитра свойственна и пламени костра, визира восхода солнца в день весеннего равноденствия. Она могла служить и иконическими знаками родства огня и

солнца, а также символом возрождения весны. Южнее находилась линза белой глины. С севера к конструкции обращено изваяние головы тотема-медведя, изготовленная на углу большой гранитной плиты.

Через четыре тысячелетия у конструкции возродились и миф, и обряд. У населения трех археологических культур последовательно повторились и структура и схема действий на том же жертвеннике. Только в обряде общинников липчинской культуры дарами служили пластины и фрагменты изделия из **красной** яшмы, а тотемом у населения аятской культуры был лось.

Мифы индо-иранского населения. В эпоху неолита на Ближнем Востоке с развитием земледелия и скотоводства произошел демографический взрыв и начались миграции в Северную Индию, на Балканы, Украину, Зауралье и Западную Сибирь. Т.Я. Елизаренкова не однократно отмечала в статье и комментариях, что в Ригведе, наряду с арийским, сохранился пласт гимнов доарийского неолитического времени [Елизаренкова, 1989], что позволило сопоставить факты археологии с рядом гимнов.

Миф о возрождении. Усть-Вагильсктй холм (Северное Зауралье) в настоящее время возвышается на 5,5–6 м над равнинной частью прибрежной полосы. Начало холму положил холмик над культовым памятником раннего неолита [Панина и др., 2019]. Объектом почитания были фрагменты семи человеческих черепов. В состав жертвенника входили два скопления костей животных и керамика сатыгинского типа. **Белая** глина заполняла фрагменты двух человеческих черепов и расколотые трубчатые кости животных. Жертвенник перекрыт супесью с включением сфероидов и жгутов из **белой** глины, а затем еще и **белой** берестой. Можно согласиться с мнением С.Н. Паниной, что жертвы посвящались возрождению как людей, так и животных.

Население следующей волны мигрантов освоило Среднее Зауралье и Притоболье.

На святилище острова Каменные палатки последовательно были проведены три разных обряда, отражающих разные мифы.

Миф, посвященный восходу солнца. На святилище с глиняной площадки **красного** цвета, на которой было место Ведущего обряд, ранним утром Хорошо открывался обзор на солнце, поднимающееся из-за скалистых вершин Западной гряды. Именно в это время на гранитной стене гряды наиболее четко проступал шлифованный знак рога быка размером 1 м [Викторова, 2017, фото 4]. У ранних земледельцев Ближнего Востока образ быка олицетворял небо [Антонова, 1984, с. 83–101].

Миф, посвященный восходу солнца, отражен в доарийском гимне Ригvedы [VI, 84, 3]: утренняя **розовая** Заря появляется верхом на быке.

Миф о сотворении земли. Проведя обряд, ведущий стоял на глиняной площадке **желтого** цвета. Центральной фигурой обряда был «утюжок», предмет по форме напоминающий зерно. По его центру нанесен желобок выгнутая [Там же, рис. 84]. Рядом находился развал сосуда, с изображением знаков воды, льющейся сверху [Там же, рис. 85]. Восточнее цветных площадок размещались четыре ямки от столбов или помостов, образующие ромб. Вероятно, знак образовавшейся земли. Диагонали ромба определяли направления стран света. Возле каждого столба горел *огонь с многоцветными* лепестками. В костры выливали жертвенную жидкость. Образовавшийся слой золы включал прослойки **белого, желтого и оранжевого** цвета.

В обряде был воспроизведен миф из до арийского гимна Ригведы. Золотой зародыш появился из бездны высоких вод и стал творцом «всего сущего»: неба и земли, стран света и мира живых, которые «дышат и моргают» [Ригведа, X, 121, 1–4].

Миф об утверждении на новой земле. Объектом почитания была родная мать-земля. Появилась потребность в ее переносе с родины и возрождения на новом месте обитания. Дорога переселенцев шла с гор Загроса Южного побережья Каспийского моря [Мелларт, 1982: 22–23] по пустыне, водным переправам и преодолению высоких Гор Южного Урала до Среднего Зауралья.

В обряде этот путь представлен как движение с юга на север: от гранитной *чаши* на вершине Западной гряды вниз на 5 м по скалам, потом еще ниже на 3 м по склону горы к уступу со знаком матери-земли на крутом склоне острова. Знак в виде круга, пересеченного диагональю, аналогичный «утюжкам», был прочерчен на плоской плите [Викторова, 2017, фото 3]. Диагональ, ориентированная в направлении юг-север, как бы продолжила путь до острова. В глубокую щель, расположенную по касательной к знаку, была вылита жертвенная жидкость.

Миф повествует о тяжелом пути миграции, переносе и утверждении матери-земли на новом месте заселения. Особая значимость обряда, отражающего миф, отмечена **белой** площадкой, на которой стоял человек, руководивший обрядом.

Для понимания смысла белого цвета обратимся к цветовому коду Ригведы. В гимнах, посвященных огню Агни, солнцу и жертвенному напитку *собе*, эпитеты желтоватый/ая, белый/аяая, сверкающий/ая [Ригведа, IX. 42, 1] совпадают и являются символами положительного значения: благополучия, благоденствия, жизнеутверждения. При этом основной акцент в этой палитре приходится на яркую часть спектра **белого цвета**.

Мифы местных охотников появились в эпоху энеолита, когда в озерном крае горно-лесной полосы Зауралья ведущую форму хозяйства – рыболовство заменила охота. Обряды стали проводить у наскальных изображений [Чернецов, 1968: 21]. На Урале известно свыше 70 писаниц. Различная иконография птиц и копытных зверей, а также фрагменты керамики на жертвенниках у основания скал с рисунками позволяют установить, что мифы наносились древними художниками разных культур – липчинской, аятской, елизаветинской в разное время.

Фигуры на скалах прорисованы **красной** охрой. То-есть, при обряде древних охотников каждый миф должен был предстать как ожившая сцена. Большая часть мифов ждет своей расшифровки. Наиболее понятными оказались тексты следующих мифов.

Мифы о лесных духах.

Внешний вид духов – антропоморфные фигуры с рогами вместо голов. Среди них выделяются персонажи, вероятно, более высокого статуса, выполненные в этой же иконографии. Они отличаются от рядовых духов более высоким ростом и наличием ребер, традицией, идущей с эпохи мезолита. Основной сюжет мифов состоит в просьбах охотников о помощи духов в охоте. В одних случаях духи помогают набросить сеть на копытного или птиц [Широков, Чаиркин, 2011, рис. 63, 20–23], в других заманить добычу в загороди [Там же, рис. 67, 42, 44, 45]. Наиболее информативной представляется сцена, прорисованная на Писаном Камне Северного Зауралья. В отличие от статичности предыдущих сюжетов, здесь в четырех сценах разворачивается действие, основной фигурой которого является предводитель духов.

Эпизод 1. Предводитель духов, стоя у основания горы, слушает просьбу о помощи в загонной охоте [Там же, рис. 41, 73–76]. Эпизод 2. Одинокая фигура предводителя [Там же, рис. 80], очевидно, он размышляет. Эпизод 3. Предводитель дает задание двум духам. Эпизод 4. Охотник показывает четырем духам, где находится стадо копытных [Там же, рис. 41, 46–54].

Заключение

Использование в древних обрядах и мифах знаков цвета позволяет установить их назначение, как одного из важнейших способов выделения идей, лежащих в основе древнего мировидения.

Идея одухотворенности всех объектов и явлений, окружающего мира. Духи трех миров, расположенных по центру вертикали мировой горы, были выделены многоцветным пламенем огня. Для оживления мифические сцены с лесными духами подчеркнуты на скалах **красным** цветом. Духам иного мира для защиты предназначались подвески из красного сланца. Представление о том, что весь окружающий мир населен духом, сохранилось у обских угров до исторической этнографии [Карьялайнен, 1995].

Идея рождения земли и мироустройства на ней по вертикали и горизонтали. На ритуальном сосуде начало текста мифа подчеркнуто включением в тесто сосуда кусочков красной охры. На другом сосуде, озаренном многоцветным пламенем огня, Мировая гора также появилась из лона вод. На ней одухотворены все три мира по вертикали. Столб, воплотивший ее дух, для оживления был погружен в супесь с включением красной охры. Столб-гномон, основание которого окружено кусочками охры, позволяет разграничить землю по горизонтали.

Идея пространственно-временного круговорота. В этой идее цветовой акцент сделан на цикл *возрождения* солнца, весны и человеческой жизни, что подчеркивалось их оживлением в многоцветном пламени огня и богатой палитрой красок даров каменного инвентаря. Условием возрождения социально значимых лиц было перекрытие погребенных слоев красной охры. Для освещения темного мира предназначались пластинки блестящего слюдяного талька.

Идея тотемизма. Наличие у общинников звероподобного первопредка-основателя нравственных устоев и основного помощника было выделено специальным мифом об истории тотема-медведя. Скульптуры тотема были оживлены помещением на площадки с включением охры и дарами пластин разноцветного халцедона. Отметим, что все обряды населения родового общества сопровождались скульптурами тотемов – медведя или лося.

Литература

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Москва: Наука, 1984.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАУ, вып. 23. Екатеринбург: Из-во УрГУ. 1998. С. 63–80.

Викторова В.Д., Сериков Ю.Б. Микролитические комплексы на острове Каменные палатки (Среднее Зауралье) // Тверской археологический сборник. Вып. 10, ч. 1. 2015. С. 325–342.

Викторова В.Д. Вещь и знак в археологии. Екатеринбург: Квадрат. 2017. 272 с.

Викторова В.Д. Семиотическое основание анализа геометрических знаков // Музей. Памятник. Наследие. № 1 (9). 2021. С. 174–185.

Волков П.В. Странная особенность палеолитического инструментария // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3 Парадоксы археологии. Новосибирск. Наука. 2004. С. 47–53.

Елизаренкова Т.Я. Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М. 1989. С. 248–359.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. 2. Изд-во Томского ун-та. Томск. 1995. 283 с.

Клейн Л.С. Археология и этнография.: проблема сопоставлений // Этногенез и археология Текст: сборник статей: в 2 т. / Л.С. Клейн Теоретические исследования. С. 308–352.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. Москва: Наука. 189 с.

Панина С.Н., Пиецонка Х., Хартиц З., Тербергер Т. Жертвенное место с керамикой сатыгинского типа эпохи неолита на усть-вагильском холме (средний Урал, Россия) // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург-Ханты-Мансийск, 2019. С. 118–121.

Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск, Изд-во Томского ун-та. 2003. 178 с.

Праслов Н.Д. Краски в палеолитическом искусстве // Пещерный палеолит Урала. Уфа. 1997. С. 81–84.

Ригведа. Мандалы I–IV. М. Наука 1989. 767 с.

Ригведа. Мандалы V – VIII. М. Наука. 1999. 743 с.

Ригведа. Мандалы IX–X. М. Наука. 1999. 560 с.

Серигов Ю.Б. Краски и цвет в ритуалах древнего населения Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул. 2012. С. 123–142.

Филиппов А.К. Происхождение изобразительного искусства. СПб. 1997. Изд-во СПб ун-та. 103 с.

Филиппов А.К. Пещера Шове и ее место в искусстве верхнего палеолита // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб, 2004. Из-во СПб ун-та. С. 47–52.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. В4-12. М. Наука, 1964. 52 с.

Широков В.Н., Чауркин С.Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург. 2011. 182 с.

Literature

Antonova E.V. Sketches of the Culture of Ancient Agriculturalists of West and Central Asia. Moscow: Nauka Publ., 1984. (In Russian).

Viktorova V.D., Kerner V.F. "Utyuzhniki" from Neolithic and Eneolithic monuments of Trans-Urals // VUU, vol. 23. Ekaterinburg: Iz-vo UrSU Publ., 1998. Pp. 63–80. (In Russian).

Viktorova V.D., Serikov Yu.B. Microlithic Complexes on the Island of Kamennye tents (Middle Trans-Urals) // Tverskoy Archeological Collection. Vyp. 10, ч. 1. 2015. Pp. 325–342. (In Russian).

Viktorova V.D. Thing and Sign in Archeology. Yekaterinburg: Kvadrat Publ., 2017. 272 p. (In Russian).

Viktorova V.D. Semiotic Basis for the Analysis of Geometric Signs // Museum. Monument. Heritage. № 1 (9). 2021. Pp. 174–185. (In Russian).

Volkov P.V. Strange Peculiarities of Palaeolithic Toolkit // Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilisations. Vyp.3 Paradoxes of Archaeology. Novosibirsk. Nauka. 2004. Pp. 47–53. (In Russian).

Elizarenkova T.Ya. Rigveda - the Great Beginning of Indian Literature and Culture // Rigveda. Mandalas I–IV. Moscow. 1989. Pp. 248–359. (In Russian).

Karjalainen K.F. Religion of the Yugra Peoples. T. 2. Izd vo Tomskiy un-ta Publ., Tomsk. 1995. 283 c. (In Russian).

Klein L.S. Archaeology and Ethnography: the Problem of Comparisons // Ethnogenesis and Archaeology Text: Collection of Articles: in 2 vol. / L.S. Klein Theoretical Studies. С. 308–352. (In Russian). (In Russian).

Mellart J. Ancient Civilisations of the Near East. Moscow: Nauka Publ., 189 p.

Panina S.N., Pieczonka H., Hartz Z., Terberger T. Sacrificial Site with ceramics of Satygin Type of the Neolithic on the Ust-Vagil hill (Middle Urals, Russia) // V Northern Archaeological Congress. Theses of Reports. Ekaterinburg-Khanty-Mansiysk, 2019. Pp. 118–121. (In Russian).

Popova S.A. Rites of Passage in the Traditional Culture of Mansi. Tomsk, Izd-vo Tomsk un-ta Publ., 2003. 178 p. (In Russian).

Praslov N.D. Paints in Palaeolithic Art // Cave Palaeolithic of the Urals. Ufa. 1997. Pp. 81–84. (In Russian).

Rigveda.Mandala I–IV. Moscow: Nauka Publ., 1989. 767 p.

Rigveda. Mandalas V – VIII. Moscow: Nauka Publ., 1999. 743 p. (In Russian).

Rigveda. Mandalas IX–X. Moscow: Nauka Publ., 1999. 560 p. (In Russian).

Serikov Yu.B. Paints and Colour in the Rituals of the Ancient Population of the Urals // Worldview of the Population of South Siberia and Central Asia in Historical Retrospect. Barnaul. 2012. Pp. 123–142. (In Russian).

Filippov A.K. Origin of Fine Arts. SPb. 1997. Izd-vo St. Petersburg University Publ., 103 p. (In Russian).

Filippov A.K. Chauvet Cave and its Place in the Art of the Upper Palaeolithic // Fine Art Monuments: style, epoch, compositions. St. Petersburg, 2004. Izvo St. Petersburg State University Publ., Pp. 47–52. (In Russian).

Chernetsov V.N. Rock Images of the Urals // SAI. Vyp. v 4–12. Moscow: Nauka, 1964. 52 p. (In Russian).

Shirokov V.N., Chairkin S.E. Rock Images of the Northern and Middle Urals. Ekaterinburg. 2011. 182 p. (In Russian).

Сведения об авторе:

Викторова Валентина Дометьяновна

старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, кандидат исторических наук. (г. Екатеринбург, Россия).

Bionotes:

Viktorova Valentina Dometyanovna

Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Candidate of History (Yekaterinburg, Russia).

Для цитирования:

Викторова В.Д. Знаки цвета в мифах населения родового общества // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2(6), 2023. С. 93–105.

For citation:

Viktorova V.D. Signs of Colour in the Myths of the Population of Ancestral Society // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2(6), 2023. Pp. 93–105.

УДК 81`27

DOI:

АКТУАЛИЗАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА 'ТВОРЕЦ' В СТРУКТУРЕ МАКРОКОНЦЕПТА 'РОД'

Пименова Марина Владимировна

Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тянь-Шанского
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Вайрах Юлия Викторовна

Иркутский национальный исследовательский технический университет
(г. Иркутск, Россия)

Аннотация

В статье анализируются метафоры, в которых раскрывается образность символического признака 'творец'. Задачи статьи: 1. на основе языкового материала Национального корпуса русского языка представить способы актуализации символического признака 'творец' в структуре макроконцепта *род*; 2. проиллюстрировать символический признак 'творец' материалом Национального корпуса русского языка. Актуальность исследования состоит в том, что макроконцепт *род* отнесен к разряду символических, его символизм прослеживается на уровне мотивирующих признаков его структуры. Научная новизна работы заключается в первом обращении к символическому признаку 'творец' в структуре макроконцепта *род*. Символический образ творца-Рода, воплощающего идею рождения, сотворения сущего на земле. Символический признак 'творец' реализуется в языковых образах рода, родотворца, творца рода, рудотворца, прадеда, праотца, рододелателя, родосодетеля, родоначальника (родуначальника), содеятеля, создателя, первоотца, первопредка, прародителя, родоначальницы, пращур и щура, связанных с мифологемами земли, воды, воздуха и огня. Сакральное значение образа творца возникает из-за табуированности имени бога, которого свято чтит в древности. Обнаружение образных признаков в структуре изучаемого макроконцепта, с помощью которых вербализуется символ творца, позволяет по-новому взглянуть на гендерные аспекты рода.

Ключевые слова: макроконцепт; структура макроконцепта; символические признаки; творец; прадед; прародитель; пращур; первоотец; породитель; праотец; первопредок; род; родотворец; рудотворец; рододелатель; родосодетель; родоначальник (родуначальник); родоначальница; содеятель; создатель; щур; мифологическая основа; образ творца.

ACTUALISATION OF THE SYMBOLIC ATTRIBUTE 'CREATOR' IN THE STRUCTURE OF THE MACRO-CONCEPT 'KIN'

Pimenova Marina Vladimirovna

International Humanitarian University. P.P. Semyonov - Tyan-Shansky
(St. Petersburg, Russia)

Vayrakh Juliya Viktorovna

Abstract

The article analyzes the metaphors that reveal the figurativeness of the symbolic sign 'creator'. Objectives of the article: 1. on the basis of the National Corpus language material of the Russian Language, to present ways of actualizing the symbolic sign 'creator' in the structure of the *genus* macroconcept; 2. to illustrate the symbolic sign 'creator' with the material from the National Corpus of the Russian language. The relevance of the study lies in the fact that the *genus* macroconcept is classified as symbolic, its symbolism can be traced at the level of motivating signs of its structure. The scientific novelty of the work lies in the first reference to the symbolic sign 'creator' in the structure of the *genus* macroconcept. The image of the creator-Genus is symbolic, embodying the idea of birth, the creation of things on earth. The symbolic sign 'creator' is realized in the language images of the genus, ancestor, creator of the genus, ore-maker, great-grandfather, forefather, co-worker, first father, first ancestor, progenitor, shur, associated with mythologems earth, water, air and fire. The sacred meaning of the image of the creator arises from the taboo of the name of God, who was sacredly revered in antiquity. The detection of figurative signs in the structure of the studied macroconcept, with the help of which the symbol of the creator is verbalized, allows us to take a fresh look at the gender aspects of the genus.

Keywords: macroconcept; macroconcept structure; symbolic signs; creator; great-grandfather; progenitor; ancestor; father; parent; forefather; first ancestor; genus; parent; miner; accomplice; squint; mythological basis; the image of the creator.

Введение (Introduction)

Обращение к символам лингвокультуры приводит исследователя к тщательно скрываемым, а потому забытым традициям, одной из которых является культ почитания предков. Для выявления особенностей таких символов помогает метод концептуального анализа. М.М. Бахтин отмечал: «Всякая интерпретация символа сама остается символом, но несколько рационализированным, то есть несколько приближенным к понятию» [Бахтин 1979: 363–364].

В славянской традиции почитания славянских богов, их именованья сохраняется много неясного, скрытого и табуированного, что требует дальнейшей проработки и концептуального анализа. В. В. Иванов и В. Н. Топоров полагают, что в X в. «помимо богов, входивших в пантеон, известны и другие мифологические персонажи, о которых обычно сообщают более поздние источники. Одни из них тесно связаны с семейно-родовым культом (Род) или с сезонными обрядами (Ярила, Купала, Кострома)» [Иванов, Топоров 1980]. Почитание Рода обусловлено представлениями о единстве мира, преемственности поколений, почитании первопредка и основателя родовой ветки на Древе жизни: «Достучаться до мифологических корней, представляющих собою неразложимое единство слова, мысли и действия, стало заветным объектом исследования» [Колесов 2018: 9]. Мифологическая основа представлений о роде многослойна, разнообразна и дихотомична. А.В. Ставицкий считает, что миф в той или иной мере «подпирает», пронизывает, насыщает не только религию, но и науку, составляя их смысловую основу, текстуальную форму и содержательную ткань [Ставицкий 2012б]. За мифами стоит не только традиция, но и опыт веков. Опыт людского выживания. Опыт Высоты, когда человек, не задумываясь, принимает то, что при внимательном рассмотрении его ум должен был бы, как минимум,

поставить под сомнение [Ставицкий 2019]. Самуэль Франц понимает миф как: «вечный праздник ума, торжествующего над косностью сознания, над невозможностью соединения прошлого и будущего с настоящим, над буднями истории, но это и первоистория, восходящая к глубинам Памяти, к пещерному прошлому рода человеческого» [Мифы и легенды народов мира 2007: 5].

Народные предания транслируют миф о появлении бога Рода: разбилось яйцо в тишине, а из золотой скорлупы появился Род, который дал жизнь всему живому. Тело Рода впоследствии стало Вселенной, а мысль – жизнью. Утка и щука символизировали Род и часто появлялись в сказках как спасатели-волшебники. Все, что произошло от Рода, сохранилось в лексике русского языка и по-прежнему имеет концептуальное наполнение: род, роды, зародыш, природа (при роде), народ, родина, порода, родник, борода (богатство рода), рожь (хлеб рода), руда (кровь). В.В. Колесов настаивает на неравноценности значений род в древности и в настоящее время: «Момент, когда понятие род воспринимается как движение во времени (возобновление рода), является важной точкой отсчета в новой славянской культуре» [Колесов 2019: 28]. В русской культуре род – многослойное макроментальное образование, один из символических признаков которого ‘творец’ наполняется концептуальным содержанием языковых вариантов именования того, кто был у истоков рода человеческого: ‘род’, ‘родотворец’, ‘творец рода’, ‘рудотворец’, ‘рододелатель’, ‘родосодетель’, ‘родоначальник’, ‘родоначальница’, ‘родуначальник’, ‘содеятель’, ‘создатель’, ‘прадед’, ‘праотец’, ‘первоотец’, ‘первотец’, ‘первопредок’, ‘породитель’, ‘прародитель’, ‘пращур’ и ‘щур’. Концептуальный анализ «помогает отыскать ключи к текстам, затерянные в веках. Язык – вот настоящая сокровищница, сохранившая эти ключи в виде скрытых символов, аллегорий и образов, запрятанных в стертых метафорах» [Пименова 2018: 24]. Значение символического признака ‘творец’ в религии, теологии, искусстве, истории, лингвокультурологии, концептологии и философии прирастает множественными трактовками и символами. Анализ словарей показал многозначность символического признака ‘творец’ и расширение концептуального значения макроконцепта *rod*.

Методы (Methods)

Для определения символического признака ‘творец’, формирующего структуру макроконцепта *rod*, используется комплекс методов: концептуальный, интерпретативный, дескриптивный. Источником языкового материала послужили работы предшествующих исследователей и Национальный корпус русского языка (НКРЯ). В языке сохранились символические признаки мифологических представлений о творце. Анализ символических признаков макроконцепта *rod* раскрывает концептуальное содержание базовых макроконцептов русской культуры. Термин «макроконцепт» в нашем исследовании понимается как «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [Пименова 2021: 38]. Мифы и символы подвергают трансформации представления о существующих языковых фактах.

Литературный обзор (Literature Review)

В научной литературе выделяются работы, в которых анализируются аспекты символических макроконцептов в разных лингвокультурах. Макроконцепту род был посвящен ряд работ А.Н. Афанасьева [Афанасьев 1855]; В.В. Иванова, В.Н. Топорова [Иванов, Топоров 1980]; М. В. Пименной 2012–2022 гг. [Пименова 2012; 2018; 2021; 2022]; Ю.В. Вайрах 2022–2023 гг. [Вайрах 2022,

2023]; О.Ю. Космачёвой [Космачева 2019]. Научная новизна исследования состоит в характеристике метафоричности и образности символического признака 'творец' в вербальной репрезентации макроконцепта *род*.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Мотив творения мира и всего сущего скрытой сущностью породил множество именовании, а, главное, символичность этих именовании, потому что необходимо было интерпретировать действия Бога. Такие действия проявляются в виде концептуальных признаков Бога, имя которого скрыто из-за смены религии: «у русских (и, шире, у всех славян) первичным был культ почитания предков. Предки назывались обобщённо – *дед и баба*. Их основными функциями были функции богов, такие, которые и сейчас в народном сознании приписываются богу: функции демиурга, функция покровителя, функция дарителя – подателя благ, функция патриарха – советчика (с обязательными внешними атрибутами – седыми волосами и седой бородой, посохом, длиннополой одеждой), функция судьи» [Пименова 2018: 80]. И если «при смене религий старую ... пытаются опорочить» и «старых богов, как и правителей, свергали. Чтобы запятнать их репутацию, придумывали страшные качества, которые придумывали им» [Пименова 2012: 80], то с Родом этого не произошло. Это можно объяснить, что семья – предки: родители и их родители – так и осталась величайшей ценностью для человека.

О происхождении бога Рода существуют различные мифологические теории. Считается, что бог Род был одним из славянских почитаемых божеств: *Они (славяны и анты) считают, что один только бог творец молний является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают...* [Кесарийский 1950: 297]. Б.А. Рыбаков говорил о боге Роде как предшественнике Перуна: «Под "творцом молний" можно подразумевать и древнего Рода ("родия" – молния), и пришедшего ему на смену Перуна...»; по мнению ученого, «так могло произойти отщепление образа бога грозы как символа войны и сопровождающих ее пожаров от давнего земледельческого божества Рода, повелителя мира, вдувающего дух жизни во все живое. Однако это отщепление не было повсеместным» [Рыбаков 1984: 34]. Б.А. Рыбаков считал бога Рода равным польскому богу Святовиту. Во имя бога Рода возводили храмы Рода: внутри – храм Макоши, снаружи – храм Рода, под землей – храм Мары. [Рыбаков 1984: 34]. Культ Рода был повсеместен, а в «Слове Исаяи пророка» Род приравнивается к Ваалу, «шествующему по небесам». Ваал считается богом, который умирает и воскресает в разные времена года. Ваала поразил бог смерти Мот, и так на земле прекратилась жизнь. Благодаря женщине-богине Анат Ваал воскресает и поражает Мота. Упоминание Рода есть и в Житии и мучении святого Трифона по списку до Макарьевской Минеи XV века: «*Артеми, юже нарицають Родъ*» [Срезневский 1903: 138]. Род близок индоарийскому Рудре, богу неба и громов (слова: «рудх», «рудхира» в переводе означает: «быть красным, кровавым»). Слово «род» связано со словами: «руда» (кровь), «рудомет», «рдяный», «рудотворец», «жила» и др.

В «Полном словаре церковнославянского языка» приводится точка зрения И.П. Котляревского о близости греческих вариантов слов 'род' и 'родство' в значении «геенна», с которой составитель словаря Г.М. Дьяченко не соглашается и приводит следующее доказательное рассуждение: «переводчики хорошо понимали

различие означенных слов – это доказывается тем, что в геенне они усматривали не просто род, но род огненный родство огненное или огонь родный, родственный. По древнеязыческим представлениям, жизнь по смерти была жизнью в среде усопших праотцев» [Дьяченко 2004: 552]. Г.М. Дьяченко убежден, что переводчики стали использовать вместо слова «геенна» для обозначения места для грешников словосочетание «огненный род», а для определения «царства блаженных» термин «по рода» (страна дедов), но постепенно слово *порода* вытеснилось словом *рай* [Там же]. До настоящего времени сохранилось слово *порода* в значении «исключительный человек», обладающий таким набором качеств, которыми не обладают другие люди: *Он из последних могикиан, из породы людей, какими были Сол Юрок, Сэмюэль Ниффельд, возивший впервые Володю в Америку.* (Сати Спивакова. Не всё. 2002); *Яркие эскизные наброски, запоминающиеся портреты людей этой редкой, но все еще исчезающей породы явлены нам, пожалуй, во всех фильмах цикла.* (Второе пришествие Рюрика // «Культура», 2002.04.01); *Павла за меня поцелуй крепко-крепко, скажи, пусть держится. Он из хорошей породы – шлыковский. Скажи, пусть помнит: Шлыковы – люди железные, их об дорожку не расшибешь.* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001); *В жизни мне пришлось встретиться с двумя или тремя этой изумительной породы – Батон запомнился просто потому, что был первый, кому так наглядно везло за «никакие» заслуги, – и меня всегда поражала окрылявшая их милость судьбы. Глебов относился к особой породе богатырей: готов был топтаться на распутье до последней возможности, до той конечной секундошки, когда падают замертво от изнеможения.* (Юрий Трифонов. Дом на набережной, 1976); *Да, то была порода людей с принципами, с убеждениями и не мудрено, что когда-то их выжигали калёным железом.* (Владимир Михайлов-Лидский. Наследство // «Менестрель», 2015); *Ты думаешь, я не знаю вашу славянскую породу?* (С. И. Трунев. Конформизм и нонселекция // «Волга», 2015); *Они принадлежат к одной человеческой породе трудоголиков, которым все нипочем, пока есть голова на плечах.* (Ольга Андреева. Стланная стлана // «Русский репортер», 2014). В приведенных примерах *порода* употребляется в значении «человек с несгибаемой волей, железным характером». В языковом материале есть и примеры иронического оттенка значения в слове ‘порода’: *Знатней бога-то, что ли?.. Аль родом-породой выше его?.. Нет, братцы, сам я не княжой, не дворянской крови, сам из мужиков...* (П.И. Мельников-Печерский. В лесах. 1871-1874); *Чалов – из породы руководителей типа «хозяин всего».* (Владимир Емельяненко. Хозяин – барин // «Русский репортер», 2014); *Раз поддашься, два, и привыкнешь, а он тебя за холуя станет держать. Знаю я эту породу начальничков-командиров. Всегда будет тебе тыкать, а у тебя никогда язык не повернется, чтобы «ты» ему сказать.* (Роман Амосов. Второй ход // «Ковчег», 2013); *И он, и Вера Лазаревна были другой породы – из «умеющих жить».* Ну что ж, не так плохо породниться с людьми другой породы. (Юрий Трифонов. Обмен, 1969); *Он был рядом с ними, но не совсем, что ли, из их породы...* (Андрей Дударев. Юрий Нагибин: компромисс или терпимость? // «Сибирские огни», 2012); *Я обрадовалась было удаче – тонкой, содержательной беседе, но в подсобку вошла женищина породы «управдом» с неразборчивым верещаловым на губах, и рабочие поскуучнели, ссутулились и громко, на грани чавканья, зажевали.* (Евгения Долгинова. Временно мертвые // «Русская жизнь», 2012). Оценочность выражается посредством аксиологичности как «способности воспроизводить, моделировать, корректировать и создавать ценности

/ антиценности языковой картины мира автора / адресата текста» [Марьянчик 2013: 248]. Аксиологическая динамика изменения оценочного компонента в концептуальном аспекте слова *порода* возникла со сменой религии.

В работе Н.М. Гальковского «О вдуновении духа в человека» говорится: *«Вдуновение бессмертное нестареющее един вдыхает вседръжителъ, иже един безсмертен и непогибающих творец. Дуну бо ему [человеку] на лице дух жизни и бысть человек в душу живу. То ти не Род, сея на воздухе мечеть на землю груды и в том рожаются дети [Гальковский 1842: 97–98].*

Наименование творца «рододѣлатель» относится к таким именованиям: «творец, создатель всех вещей в мире» [Дьяченко 2004: 551]. Из этого ряда номинаций творца можно особо выделить наименование творца «родосодетель»: это действие он осуществляет не один, он – содеятель с кем-то или чем-то: *родосодѣтель* «творец, создатель». *От доброты бо своих здании подобнь родосодѣтель зрится.* (И. Дамаскин, 376). Символический признак ‘творец’ актуализирует значение ‘род’, ‘родотворец’ – творец, ‘творец рода’: *Христос словом воскресил Лазаря из мертвых (См.: Ин. 11, 43) – значит, Он – Творец Лазаря, Творец рода человеческого.* (Иоанн Кронштадтский. Дневники, 1908)

Миф отражает отношение к материальному миру, превращает в знаки существующие смыслы божественного в языковой картине мира. Символический признак ‘творец’ актуализирует образ «рудомета» в номинации *рудотворец*: *В мире все могло бы стать иначе, может, обеднял бы тыщу раз, если бы однажды был утрачен рудотворец, а не богомаз.* (Стихи Генриха Рогозина).

Согласимся с С.М. Соловьевым, который считал, что «единство рода, связь племен поддерживались единым родоначальником, эти родоначальники носили разные названия – старцев, жупанов, владык, князей и проч.; последнее название, как видно, было особенно в употреблении у славян русских и по словопроизводству имеет значение родовое, означает старшего в роде, родоначальника, отца семейства» [Соловьев 1959-1966: 96]. В «Полном словаре церковнославянского языка» слово *родоначальникъ* трактуется как: «прародитель, первый человек» [Дьяченко 2004: 551]. Значение «начало роду дающий» реализуется в контекстах XV – XVI вв., например: *Таже умножившимся челоукомъ, и врагу до конца соодолгъвшу, и челоукомъ повинувшимъся врагомъ во всемъ и вся его злая дѣла восприимъшимъ, и Богъ больма раздражися на гнѣвъ и потопомъ вся челоуки на земли потреби, единаго Ноя праведника обрет по заповѣдемъ его ходяща, сего сохранивъ родоначалника вселенней.* (Иван Грозный. Послание Александру Полубенскому, 1577); *Первозданный члкъ родоначалникъ Адамъ.* (Ж. Стеф. Перм. Епиф., 23. XV-XVI вв. ~ XV в.); *Аще не Богъ созда челоука перваго родоначальника, якоже Книга Бытия являетъ въ законъ, да скажетъ намъ иже самобытное мудрствующий, что животнымъ родовомъ первобытное, откуда же или какъ бысть челоукъ.* (Зин. Отен. Истины показ., 53. XVII в. ~ XVI в.); *Богъ же... милуя родъ человеческий, Адаму родоначальника правде Спаса воздвиже.* (Ив. Гр. Поел., 198. XIX в. ~2 XVII в. ~ 1577 г.) В языковом материале встречается вариантная форма *родуначальник*: *Таче избра втораго родуначалника.* (Климент. Смолят., 175. XV в. ~ XII вв.)

Гендерная дифференциация символического признака ‘творец’ актуализируется через вариант ‘родоначальница’, который появляется в языковой картине мира неслучайно. В мировоззрении древних славян укоренилась табуированная форма имени Великой богини матери «Мать – сыра земля», образно

описывающая праматерь рода, его родоначальницу. Земля как черное, рождающее начало всего сущего, мать-кормилица, плодородная земля, земля, на которой живет род (родная земля). Существует много обрядов и обычаев, связанных с почитанием земли как охранительницы рода, берегини (обычай именованья сына по имени деда, брать горсть родной земли, земле поклониться и многие другие). В.П. Большаков утверждает, что «восточнославянскому язычеству свойственно, во-первых, сосуществование ранних аниматических верований в то, что все в природе, от огня до камня, является живым, с анимическими представлениями об одушевленности всех природных явлений и способности сверхестественных сил к различным метаморфозам, с абсолютизацией их через выделение группы богов, обладающих положительными качествами» [Большаков 2002: 43]. Родоначальницей именуется Дева Мария – Богоматерь: *Ты еси духовная родоначальница наша, ты по христу спсители нашего первая виновница просвещения и спасения рода нашего.* (Молитвы, читаемые на молебнах. Молитвы святым ангелам и святым угодниками Божиим общие и в календарном порядке с июня по август с приложениями и алфавитным указателем к книге, 1915). В религиозных представлениях народа выстраивается система материнского начала: «в кругу небесных сил – Богородица, в кругу природного мира – земля, в родовой социальной жизни – кровная мать человека» [Федотов 1991: 81]. В русской культуре издавна преклонялись перед материнством как чудом творения новой жизни.

В словаре С.А. Кузнецова слово *создатель* трактуется как «тот, кто создал что-либо, творец. в христианстве: одно из имен Бога [Кузнецов 2001: 1230]. Номинация 'создатель' реализуется в контекстах: *Чесо же от нас требуеши, создателю рода человеческого?* (Гавриил Бужинский). Слово благодарственное богу триипостасному о полученной победе над Каролом королем шведским и войски его под Полтавою, 1720); *Создатель всех звезд, луны и светлаго Феба, Строитель всемогнейший пространного неба.* (Димитрий Ростовский. Рождественская драма. Комедия на рождество Христово, 1702); *Тъм же персть на устѣхъ своихъ полагаю, въ бездну смиреномудрия себе снося, еже и по уверзению виновно, ожидающе свыше божественное утѣшение, иже над нами солнцу Создатель рече: «Егда поражу, паки исцѣлю», яко «не до конца прогнѣвается, ни вовѣки враждуетъ»* человеколюбивый нашъ Господь Богъ. (Плач о пленении и конечном разорении Московского государства (1612.06-1612.11); *Ни, окаянная, ни, не нещюй се отнудь. Но въедино сзидаетъ Создатель и обгъ. Ни бо тгъло прежде душа, ни же душа прежде тгъла сзидася или бысть, якоже мнози мнят, но обгъ въедино, кромгъ первозданого не пребываетъ единого другаго, якоже ргъх.* (Из Диоптры Филиппа Пустынника. Разговор души и плоти, XIV в.)

В XVIII – XX вв. встречается номинация творца *содятель*: *Видимого и невидимого содеятелю, сотворивый небо и землю, и море, и вся яже в них собравый в собрание единого... заключивый бездну и запечатствовавый ю страшным и славным именем твоим.* (А.П. Чапыгин. Гулящие люди, 1937) *Тебе, яко содеятелю всех благ, отношу все бытие мое и да сподоблюсь, со смирением неключимого раба о всяком мимошедшем дне жизни моей рассуждая всегда безропотно, возноситься к тебе духом и устнами со пророком возглашать ныне и до последнего издыхания: Благословен Господь Бог, благоволивый тако, слава тебе!* (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей

жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни, 1788–1822).

«Правопреемником» бога Рода в православии становится одна из ипостасей Троицы – Бог-отец: *Бог милостив, предстоят муки, их, может быть, много будет, но все проходит. Один Отец Бог опекает нас сейчас.* (Б.Ф. Нижинская. Дневник, 1921). На это указывает эпитет отца в молитве «Отче наш» и других контекстах: *Всеволод, меньший сын Ярославль, как более для его почтения и покорности отцем любим был, более всех завет отцов сохранил, справедливость, любовь к братии и кротость изъявил, так его бог пред всею братиею благословил, что его род, на престоле утвердяся, более 500 лет Россиею владел, и еще оставшие от того рода днесь скромно и кротко в посредстве содержатся и нигде в замешаниях и злых предприятиях не показались, разве за государей и отечество с честью пострадали* (В.Н. Татищев. История российская в семитоме). Патерналистский характер христианства выражается в именах: ‘Бог-отец’, ‘Отче наш’, ‘батюшка’, ‘Отец Бог’, ‘вседержитель’, ‘творец’ и других.

А.Н. Веселовский в исследовании «Судьба-доля в народных представлениях славян» относил культ Рода и рожаниц к культу предков славян [Веселовский 1890: 180]. Можно объединить синонимичные номинации творца: ‘первоотец’, ‘праотец’, ‘первопредок’, так как в них содержится обязательная отсылка к первопредку, к началу рода: *И он прилепился к ней на всю жизнь, как прилепился праотец наш Иаков к своей Рахили.* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок, 1975-1977); *Так что и чиновникам этих структур следует не забывать древний афоризм: «Помни праотцов – заповедного не тронь».* (Вениамин Готванский. Сквозь призму Восточных форумов // «Дальний Восток», 2019); *Вверху мы видим Царей Давида и Соломона, а ниже 10 праотцев и пророков: Исайя, Михей, Моисей, Иезекииль, Геденон, Аарон, Даниил, Иеремия, Захария и Иаков.* (В. П. Скрипкина. Иконография древа Иессеева. Особенности композиции // «Актуальные вопросы современной науки», 2018).

Номинация ‘прародитель’ в языке представлена вариантами контекста: *Исследования текста Торы уже давно показали, что в иудаизме все время шла подспудная борьба между священниками Храма, пытавшимися «поднять» роль Аарона, прародителя левитов, в ущерб авторитету и значению Моисея.* (Рафаил Нудельман. Тайны вечных книг: ученые исследуют Коран // «Знание – сила», 2003); *Именно Эдвард Дженнер избавил человечество от страшной напасти и стал прародителем новой науки, которую впоследствии назвали иммунологией – одной из важнейших медицинских наук, последователи которой получили за свои открытия едва ли не больше всего Нобелевских премий.* (Как родилась иммунология // «Знание – сила», 2003); *Вот старинная Москва и остаток древнего обряда прародителей!* (К.Н. Батюшков. Прогулка по Москве, 1811–1812).

С.М. Соловьев считает, что «в значении рода божества-покровителя являются щур, дед, прадед, что ясно из употребительного **пращур**; щур предполагает форму чур, под которым именем собственно и известно божество, охраняющее род, дом. Это божество призывается и теперь бессознательно в опасностях, особенно когда простолюдин думает, что он подвержен злобе духов: «Чур меня! Чур меня!» говорит он тогда. Можно положить, что чур и род одно и то же; можно думать также, что с упадком родового быта и с усилением христианства чур, или род, перешел в домового» [Соловьев 1959–1966: 112]. Слово **пращур** встречается в современных контекстах: *Поэтому желательно изучать материал*

«не вдоль, а поперек» – не об одной семье от пращуров к правнукам, а о многих семьях, имеющих схожее происхождение. (Иосиф Гольдфаин. Москва – инкубатор талантов // «Знание – сила», 2012); Таким образом, завоевание царем Иоанном Васильевичем Грозным Казанского и Астраханского царств, явилось не только геополитической задачей, но и семейной – возврат наследия Чингисхана, с которым Грозный через супругу своего пращура имел кровное родство. (Д.Н. Каралис. Дневник, 2006).

А.Н. Афанасьев рассказывает о мифическом Чуре: «В санскрите *çur* означает: жечь; слову этому в русском языке соответствует: курить (звуки ч и к в славянских наречиях взаимно сменяются: чадить и кадить, почить и покой, и т. п.). Чур – это одно из древнейших названий, какое давалось домовому пенату, т. е. пылающему на очаге огню, охранителю родового достояния. ...Белорусы до сих пор рассказывают, что у каждого хозяина есть свой Чур – бог, оберегающий границы его поземельных владений; на межах своих участков они насыпают земляные бугры, огораживая их частоколом, и такого бугра никто не посмеет разрыть из опасения разгневать божество» [Афанасьев 1995: 32]. В наименовании *щур* заключен всеобъемлющий смысл: все предки рода, находящиеся в единении с окружающей их природной средой, олицетворяли мудрость рода, его обрядовость, ритуальность и сакральность: *В лесу жил зелёный, остроголовый леший, великий озорник, в полях – дед-полевик, во дворе – домовый, дух предков, дух рода, щур, пращур.* (И.Ф. Наживин. Глаголют стяги, 1935); *Его звали родом, щуром* (отсюда наше слово пращур) и приносили ему жертвы. (С.Ф. Платонов. Полный курс лекций по русской истории, 1898–1899); *Даже у нас осталось поклонение предку, охранителю семейного угла, дышавшему, заплетающему гриву излюбленной лошади, и когда что-либо является страшное, мы говорим, чур меня! то есть щур – пращур меня* (защити). (А.А. Фет. Письма Л.Н. Толстому, 1880).

Репрезентативной в языковом материале о творце оказалась номинация *прадед*. Предполагаем, что эта номинация является табуированным именем бога Рода. В.Л. Комарович приравнивает культ Рода к культу поклонения предкам, считая, что, «культу Рода в древнерусском быту приписывался до сих пор сугубо частный, семейный только характер» [Комарович 1960: 88]. *И поможе Бог Михалку и брату его Всеволоду, отца и деда его молитва и прадеда его* (Ист. Росс. Соловьева, III, 145); *У Катерины было не умозрительное представление о долге, а родовое, от прадедов досталось, потомственных священников.* (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны, 1988–1989); *Когда-то отец мой пытался рассказать мне про его деда, моего прадеда, и про какого-то чудака дядьку, но мне было некогда.* (Даниил Гранин. Зубр, 1987). К творцу древние славяне обращались, скорее, как к старшему по роду, так как почитание богов, уважительное отношение к отцу, деду, прадеду стало основой согласия семьи. Следование культу предков было священной традицией, которую не нарушали.

Заключение (Conclusions)

Символизация макроконцепта *род* актуализируется в языковых структурах, а отражение символического признака ‘творец’ в материале Национального корпуса русского языка говорит о его устойчивости в сознании носителей языка, глубинности взаимодействия языковых структур, множественности процессов энантиосемии внутри построения смысловой системы макроконцепта, подкрепленной смежными символическими признаками. Древнейший макроконцепт *род* вскрывает лакуны лингвокультурного мироосознания предков,

показывая взаимосвязь разных единиц, проявляющих этот символ. Многослойная система вербализации символического признака 'творец' (*род, родотворец, рудотворец, прадед* и др.) в структуре макроконцепта *род* подтверждает табуированность использования формы 'род' и необходимости использовать другие имена для творца. Если культ Великой Богини матери проявляет матриархальность сознания, то культ Рода воссоздает образ близких и далеких предков – родителей, дедов, пращуров.

Литература

Афанасьев А.Н. О значении Рода и рожаниц. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Москва, 1855. Кн. 2. Ч. 1. С. 132–134.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Москва: Современный писатель, 1995. 800 с. 25 см. (Славянский мир: СМ).

Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. С. 363–364.

Большой академический словарь русского языка. Москва: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2004. 734 с.

Большаков В.П., Володина Т.В., Выжлецова Н.Е. Своеобразие русской культуры в ее историческом развитии / Под ред. В. П. Большакова. Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. 192 с.

Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: Т. 1–2 / Н. М. Гальковский. репр. изд. Москва: Индрик, 2000. 376 с.

Вайрах Ю.В. Сопоставительный анализ мотивирующих признаков макроконцептов Род и Макошь // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 6(94). С. 686–695.

Вайрах Ю.В. Образно-метафорический слой макроконцепта род (на материале паремий тематической группы род – племя) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 6 (94). С. 678–685.

Вайрах Ю.В. Алатырь как признак символического макроконцепта род // Актуальные проблемы формирования духовных ценностей в контексте диалога культур и языков: мат-лы межд. науч.-практ. конф. Уральск: ЗКУ, 2023. С.95–100.

Веселовский А.Н. Разыскания в области духовного стиха. Раздел XIII. Судьба-доля в народных представлениях славян // Сборник Отделения русского языка и словесности. Санкт-Петербург, 1890. Т. 46. № 6. С. 172–264.

Гультяева О.Н. Символ «кровь» в поэтической системе Сургутского автора Петра Суханова // Культура как вид человеческого бытия и познания: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию д-ра филос. наук, профессора Полищука Виктора Ивановича, Ишим, 06 июля 2015 года. Ишим: Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, 2015. С. 277–287.

Дьяченко Г.М. Полный церковнославянский словарь: (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений): [ок. 30 000 слов]: пособие / сост. свящ. Григорий Дьяченко. [Репр. воспр. изд. 1900 г.]. Москва: Отчий дом, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). 1120 с.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Род. Мифы народов мира, гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Сов. энциклопедия, 1980.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология. Мифы народов мира, гл. ред. С. А. Токарев. Москва: Сов. энциклопедия, 1980. С. 929–934.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Мокошь. Мифы народов мира, гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Сов. энциклопедия, 1980. С. 683–684.

Кесарийский Прокотий Война с готами / Прокопий из Кесарии; Пер. с греч. С.П. Кондратьева; Вступ. статья З. В. Удальцовой. [«Прокопий Кесарийский и его «История войны с готами»]; Акад. наук СССР. Ин-т истории. Москва: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. 516 с.

Киямова Р.А. Термины родства по крови и их представленность в татарской паремии // Русский язык в условиях би- и полилингвизма: Сборник научных трудов, Чебоксары, 10 декабря 2019 года. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2019. С. 163–166.

Колесов В.В. Концепты «Природа», «Родина», «Народ» в русском языковом сознании. Политическая лингвистика. 2019. № 2. С. 12–23.

Колесов В.В. Восхождение к сущности: о монографии М.В. Пименовой, посвященной исследованию русских сказок // Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки: монография. Москва: ИНФРА-М, 2018. С. 3–9. (Научная мысль).

Комарович В.Л. Культ Рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. ТОДРЛ. Ленинград, 1960, т. XVI, С. 84–104.

Космачёва О.Ю. Репрезентация смыслового элемента 'род' в русской лингвокультуре. Гуманитарные исследования. 2019. № 2. С. 31–37.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2001. 1536 с.

Маллалиев Г.Н. Особенности функционирования лексемы «кровь» в поэзии М.Цветаевой // Роль будущего учителя в процессах глобализации и интеграции образовании, науки, укреплении государственности и международных отношений: Материалы III Международной молодежной научной конференции, Махачкала, 15 апреля 2010 года. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2010. С. 222–224.

Марьянчик В.А. Аксиологическая функция неологизмов медиаполитического дискурса (на материале газетных публикаций начала XXI века): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Марьянчик Виктория Анатольевна. Архангельск, 2005. 18 с.

Михалищева С.С. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика итал. *sangue* «кровь» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, № 1. С. 44–53.

Некипелова И.М. Символ кровь в средневековых текстах публицистического и эпистолярного жанров XIV–XVI в.в // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: Труды и материалы в 2 томах, Казань, 11–13 декабря 2003 года / Под общей редакцией К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Том 2. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2003. С. 89–91.

Пименова М.В. Библия как источник метафор сердца в русской языковой картине мире // Язык. Текст. Дискурс. 2008. № 6. С. 99–108.

Пименова М.В. Русская сказка: учебное пособие. Киев: Издательский дом Д.С. Бураго, 2012. 68 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 8).

Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки. Москва: Инфра-М, 2019. 355 с. (Научная мысль).

Пименова М.В. Особенности структуры символического макроконцепта РОД // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия Филологическая. 2021. № 2. С. 37–44.

Пименова М.В. Символический макроконцепт «род» в русской лингвокультуре. Общество, язык и культура XXI века: XXXVIII Междунар. науч. онлайн-конф. (Санкт-Петербург-Бишкек, 29-30 апреля 2021 г.). Санкт-Петербург: Ин-т иностранных языков; Бишкек: Манас, 2021. С. 37–46.

Пименова М.В. Мифы России: пернатые образы богов и богинь (Перун-Род и Перыня-Макошь) // Мифологос. 2022. № 3. С. 24–32.

Пименова М.В. Символические концепты русской лингвокультуры: Перун-Род и Перыня-Макошь // Вестник Ошского государственного университета. 2021. Т. 4, № 4. С. 205–214.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. Москва: Наука, 1981. 608 с.

Савчук В.В. Символ крови // Кровь и культура. Издание третье, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Академия Исследования Культуры», 2020. С. 48–73.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Прогресс, 1993. 656 с.

Ставицкий А.В. Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012б. 192 с.

Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / [Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.]; Славян. ин-т акад. наук Чеш. Респ., Ин-т славяноведения и балканистики Рос. акад. наук; Под ред. Р.М. Цейтлин и др. 2. изд., стер. Москва: Рус. яз., 1999. 842 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15 кн. / [Отв. ред. и авт. вступ. статьи, С. 5–51, д-р ист. наук Л.В. Черепнин]; [Акад. наук СССР. Ин-т истории]. Москва: Соцэкгиз, 1959-1966. 15 т.; 23 см; 23 см. Кн. 1, (т. 1-2) / [Коммент. канд. ист. наук В.Т. Пашуто]. 1959. 811 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. Вып. 1. Р-СТЕП. Санкт-Петербург, 1903. 996 с.

Мифы и легенды народов мира. Библейские истории. Москва: Мир книги, Литература, 2007. 464 с.

Федотов Г.П. Мать-Земля // Г.П. Федотов. Судьба, и грехи России. В 2-х т. Санкт-Петербург, 1991. 198 с

Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. Москва: ТЕРРА-Кн. клуб, 2008.

References

Afanasiev A.N. On the Meaning of the Family and Women in Childbirth. Archive of Historical-legal Information Relating to Russia. Moscow, 1855, Pp. 132–134. (In Russian).

Afanasiev A.N. Poetic Views of the Slavs on Nature: the Experience of a Comparative Study of Slavic Legends and Beliefs in Connection with the Mythical Tales

of Other Kindred Peoples: in 3 Volumes / A. N. Afanasyev. Moscow: Modern writer Publ., 1995. 800 p. 25 cm (Slavic world: SM). (In Russian).

The Struggle of Christianity with the Remnants of Paganism in Ancient Rus: T. 1-2 / N.M. Galkovsky. repr. ed. Moscow: Indrik Publ., 2000. 376 p. (In Russian).

Bakhtin M.M. To the Methodology of the Humanities // Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Art Publ., 1979. Pp. 363–364. (In Russian).

Big Academic Dictionary of the Russian Language / Ros. acad. Sciences, Institute of Linguistics. research; [ed.: L.I. Balakhonova]. Moscow: Science Publ.; St. Petersburg: Science Publ., 2004. 734 p. (In Russian).

Bolshakov V.P., Volodina T.V., Vyzhletsova N.E. The Originality of Russian Culture in its Historical development / Ed. V.P. Bolshakov. Veliky Novgorod, Novgorod State University im. Yaroslav the Wise, 2002. 192 p. (In Russian).

Vayrakh Yu.V. Comparative Analysis of Motivating Features of Macroconcepts Rod and Makosh // Bulletin of the Kemerovo State University, 2022. T. 24, No. 6 (94). Pp. 686–695. (In Russian).

Vayrakh Yu.V. The Figurative and Metaphorical Layer of the Macroconcept Genus (On the Material of Proverbs of the Thematic Group Genus-tribe) // Bulletin of the Kemerovo State University. 2022. T. 24, No. 6 (94). Pp. 678–685. (In Russian).

Vayrakh Yu.V. Alatyry as a Sign of the Symbolic Macroconcept Genus // Actual Problems of the Formation of Spiritual Values in the Context of the Dialogue of Cultures and Languages: Materials of Int. Scientific-practical. conf. Uralsk: ZKU, 2023, Pp. 95–100. (In Russian).

Veselovsky A.N. Research in the Field of Spiritual Verse. Section XIII. Fate-share in the Folk Ideas of the Slavs // Collection of the Department of the Russian Language and Literature. St. Petersburg, 1890. V. 46. No. 6. Pp. 172–264. (In Russian).

Gulyaeva O.N. The Symbol «Blood» in the Poetic System of the Surgut Author Pyotr Sukhanov // Culture as a Kind of Human Existence and Knowledge: a Collection of Materials of the All-Russian Scientific Conference With International Participation, Dedicated to the 70th Anniversary of Dr. Sciences, Professor Viktor Ivanovich Polishchuk, Ishim, July 06, 2015 / Scientific editor V. I. Polishchuk, Executive Editor L.A. Ogorodnikov. Ishim: Ishim Pedagogical Institute. P.P. Ershova, 2015, Pp. 277–287. (In Russian).

Dyachenko G.M. Complete Church Slavonic Dictionary: (With the Introduction of the Most Important Old Russian Words and Expressions Into It): [Approx. 30,000 Words]: Manual / Comp. Priest Grigory Dyachenko. [Repr. play ed. 1900]. Moscow: Father's house, 2004 (OAO Mozhaisk polygraph comb.). 1120 p. (In Russian)

Ivanov V.V., Toporov V.N. Rod. Myths of the Peoples of the World, ch. ed. S. A. Tokarev. Moscow: Sov. Encyclopedia Publ., 1980. (In Russian).

Ivanov V.V., Toporov V.N. Mokosh. Myths of the Peoples of the World, ch. ed. S. A. Tokarev. Moscow: Sov. Encyclopedia Publ., 1980, Pp. 683–684. (In Russian).

Ivanov V. V., Toporov V.N. Slavic mythology. Myths of the peoples of the world, ch. ed. S. A. Tokarev. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1980, Pp. 929–934. (In Russian).

Procopius of Caesarea War with the Goths / Procopius of Caesarea; Per. from Greek S.P. Kondratiev; Intro. article by Z.V. Udaltsova. [«Procopius of Caesarea and his» History of the War with the Goths]; Acad. sciences of the USSR. Institute of History. Moscow: Ed. and 2nd type. Publishing House Acad. Sciences of the USSR, 1950. 516 p. (In Russian).

Kiyamova R.A. Terms of Blood Kinship and Their Representation in the Tatar Proverb // Russian Language in the Context of bi- and Polylingualism: Collection of scientific papers, Cheboksary, December 10, 2019 / Responsible editor Z.N. Yakushkina. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University AND I. Yakovleva Publ., 2019. Pp. 163–166. (In Russian).

Kolesov V.V. Concepts «Nature», «Motherland», «People» in the Russian Language Consciousness. Political linguistics. 2019. No. 2. Pp. 12–23. (In Russian).

Kolesov V.V. Ascent to essence: about the Monograph by M.V. Pimenova Dedicated to the Study of Russian Fairy Tales // Pimenova M.V. Ethnohermeneutics of the Russian Fairy Tale: Monograph. Moscow: INFRA-M Publ., 2018. 355 p. Pp. 3–9. (Scientific thought). (In Russian).

Komarovich V.L. The Cult of the Family and the Land in the Princely Environment of the XI-XIII Centuries. TODRL. L., 1960, vol. XVI, Pp. 84–104. (In Russian)

Kosmacheva O.Yu. Representatio n of the Semantic Element ‘Genus’ in Russian Linguistic Culture. Humanitarian research. 2019. No. 2. Pp. 31–37. (In Russian).

Kuznetsov S.A. Big Explanatory Dictionary of the Russian Language / ch. ed. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint Publ, 2001. 1536 p. (In Russian).

Mallaliev G.N. Features of the Functioning of the Lexeme "Blood" in the Poetry of M. Tsvetaeva // The Role of the Future Teacher in the Processes of Globalization and Integration of Education, Science, Strengthening Statehood and International Relations: Materials of the III International Youth Scientific Conference, Makhachkala, April 15, 2010. – Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University Publ., 2010, Pp. 222–224. (In Russian).

Maryanchik V.A. Axiological Function of Neologisms of Media Political Discourse (on the Basis of Newspaper Publications at the Beginning of the 21st Century): Author. dis. ... doc. philol. Sciences: 10.02.01 / Maryanchik Victoria Anatolyevna. Arkhangelsk Publ., 2005. 18 p. (In Russian)

Mikhailishcheva S.S. Associative-derivative and Phraseological Semantics of Italian. Sanguis «Blood» // Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology. 2018, T. 10, No. 1, Pp. 44–53. (In Russian).

Nekipelova I.M. The Symbol of Blood in Medieval Texts of Journalistic and Epistolary Genres of the XIV-XVI Centuries // II International Baudouin Readings: Kazan Linguistic School: Traditions and Modernity: Proceedings and Materials in 2 Volumes, Kazan, December 11-13, 2003 / Under the general editorship of K. R. Galiullin, G. A. Nikolaev. Volume 2. Kazan: Kazan State University. V.I. Ulyanov-Lenin Publ., 2003, Pp. 89–91. (In Russian).

Pimenova M.V. The Bible as a Source of Metaphors of the Heart in the Russian Language Picture of the World // Language. Text. Discourse. 2008. No. 6. Pp. 99–108. (In Russian).

Pimenova M.V. Russian Fairy Tale: Textbook. Kiev. 2012. 68 p. (In Russian).

Pimenova M.V. Ethnohermeneutics of the Russian Fairy Tale]. Moscow: Infra-M Publ, 2019. 355 p. (In Russian)

Pimenova M.V. Features of the Structure of the Symbolic Macroconcept ROD. Bulletin of the Kokshetau University. Sh. Ualikhanov. Philological series. 2021. No. 2. Pp. 37–44. (In Russian).

Pimenova M.V. The Symbolic Macroconcept «Kind» in Russian Linguistic Culture. Society, Language and Culture of the XXI Century: XXXVIII Intern. Scientific

Online Conf. (St. Petersburg-Bishkek, April 29-30, 2021) St. Petersburg: Institute of Foreign Languages; Bishkek: Manas Publ., 2021, Pp. 37–46. (In Russian).

Pimenova M.V. Myths of Russia: Feathered Images of Gods and Goddesses (Perun-Rod and Perynya-Makosh). In: Mythologos. 2022. No. 3, Pp. 24–32. (In Russian).

Pimenova M.V. Symbolic Concepts of Russian Linguistic Culture: Perun-Rod and Perynya-Makosh // Bulletin of the Osh State University. 2021. V. 4, No. 4. Pp. 205–214. (In Russian).

Rybakov B. A. Paganism of the Ancient Slavs. Moscow: Nauka Publ., 1981. 608 p. (In Russian).

Savchuk V.V. Symbol of Blood // Blood and Culture. Third Edition, Revised and Enlarged. St. Petersburg: Limited Liability Company «Academy of Cultural Research» Publ., 2020. Pp. 48–73. (In Russian).

Sapir E. Selected Works on Linguistics and Cultural Studies. Moscow: Progress Publ., 1993. 656 p. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Modern Mythology: the Experience of Comprehending the Other. Sevastopol: Ribest Publ., 2012b. 192 p. (In Russian).

Soloviev S.M. History of Russia Since Ancient Times: In 15 books. / [Answer. ed. and ed. intro. articles, p. 5-51, dr. ist. Sciences L.V. Cherepnin]; [Acad. sciences of the USSR. Institute of History]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1959-1966. 15 tons; 23 cm; 23 cm. Book. 1, (vol. 1-2) / [Comment. cand. ist. Sciences V.T. Pashuto], 1959. 811 p. (In Russian).

Sreznevsky I.I. Materials for the Dictionary of the Old Russian Language According to Written Monuments. T. III. Issue. 1. R-STEP. St. Petersburg Publ., 1903. (In Russian)

Old Slavonic Dictionary (according to manuscripts of the X-XI centuries) / [E. Blagov, R.M. Zeitlin, S. Gerodes and others]; Slavyan. in-t acad. Sciences Czech. Rep., Institute of Slavic and Balkan Studies Ros. acad. sciences; Ed. R. M. Zeitlin and others - 2nd ed., ster. Moscow: Rus. yaz. Publ., 1999. 842 p. (In Russian).

Myths and legends of the peoples of the world. Bible Stories. Moscow: Mir knigi, Literature Publ., 2007. 464 p. (In Russian).

Fedotov G.P. Mother Earth // G.P. Fedotov. Fate and sins of Russia. In 2 volumes. St. Petersburg, 1991. 198 p. (In Russian).

Vasmer Max. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 Volumes / Max Vasmer; Per. With him. and Additional O. N. Trubacheva; ed. and with Preface. B.A. Larina. Moscow: TERRA-Kn. Club Publ., 2008. (In Russian).

Сведения об авторе:

Пименова Марина Владимировна

ректор, АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского», доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: MVPimenova@yandex.ru

Вайрах Юлия Викторовна

заведующая кафедрой рекламы и журналистики ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», кандидат филологических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

E-mail: vayrakh@yandex.ru

Bionotes:

Pimenova Marina Vladimirovna

Rector, ANO VO "International University for the Humanities. P.P. Semyonov-Tyan-Shansky", Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia)

E-mail: MVPimenova@yandex.ru

Vayrakh Juliya Viktorovna

Head Department of Advertising and Journalism, Irkutsk National Research Technical University, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk, Russia)

E-mail: vayrakh@yandex.ru

Для цитирования:

Пименова М.В., Вайрах Ю.В. Актуализация символического признака 'творец' в структуре макроконцепта 'род' // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2 (6), 2023. С. 106–121.

For citation:

Pimenova M.V., Vayrakh Yu.V. Actualisation of the Symbolic Attribute 'Creator' in the Structure of the Macro-concept 'Kin' // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2 (6), 2023. Pp. 106–121.

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ МИРОВ

УДК 130.2

DOI:

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ МИФА

Осьмушина Анастасия Андреевна

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет
им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия)

Аннотация

Исследование посвящено системному представлению особенностей мышления, миропонимания, логики, оценок, нормативно-ценностных систем этноса, социума, социальной группы или индивида на материале языкового/текстового/метатекстового их воплощения. Этнокультурные и социодемографические характеристики, реализованные в языке, тексте или дискурсе, получают название «мифологос» и систематизируются на основании соединения лингвокультурного и лингвосоциального подходов с субстратной методологией А.А. Гагаева. Язык, текст и дискурс анализируются на индивидуальном, групповом, социокультурном и глобальном уровнях как формы и уровни единого инструмента формирования, сохранения и передачи этнокультурной и социодемографической идентичности. Мифологос понимается как многоуровневое понятие, бытующее на уровне этноса, социума в целом или некоей социальной/этносоциальной группы. В результате исследования представлена целостная аналитическая система, позволяющая изучать этнокультурные и этносоциальные особенности концептосферы/картины мира, логики мышления, пространства-времени и социальных отношений, миропонимания и нормативно-ценностных систем, в статике исторического момента или в динамическом эволюционном развитии.

Ключевые слова: мифологос; язык; текст; дискурс; социум; этнос; нормативно-ценностная система; система

ON LINGUISTIC REALIZATION OF MYTH

Osmushina Anastasia Andreevna

National Research Mordovia State University (Saransk, Russia)

Abstract

The research is devoted to the systematic representation of the peculiarities of thinking, worldview, logic, assessments, normative value systems of an ethnos, society, social group or an individual, based on the material of their linguistic/textual/metatextual realization. The author offers a term “mythologos” to name ethnocultural and sociodemographic characteristics realized in a language, text or discourse, and systematizes them upon the combination of linguocultural and linguosocial approaches with the substrate methodology of A. A. Gagaev. The research results with the presentation of an integral analytical system allowing to study the ethnocultural and ethnosocial features of the conceptual sphere/worldview, logic of thinking, space-time and social relations, worldview and normative value systems, in the statics of a historical moment or in dynamic evolutionary development. The author analyzes language, text and discourse at the individual, group, socio-cultural and global levels as forms and levels of a single tool for the

formation, preservation and transmission of ethno-cultural and sociodemographic identity. Mythologos is understood as a multilevel concept existing at the level of an ethnos, society as a whole or a certain social/ethnosocial group. The author recognizes existence of an individual mythologos correlating with the mythologos of sociodemographic and ethno-cultural groups referential to the individual.

Keywords: mythologos; language; text; discourse; society; ethnos; normative-value system; system

Введение

Существует множество трактовок понятия «миф», определяющее многообразие подходов к его изучению. В данной работе миф понимается как смысловая матрица культуры, как концептуализация картины мира этноса, социума, социальной группы, индивида. Лингвистическая репрезентация мифа происходит на разных уровнях. Выдающиеся ученые прошлого изучали отражение картины мира на уровне слова, дискурса, текста, однако полного, системного анализа языкового воплощения мифа на разных уровнях языка и человеческого общества предпринято не было. Актуальность настоящего исследования обусловлена пониманием роли мифа в жизнедеятельности человечества и растущим интересом к влиянию мифа на формирование общественных стереотипов, оценок, норм и поведения. Ставя цель заполнить существующие лакуны и выполнить системное исследование лингвистической репрезентации мифа, в качестве объекта исследования мы выбрали совокупность представлений, смыслов, норм и ценностей, имеющих языковое, текстовое и метатекстовое воплощение. Предмет исследования – уровни и формы языковой реализации мифа.

Литературный обзор

Поскольку настоящее исследование выполняется в области пересечения интересов лингвистики, философии, культурологии, и мифологии, теоретическую основу работы составили труды выдающихся исследователей, посвященных космопсихо-логосу, мифу и фольклору как материалу для исследования этнокультурных характеристик, и лингвистическому воплощению мифа.

Анализ мифа как смысловой матрицы культуры насчитывает десятилетия. Исследования убедительно обосновывают реализацию стереотипических представлений, нормативно-ценностной системы и картины мира этноса в фольклоре и других формах реализации мифа. Так, А.Г. Иванов отмечал, что миф пронизывает основания социального бытия, служит фундаментом для развития всех форм общественной деятельности и сознания [Иванов 2018], А. Н. Махинин утверждал, что миф является инструментом создания и поддержания этнокультурной идентичности [Махинин 2018], А.В. Ставицкий характеризовал миф как пространство ценностно-означенных смыслов [Ставицкий 2018], типичную форму коллективного мышления и переживания, модель человеческой деятельности [Ставицкий 2020].

Ученые обращаются также к языку как материалу, в котором получают отражение особенности национальной картины мира. Д. Юм заметил, что мелодические и фонетические особенности языка соответствуют темпераменту народа [Hume 1874/5]. И.Г. Гердер отмечал, что характер народа формализуется в синтаксисе языка [Гердер 1977] В. Вундт выносил языки в предмет психологии народов наравне с мифами и обычаями [Вундт 2002]. Эволюционный и антропологический характер языка подчеркивал В. фон Гумбольдт [Гумбольдт 1984]. Согласно концепции Э. Сепира [Сепир 1954] и Б. Уорфа [Whorf 1956]

именно язык определяет восприятие мира, формируя особенности мышления, восприятия, выделения главного и второстепенного. В отечественной науке большое значение отводилось роли языка как источника и выразителя этнических особенностей народа. Н.Я. Данилевский определял принадлежность к тому или иному культурно-историческому типу на основании языковой общности [Данилевский 1991]. А.А. Потебня полагал строение языков следствием общих законов народной жизни [Потебня 1999]. Г.Г. Шпет выделял язык в качестве основания национального характера [Шпет 1996]. Историк Б.Ф. Поршнев связывал «устойчивый психический склад той или иной общности» с традиционными формами труда, языком и невербальными средствами общения [Поршнев 1966: 98–99]. Лингвистический подход к исследованию характеристик народов применяла С.Г. Тер-Минасова, подчеркивая диалектическую взаимосвязь языка и его носителя [Тер-Минасова 2000]. С.Г. Тер-Минасова выполняла морфологический анализ этнокультурных особенностей отношения к миру и человеку [Тер-Минасова 2000], Н.Я. Большунова уделяла внимание синтаксису и пунктуации, отмечая, что национальный характер закреплен в языке и тенденциях его развития [Большунова 2011]. В рамках лингвокультурного направления, посредством исследования языковой картины мира изучали особенности национального характера А.А. Мельникова [Мельникова 2003], А.Д. Шмелев [Шмелев 2002] и др. О. Морин рассматривал язык как механизм познания культуры и общества [Morin 2019]. Современные исследования уделяют внимание концептосфере [Вассоевич 2001], феноменологическим особенностям [Slors 2020], метасемантике [Keiser 2020], эпистемологическим особенностям различных лингвокультур [Tylén et al. 2010; Poliakova, Skitina 2019] и специфике выражения временных и пространственных отношений [Bowerman, Choi 2001; Shinohara, Matsunaka 2004; Botne 2005; Bryant 1997; Slobin 2004; Boroditsky 2001; Klein 1987]. Необходимо отметить исследования космо-психо-логоса ряда языков [Гагаев, Гагаев 2005; Букарев 2004; Osmushina 2023]. Однако системного исследования языкового воплощения этнокультурных и социодемографических особенностей до сих пор никто не предложил.

Методы

Исследование основано на принципах аналитической философии и герменевтики. Системный метод позволил рассматривать лингвистическую реализацию мифа как иерархическую систему и определить структурные связи между ее уровнями. Субстратный подход философа А.А. Гагаева [Гагаев 1994] позволил включить в нашу модель уровни обобщения-конкретизации, обеспечив, таким образом, изучение лингвокультурных характеристик на уровне межэтническом (глобальном), в этносоциуме в целом, или в конкретный период его развития, а также на уровне индивидуального использования. Такие методы теоретического исследования как абстрагирование, обобщение и моделирование позволяют сформировать модель мифологоса. Диалектический подход положен в основу нашего понимания природы языка и культуры.

Результаты и обсуждение

Для точного определения объекта исследования мы вводим термин «мифологос». Мифологос представляет собой, с одной стороны, всё когнитивно-семантическое пространство культуры, а с другой – часть космо-психо-логоса этноса или социума. Понятие «мифологос» включает в себя воплощенные в языке, тексте или дискурсе этнокультурные и этносоциальные особенности мышления,

логики, познания, нормы и ценности и картину мира в целом. Можно выделять мифологос этноса, социума в целом или некоей социальной/этносоциальной группы; возможно изучение индивидуального мифологоса. Мифологос индивида в значительной степени, но не полностью, коррелирует с мифологосом его референтных социодемографических и этнокультурных групп. Мы полагаем, что наиболее полно и явно мифологос этноса представлен в фольклоре; социальных групп – в анекдотах как основной социальной форме комического.

Мифологос как явление лингвистическое реализуется на следующих уровнях концептосферы.

На уровне слова воплощаются пространственно-временные представления, понимание движения, прекрасного и безобразного, добра и зла, т.е. содержание базовых онтологических, этических и эстетических категорий.

На уровне морфологии фиксируется функциональность изменчивости, степень определенности объекта и субъектно-объектные отношения.

На уровне дейксиса лингвистическое воплощение получает социальность. Дейксис формализует истинность/ложность намерений, модели целеполагания, фиксирует оценки (мелиоративные, адмиративные, пейоративные, дезидеративные, ингерентные и адгерентные, оценки страха и устремления), логики социальных отношений, социальные контексты, статусы и роли в отношении интуитивистских выборов, репрезентирующих жизненные ситуации в языке текста, формы социальной дистанции в некоторой социальной и речевой ситуации – подчинение, власть, солидарность, справедливость, межличностные отношения, статус-роль, институциональная иерархия, различие воли и знаний, восстановительный процесс в иерархии,

На уровне синтаксиса фиксируются формы причинно-следственной связи, основания вывода, субдукция и едукция, логика условных умозаключений.

На уровне тропа лингвистически воплощается образная картина мира этноса, тропологическая форма этновывода, модели метафорического вывода, анимального вывода, содержание сходного и несходного, нетождественность сходного.

На уровне метатропа/дискурса воплощается этнокультурная картина мира в целом, система смысла жизни или его отсутствия, идеальный конечный результат, умозаключения из будущего и возможного в прошлое и настоящее, абсолютные оценки.

Как формализация этносоциальных особенностей, мифологос реализуется на следующих уровнях конкретизации/обобщения картины мира, в соответствии с субстратной методологией А.А. Гагаева.

Уровень всеобщего охватывает общегуманистические (глобальные) нормы и ценности.

Уровень общего представляет собой этносоциальную нормативно-ценностную систему, этносоциальную картину мира, этнические особенности мышления и миропонимания.

Уровень особенного включает в себя особенности реализации этносоциальной системы норм и ценностей, а также этносоциальной картины мира в определенном пространстве и времени.

Уровень конкретно-абстрактного отражает соотношение несходного тождества в сопоставляемых этнокультурах и его воплощения.

Уровень уникального представляет собой функциональные формы исследуемых понятий, бытующие в определенных условиях.

И, наконец, субстрат как единство общего и единичного во всеобщем, позволяет осуществлять гносеологический, логический, онтологический, праксиологический и аксиологический анализ лингвистического, текстового, метатекстового материала. Гносеологический анализ включает в себя исследование семантических полей языковых единиц, характеризующих модель познания, социальный дейксис и модель истины. Логический анализ позволяет выявить движение мысли от оснований к следствиям, индуктивность-дедуктивность, субдукцию-эдукцию умозаключений, определяемые семантикой и синтаксисом, системой временных форм и наклонений, синтетическим или аналитическим характером языка, исследовать гендерный детерминизм языковых единиц, определяемый при помощи артиклей или окончаний, идеализм-реализм объектов, систему отношений между субъектом и объектом, определенность-неопределенность объекта, ингрессию и эгрессию. Онтологический анализ позволяет выявить понимание отношений общего и частного, лингвистический способ спецификации функциональности и уровень функциональности объекта, используя в качестве материала морфолого-синтаксические отношения [Osmushina 2023]. Праксиологические исследования основаны на анализе относительного, индикативного и номинативного дейксиса и позволяют определить уровень централизации и иерархичности, способы организации и основания действия, модели целеполагания, истинность и ложность намерений. Семантическое содержание языковых единиц, дейксис как средство выражения оценки составляют материал для аксиологического анализа, выявляющего этнокультурное и социодемографическое содержание добра и зла, прекрасного и безобразного, оценок дезидеративных, мелиоративных и пейоративных, абсолютных, страха и устремления, идеального конечного результата общественного развития.

Таким образом, авторская димензиальная модель мифологоса имеет три оси измерений. Мифологос как этносоциальный мыслительно-языковой субстрат допускает изучение как в пределах одной оси, к примеру, сугубо лингвистической, так и на пересечении двух подходов, фиксируя языково-семантические особенности на разных уровнях обобщения. Наконец, предложенная мифологическая модель позволяет осуществить полное, системное исследование онтологических, гносеологических, логических, аксиологических и праксиологических этносоциальных особенностей на языковом материале разных уровней и охватывая разные уровни реализации мифологоса в этносоциальной среде.

Приведем пример применения нашей модели, рассмотрев содержание каждого лингвистического уровня на разных уровнях обобщения-конкретизации картины мира. Так, на уровне слова анализ всеобщего означает поиск глобального содержания концепта; анализ общего подразумевает выявление содержания исследуемого концепта в конкретной этнокультуре; анализ особенного позволяет определить содержание концепта в определенное время в определенной лингвокультуре; анализ конкретно-абстрактного позволяет сопоставить содержание концепта в разных лингвокультурах, анализ уникального позволяет определить ситуативное содержание концепта в определенных условиях. На уровне морфологии, к примеру, глагольных окончаний анализ всеобщего предполагает выявление функционального значения глагольных окончаний в целом; анализ

общего направлен на определение функциональности глагольных окончаний в данной этнокультуре; анализ особенного выявляет функциональность глагольных окончаний в определенное время в конкретной лингвокультуре; анализ конкретно-абстрактного определяет схожее функциональности окончаний в разных лингвокультурах; анализ уникального выявляет функциональность глагольных окончаний в условиях конкретного речевого акта. На уровне синтаксиса всеобщее отражает значение и формирование детерминированности в целом; общее охватывает логику синтаксиса в данной этнокультуре; особенное ограничено логикой синтаксиса в определенное время в некоем этносе; конкретно-абстрактное включает в себя схожее логики синтаксиса в разных лингвокультурах; уникальное определяется логикой синтаксиса в конкретной ситуации. На уровне дейксиса всеобщее фиксирует абсолютную истинность-ложность, абсолютные оценки; общее – этнические оценки, этнические модели истины, лжи, ошибок; особенное – специфику выражения социальности в конкретную эпоху в определенном этносе; конкретно-абстрактное – схожее, но нетождественное выражение социальности в разных лингвокультурах; уникальное – социальный индикативный, номинативный, относительный дейксис в конкретной коммуникативной ситуации. На уровне тропа исследование всеобщего позволяет охватить глобальную образную картину мира; общего – этническую образно-оценочную картину мира; особенного – специфику тропеической оценочности в конкретную эпоху в рамках определенного этноса; конкретно-абстрактного – схожее в тропеизации в разных лингвокультурах, уникального – смысл и функциональность ситуативной тропеизации. На уровне дискурса всеобщее охватывает глобальные универсалии, формирующие универсальные элементы картины мира; общее – этническую картину мира; особенное – особенности концептосферы в конкретный период в рамках определенного этноса; конкретно-абстрактное – схожее в картинах мира в разных лингвокультурах; уникальное – дискурс коммуникативной ситуации.

Заключение

Мифологос как аналитическая система представляет собой новое научное направление, синтезирующее современные достижения филологии, культурологии и философии в исследовании этнокультурных особенностей миропонимания, мышления, норм и ценностей. Предлагаемая автором система подходов и методов позволяет выполнять разнообразные исследования национального характера/менталитета/этнокультурных и этносоциальных особенностей, в том числе системные и сравнительные в рамках одной или нескольких этнокультур.

Литература

Большунова Н.Я. Проблема характера: традиции и современность. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2011. 323 с.

Букарев А.С. Социокультурная сравнительная модель западного и русского космо-психо-логоса. Автореф... канд. филос. наук. Саранск, 2004. 15 с.

Вассоевич А.Л. Философские основы психологического описания менталитета народов классического Востока // Восток: Философия. Религия. Культура: труды теор. семинара / под ред. Е.А. Торчинова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. С. 7–39.

Вундт В. Психология народов. Москва: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 864 с.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании. Саранск: МГУ им. Н.П. Огарева, 1994. 48 с.

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философская и культурно-типическая антропология. Русский космо-психо-логос. Культурно-типическая модель науки. Демографические и эстетические основания космо-психо-логоса. Система философии. Т. 2, ч. 1. Историческая культурно-типическая антропология модели человека. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2005. 336 с.

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. Москва: Наука, 1977. 703 с.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1984. 379 с.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Москва: Книга, 1991. 573 с.

Иванов А.Г. Роль мифологии в жизни общества // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 44-48.

Махинин А. Н. Этнокультурная идентичность в пространстве мифов и и стереотипов // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 48-53.

Мельникова А.А. Язык и национальный характер: Взаимосвязь структуры языка и ментальности. Санкт-Петербург: Речь, 2003. 320 с.

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. Москва: Наука, 1966. 213 с.

Потебня А. А. Мысль и язык. Москва: Лабиринт, 1999. 300 с.

Сепир Э. Язык. Москва-Ленинград: Гос. Соц. Эк. Изд., 1954. 222 с.

Ставицкий А.В. Миф как смысловая матрица культуры и ее универсалия // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 86–92.

Ставицкий А.В. Мифотворчество как способ формирования ценностных смыслов // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 187–191.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Москва: SLOVO, 2000. 262 с.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. Москва: Издательский дом "ЯСК", 2002. 224 с.

Шнет Г.Г. Введение в этническую психологию. Санкт-Петербург, 1996. 155 с.

Boroditsky L. Does Language Shape Thought?: Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time // *Cognitive Psychology*, 2001. Volume 43, Issue 1. Pp. 1–22.

Botne R. Cognitive Schemas and Motion Verbs: Coming and Going in Chindali (Eastern Bantu) // *Cognitive Linguistics*, 2005. Volume 16, Issue 1. P. 43–80.

Bryant D. Representing Space in Language and Perception // *Mind and Language*, 1997. Volume 12, Issue 3-4. Pp. 239–264.

Bowerman M., Choi S. Shaping Meanings for Language: Universal and Language-specific in the Acquisition of Spatial Semantic Categories // *Language Acquisition and Conceptual Development* Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Pp. 475–511.

Hume D. Philosophical Works. Volume III. Little Brown And Company, 1874/5. 579 p.

Keiser J. Language Without Information Exchange // *Mind and Language*, 2020. Volume 37, Issue 1. Pp. 22–37. Doi: <https://doi.org/10.1111/mila.12303>

Klein H.E.M. The Future Precedes the Past: Time in Toba // *Word*, 1987. № 38. Pp. 173–185.

Morin O. Did Social Cognition Evolve by Cultural Group Selection? // *Mind and Language*, 34 (4), 2019. Pp. 530–539.

Osmushina A.A. Cosmo-psycho-logos of the Spanish Language in the Teaching of Foreign Languages // *Филология: научные исследования*. 2023. № 1. С. 48–59.

Poliakova N.V., Skitina N.A. Expressions by means of the techniques of the corpus-based linguistics (advanced level) // *Functional aspects of intercultural communication. Translation and interpreting issues*, № 6, 2019. Pp. 181–189.

Shinohara K., Matsunaka Y. Spatial cognition and linguistic expression: Empirical research on frames of reference in Japanese // *Annual Review of Cognitive Linguistics*, 2004. Volume 2, Issue 1. P. 261-283.

Slobin D. The many ways to search for a frog: Linguistic typology and the expression of motion events // *Relating events in narrative: Typology and contextual perspectives*, 2004. Pp. 219–257.

Slors M. A. cognitive explanation of the perceived normality of cultural conventions // *Mind and Language*, 2020. Vol. 36, Issue 1. Pp. 62–80. Doi: <https://doi.org/10.1111/mila.12265>

Tylén K., Weed E., Wallentin M., Roepstorff A., Frith C. D. Language as a tool for interacting minds // *Mind and Language*, 2010. Volume 25, Issue 1. Pp. 3–29.

Whorf B. L. Language, thought and reality. N.-Y., 1956. 278 p.

References

Bolshunova N.Ya. (2011). Problem of character: traditions and modernity. Novosibirsk, NGPU Publishing House. 323 p. (In Russian).

Bukarev A.S. (2004). Sociocultural comparative model of Western and Russian cosmo-psycho-logos. Thesis for Candidate of Philos. Sciences. Saransk. 15 p. (In Russian).

Vassoyevich A.L. (2001). Philosophical foundations of the psychological description of the mentality of the peoples of the Classical East]. In: East: Philosophy. Religion. Culture: proceedings of the theoretical seminar / Ed. E.A. Torchinov. St.-Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University. Pp. 7-39. (In Russian).

Vundt V. (2002). Psychology of peoples. Moscow, Eksmo; St.-Petersburg, Terra Fantasia. 864 p. (In Russian).

Gagaev A.A. (1994). Theory and methodology of the substrate approach in scientific cognition. Saransk, Ogarev Moscow State University. 48 p. (In Russian).

Gagaev A.A., Gagaev P.A. (2005). Philosophical and cultural-typical anthropology. Russian cosmo-psycho-logos. Cultural-typical model of science. Demographic and aesthetic foundations of cosmo-psycho-logos. System of Philosophy. Vol. 2, part 1. Historical cultural-typical anthropology of the human model. Saransk, Publishing house of the Mordovian University. 336 p. (In Russian).

Gerder I. G. (1977). Ideas about philosophy of the history of mankind. Moscow, Nauka. 703 p. (In Russian).

Gumboldt V. (1984). Selected works on linguistics. Moscow, Progress. 379 p. (In Russian).

Danilevskii N.Ya. (1991). Russia and Europe. Moscow, Kniga. 573 p. (In Russian).

Ivanov A.G. (2018). The Role of Mythology in Society. In: Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the 1st International Scientific Interdisciplinary Correspondence Conference (November 2017, Sevastopol). Sevastopol, Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov of Sevastopol. Pp. 44–48. (In Russian).

Makhinin A.N. (2018). Ethnocultural Identity in Space of Myths and Stereotypes. In Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the 1st International Scientific Interdisciplinary Correspondence Conference (November 2017, Sevastopol). Sevastopol, Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov of Sevastopol. Pp. 48–53. (In Russian).

Melnikova A.A. (2003). Language and national character: The relationship between the structure of language and mentality. St.-Petersburg, Rech. 320 p. (In Russian).

Porshnev B.F. (1966). Social psychology and history. Moscow, Nauka. 213 p. (In Russian).

Potebnya A.A. (1999). Thought and language. Moscow, Labirint. 300 p. (In Russian).

Sapir E. (1954). Language. Moscow-Leningrad, Gos. Soc. Ec. Publishing. 222 p. (In Russian).

Stavitsky A.V. (2020). Myth as a Semantic Matrix of Culture and its Universal. In: Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the 4rd International Scientific Interdisciplinary Correspondence Conference (June 2020, Sevastopol). Sevastopol, Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov of Sevastopol. Pp. 86–92. (In Russian).

Stavitsky A.V. (2018). Mythmaking as a Way of Value Meanings Formation. In: Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the 1st International Scientific Interdisciplinary Correspondence Conference (November 2017, Sevastopol). Sevastopol, Branch of Moscow State University. named after M.V. Lomonosov of Sevastopol. Pp. 187–191. (In Russian).

Ter-Minasova S.G. (2000). Language and Cross-cultural Communication. Moscow, SLOVO. 262 p. (In Russian).

Shmelev A.D. (2002). Russian Language Model of the World: Materials for the dictionary. Moscow, publishing House “YASK”. 224 p. (In Russian).

Shpet G.G. (1996). Introduction into Ethnic Psychology. St.-Petersburg. 155 p. (In Russian).

Boroditsky L. (2001). Does Language Shape Thought?: Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time. In: *Cognitive Psychology*. Volume 43, Issue 1. Pp. 1–22.

Botne R. (2005). Cognitive Schemas and Motion Verbs: Coming and Going in Chindali (Eastern Bantu). In: *Cognitive Linguistics*. Volume 16, Issue 1. Pp. 43–80.

Bowerman M., Choi S. (2001). Shaping Meanings for Language: Universal and Language-specific in the Acquisition of Spatial Semantic Categories. In: *Language Acquisition and Conceptual Development* Cambridge, Cambridge University Press. Pp. 475–511.

Bryant D. (1997). Representing Space in Language and Perception. In: *Mind and Language*. Volume 12, Issue 3–4. Pp. 239–264.

Hume D. (1874/5). *Philosophical Works*. Volume III. Little Brown and Company. 579 p.

Keiser J. (2020). Language Without Information Exchange. In: *Mind and Language*. Volume 37, Issue 1. Pp. 22–37. Doi: <https://doi.org/10.1111/mila.12303>

Klein H.E.M. (1987). The Future Precedes the Past: Time in Toba. In: *Word*. № 38. Pp. 173–185.

Morin O. (2019). Did Social Cognition Evolve by Cultural Group Selection? In: *Mind and Language*, 34 (4). Pp. 530–539.

Osmushina A.A. (2023). Cosmo-psycho-logos of the Spanish Language in the Teaching of Foreign Languages In: *Philology: Scientific Research*. № 1. Pp. 48–59.

Poliakova N.V., Skitina N.A. (2019). Expressions by Means of the Techniques of the Corpus-based Linguistics (advanced level). In: *Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues*, № 6. Pp. 181–189.

Shinohara K., Matsunaka Y. (2004). Spatial Cognition and Linguistic Expression: Empirical Research on Frames of Reference in Japanese. In: *Annual Review of Cognitive Linguistics*. Volume 2, Issue 1. Pp. 261–283.

Slobin D. (2004). The Many ways to Search for a Frog: Linguistic Typology and the Expression of Motion Events. In: *Relating Events in Narrative: Typology and Contextual Perspectives*. Pp. 219–257.

Slors M.A. (2020). Cognitive Explanation of the Perceived Normality of Cultural Conventions. In: *Mind and Language*. Vol. 36, Issue 1. Pp. 62–80. Doi: <https://doi.org/10.1111/mila.12265>

Tylén K., Weed E., Wallentin M., Roepstorff A., Frith C.D. (2010). Language as a Tool for Interacting Minds. In: *Mind and Language*. Volume 25, Issue 1. Pp. 3–29.

Whorf B.L. (1956). *Language, thought and reality*. N.-Y. 278 p.

Сведения об авторе:

Осьмушина Анастасия Андреевна

Доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», кандидат философских наук (г. Саранск, Россия)

E-mail: 98761985@mail.ru

Bionotes:

Osmushina Anastasia Andreevna

Associate Professor of the Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University, Candidate of Philosophy (Saransk, Russia).

Для цитирования:

Осьмушина А.А. О лингвистической реализации мифа // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2(6), 2023. С. 122–132.

For citation:

Osmushina A.A. On the Linguistic Realisation of Myth // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2(6), 2023. Pp. 122–132.

УДК 81'27

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ «МАТЬ – ЗЕМЛЯ/ НИВА/ ПОЛЕ» И СПОСОБЫ ЕЕ АКТУАЛИЗАЦИИ**Пименова Марина Владимировна**Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тянь-Шанского
(г. Санкт-Петербург, Россия)**Ибраимова Гульсайра Озгонбаевна**Киргизский государственный университет им. И. Арабаева
(г. Бишкек, Республика Кыргызстан)**Аннотация**

Цель статьи – описать языковые особенности актуализации когнитивной модели «мать – земля/ нива/ поле» в русской лингвокультуре, восходящей к мифологеме *мать-сыра-земля*. Для достижения цели решаются задачи: 1. Проанализировать научные источники по русской (славянской) мифологии; 2. Собрать и проанализировать контексты из художественных произведений, в которых вербализованы три варианта этой когнитивной модели: «мать – земля», «мать – нива» и «мать – поле»; 3. Определить выявленные когнитивные признаки мифологемы *мать-сыра-земля* в русской лингвокультуре. Актуальность предпринятого исследования заключается в осмыслении когнитивных признаков мифологемы *мать-сыра-земля* в аспекте лингвокультурных символов. Научная новизна состоит в первом опыте анализа когнитивной модели «мать – земля/нива/ поле», скрывающей в себе архаичные признаки указанной мифологемы в аспекте ее мифологических смыслов. В статье используется несколько методов лингвистического анализа: аналитический, дескриптивный, интерпретативный, концептуальный. Материалом для исследования послужили контексты из художественных произведений, написанных на русском языке, взятых из Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru). В результате изучения научных источников и языкового материала были обнаружены закономерности в используемых языковых средствах, сохранивших мифологический образ Великой Богини-матери в русской лингвокультуре. Когнитивная модель «мать – земля/ нива/ пашня» выражается в ряде метафор: «мать – жница», «отец – сеятель», «работа – пахота», «война – сбор урожая». В XX в. происходит размывание гендерных границ, в результате чего формируется расширение смыслов этих метафор: «родители – сеятели», «родители – пахари», «отцы и сыновья – жнецы на поле битвы». Все перечисленные метафоры относятся к классу земледельческих. Женский земледельческий труд в русской лингвокультуре описывается тремя типами метафор: «женщина-мать – пашня», «женщина-мать – пахарь», «женщина-мать – лошадь/ тягловое животное». Эти метафоры отображают особенности русской ментальности, сохранившей в разные периоды истории языка память о культе Богини-матери, который последовательно воспроизводился в почитании матери – земли (*земля-матушка*).

Ключевые слова: когнитивная модель, мифологема; когнитивные признаки; языковая картина мира; русская лингвокультура.

COGNITIVE MODEL "MOTHER – EARTH/ CORNFIELD / FIELD" AND METHODS OF ITS ACTUALIZATION

Pimenova Marina Vladimirovna

International Humanitarian University. P.P. Semyonov - Tyan-Shansky
(St. Petersburg, Russia)

Ibraimova Gulsaira Ozgonbaevna

Kirghiz State University named after I. Arabaev (Bishkek, Republic of
Kyrgyzstan)

Abstract

The purpose of the article is to describe the language features of the cognitive model "mother - earth / cornfield / field" actualization in Russian linguoculture, which goes back to the mythology of *mother-wet-earth*. The following tasks are solved to achieve the goal: 1. Analyze scientific sources on Russian (Slavic) mythology; 2. Collect and analyze contexts from works of art in which three variants of this cognitive model are verbalized: "mother - earth", "mother - cornfield" and "mother - field"; 3. Determine the identified cognitive features of the *mother-wet-earth* mythologeme in Russian linguoculture. The relevance of the undertaken research lies in the comprehension of the cognitive signs of the *mother-wet-earth* mythologeme in the aspect of linguocultural symbols. The scientific novelty lies in the first experience of analyzing the cognitive model "mother - earth/ cornfield / field", which hides the archaic features of this mythologeme in terms of its mythological meanings. The article uses several methods of linguistic analysis: analytical, descriptive, interpretive, conceptual. The material for the study was contexts from works of art written in Russian, taken from the National Corpus of the Russian Language (www.ruscorpora.ru). As a result of studying scientific sources and language material, regularities were found in the language means used, which preserved the mythological image of the Great Mother Goddess in Russian linguoculture. The cognitive model "mother - earth/ cornfield / field" is expressed in a number of metaphors: "mother - reaper", "father - sower", "work - plowing", "war - harvesting". In the twentieth century there is a blurring of gender boundaries, resulting in an expansion of the meanings of these metaphors: "parents are sowers", "parents are plowmen", "fathers and sons are reapers on the battlefield". All of the above metaphors belong to the agricultural class. Women's agricultural work in Russian linguoculture is described by three types of metaphors: "mother woman - arable land", "mother woman - plowman", "mother woman - horse / draft animal". These metaphors reflect the peculiarities of the Russian mentality, which at different periods of the history of the language preserved the memory of the Mother Goddess cult, which was consistently reproduced in veneration of the mother earth.

Keywords: cognitive model, mythologeme; cognitive signs; language picture of the world; Russian linguoculture.

Введение

Тема символизации образов, запечатленных в языке, обращает внимание исследователей к забытым мифам. «Миф транслирует вечное, вневременное, то, что присуще всем людям во все времена: нравственные ценности, модели поведения, мотивационные установки, которые были свойственны человеку тысячи лет» [Ставицкий 2018: 414].

Мировые культуры сохранили образ Великой Богини-матери. «Богиня-мать, главное женское божество в большинстве мифологий мира. Как правило, соотносится с землёй и – более широко – с женским творческим началом в природе» [Мифы народов мира 2008: 148]. Следы этого культа сохранились в разных лингвокультурах в виде мифов и устойчивых сочетаний и метафор в языке: «Миф закономерно соотносится с языком, который является средством выражения

содержания мифообразов, их систематизации, а также средством разложения чувственного образа на абстракции» [Найдыш 2022: 22].

Образ Великой Богини-матери есть как в русской лингвокультуре (– *Что с тобою случилось, сынок, – спрашивала Солнцева мать вернувшегося поле дневной поездки по крутым склонам высоких небес синеглазого Дажбога.* А. А. Кондратьев. Ярило. Из славянской мифологии. 1915), так и в иных. Например, в Древней Греции такую богиню вспоминают под именем Деметры (*Из них религия Деметры возникла на почве исконного аниматизма; Деметра (имя De-meter во второй своей части содержит, несомненно, слово meter – «мать», но первая загадочна) первоначально – душа созревшей нивы, которая, по мере ее сжинания, отступает все дальше и дальше и, наконец, с последним снопом достается жнецу, чем объясняется честь, воздаваемая на дожинках этой «матке» нивы.* Ф. Ф. Зелинский. История античной культуры. 1914). Деметру именовали «матерью нив» (*Вскоре была уже обсеменена целая нива – Рарийская нива в Элевсине, мать наших нив.* Ф. Ф. Зелинский. Сказочная древность. 1921). Атрибуты Деметры определяются характером богини земледелия и растительности – к ним относятся колосья, объемная корзина, наполненная цветами, зерном и фруктами всех видов.

Язык аккумулирует все знания, накопленные народом: «Язык в гумбольдтианской традиции понимается как зеркало культуры, в котором отображаются все имевшие место представления (мифологические, религиозные) народа о мире, в котором он живёт. При помощи языка формируется миропредставление человека, закладываются основы его культуры» [Пименова 2016: 34]. Обращаясь к языку, исследователь рассматривает растворенные в языковых знаках когнитивные модели сохранившихся мифологических представлений, в том числе и месте обитания – земле.

Методы

Для описания когнитивной модели «мать – земля/ нива/ поле» и определения ее когнитивных признаков, используется комплекс, сформированный из следующих методов: аналитического, концептуального, интерпретативного, дескриптивного. Источником языкового материала послужил Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ).

Литературный обзор

В современной научной литературе существует ряд работ, рассматривающих некоторые аспекты мифологем в разных лингвокультурах. Многие из этих исследований выполнены на границе разных дисциплин. В гендерном аспекте мифологемы были описаны в статьях: [Пименова 2000: 204–219; Пименова 2010: 103–117]. Анализ взаимосвязанных терминов *мифологема* и *символический макроконцепт* произведен в работе: [Пименова 2020: 130–133]. Особое внимание было уделено мифологеме *мать-сыра-земля* в русской языковой картине мира [Пименова, Мошина 2021, с. 138–151], которая сохранилась в структуре макроконцепта *мать* в виде символического признака [Ибраимова 2020: 30–39; Ибраимова 2021: 782–789]. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении трех основных вариантов реализации мифологемы: «мать – земля», «мать – нива» и «мать – поле» в русской лингвокультуре.

Результаты и обсуждение

Мировые культуры хранят следы былых верований. Одним из таковых является вера в материнскую силу земли. «Земля – одна из основных стихий мироздания (наряду с водой, огнем и воздухом); центральная часть трёхчастной

Вселенной (небо – земля – преисподняя), населенная людьми и животными; символ женского плодоносящего начала, материнства; осмыслялась как прародительница и кормилица всего живого» [Белова и др. 1999: 315].

Обращение к архаичным символам позволяет исследователю заметить некоторые закономерности в использовании тех или иных языковых средств, в их основе находятся забытые мифологемы, позволяющие объяснить их устойчивость в языке и сознании его носителей. В славянской мифологии сохранилось имя богини Мокоши (Макоши), «отвечавшей» за урожай (*Мокошь – богиня хорошего урожая, «мать полного кошелька», подательница благ.* О. Шотландия, А. Клейн. Ноябрь // «Пятое измерение», 2002). У Мокоши (Макоши) так же, как у Деметры, был эпитет «мать урожая» (*Это очень древнее земледельческое божество, «мать урожая», богиня жизненных благ и изобилия.* С. А. Еремеева. Лекции по русскому искусству). Сохранилось несколько изображений этой богини: например, на Збручском идоле в руках она держит рог изобилия (*И на главной лицевой грани – Макошь, «мать урожая», хозяйка символического рога изобилия.* С. А. Еремеева. Лекции по русскому искусству). Рог изобилия – символ достатка и процветания. Подчеркиваемое материнство земли воссоздает былой культ: Макошь относится к культу предков: «у русских (и, шире, у всех славян) первичным был культ почитания предков» [Пименова 2018: 96]. Макошь – это *земля-матушка*.

В период двоеверия, когда имя *Макоши* стало под запретом, его заменило имя *Параскевы-Пятницы*. В «Мифах народов мира» об этом говорится прямо: «В фольклоре эти аспекты образа Марии контаминировались с пережитками натуралистического язычества, указывающими на связь Марии с мифологическими образами богини земли, природы, богини-матери; но их смысл в контексте христианских религиозно-доктринальных представлений уже иной, поскольку Мария здесь не олицетворение природы как таковой, но “начаток”, прообраз, первое явление преображённой, райской природы» [Иванов, Топоров 1980: 683]. В письменных памятниках имя *Макошь* упоминается в начале XII в. в «Повести временных лет». Это божество известно многим славянским народам. Макошь прямо называется *богиней-матерью* (*Согласно ей, главным и самым древним славянским божеством была богиня-мать Макошь (она же Мокошь).* В. Эрлихман. Микроскопом по истории). Н.М. Гальковский, наблюдая взаимосвязь мифов славянских народов, отмечал, что «чехи почитали Мокошь божеством дождя и сырости, и к нему прибегали с молитвами и жертвоприношениями и во время большой засухи» [Гальковский, т. I: 33]. Б.А. Рыбаков высказывает мнение, что «русская Макошь отражала в какой-то мере и среднюю фазу гекатовского культа, являясь благожелательной богиней, связанной с аграрно-магическим комплексом представлений», т.к. русалки и Симаргл, ассоциируемые с нею, «содействовали получению урожая» [Рыбаков 1981: 383]. Преемственность древних мифологических образов, дошедших до нас в измененном виде, говорит об их устойчивом статусе в лингвокультуре и их актуальности для носителей современных языков.

В период смены прежней религии у Мокоши (Макоши) появляется табуированная форма имени *мать-сыра-земля* (*Как медведь в берлогу, ложится он на печь и запирается в избе, если был урожай и за труды тяжелые и праведные наградила мать – сыра земля прибылью трех-пяти зерен всхожих на одно посеянное в землю.* С. В. Максимов. Куль хлеба и его похождения. 1873). Об этой традиции было известно еще в XIX в. У Ф.М. Достоевского в романе «Бесы» есть

слова: *Богородица – великая мать сыра земля есть и великая в том для человека заключается радость*. Ее связь с землей, урожаем и помощью людям долго помнилась и в период принятия христианства (*Призывая на помощь небесные силы для ответов на мучительные вопросы об урожае, вопрошают и самую виновницу бесчисленных тревог и бесконечных забот – мать-сыру-землю*. С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. От издателя. 1899). Имя богини, сокрытое под формой *мать-сыра-земля*, сохраняется в фольклоре: «В русских загадках земля соотносится с образом “общей для всех матери”. Известное в русских фольклорных текстах и фразеологии выражение *Мать-сыра земля* обозначает прежде всего землю, оплодотворенную небесной влагой (готовую родить). Соответственно, пересохшая, бесплодная земля сравнивается в рус. духовных стихах со вдовой. Перед началом сева крестьяне обращались к святым с просьбой “напоить мать-сыру землю студеной росой, чтобы принесла она зерно, всколыхала его, возвратила его большим колосом”» [Белова и др. 1999: 316]. Произведения русской литературы второй половины XIX в. изобилуют примерами, в которых встречается эта форма. Об ней говорит М.И. Мельников-Печерский в своем произведении «В горах», написанном в 1875-1881 гг. (*«Ты прости-прощай, говорит, небо ясное, ты прости-прощай, солнце красное, вы прощайте, месяц и звезды небесные, вы прощайте, моря, озера и реки, вы прощайте, леса, поля и горы, ты прости-прощай, мать-сыра-земля, вы простите, ангелы, архангелы, серафимы, херувимы и вся сила небесная»*. П. И. Мельников-Печерский. На горах). О ней упоминает Г.И. Успенский в своем произведении, написанном в 1877 г. (*Взяла оделась, обулась в худенький кафтанишко, простилась с селом, с полями, с лесами: «Прощайте, леса, прощайте, поля, прощай, мать сыра-земля, прощайте, птицы – звери лесные!»*) Г. И. Успенский. Растеряевские типы и сцены).

О мифологеме *мать-сыра-земля* помнят в XX в. О ней пишет Ч.Т. Айтматов, подобрав название к своей повести – «Материнское поле», созданной в 1963 г. (*Мать – это начало родины, мать – это родной язык, мать – это совесть, вкушенная вместе с молоком*. Ч.Т. Айтматов. Материнское поле). В XXI в. мы обнаруживаем искажение исходной мифологемы: на первое место выдвигается патерналистский подход в восприятии жизни, когда неосвоенное пространство воспринимается через образ матери, а освоенное – через образ отца по типу метонимического переноса: использование механизмов в обработке земли связано с мужским трудом на тракторах и иной технике (*Мотив благодарной сыновней любви к «родительской земле», где «каждая рожица – мать, каждое поле – отец» был близок многим и многим почитателям поэтического слова*. А. Горшенин. Многостаночник // «Сибирские огни», 2013).

Земля в русской лингвокультуре сохраняет свой эпитет на протяжении многих столетий. Земля прямо именуется *матерью* (*Элементы устно-поэтического стиля в «Истории» дают себя знать в таких эпитетах, как реки «медвяны», «земля-мати», поле «чистое», девицы «красныя», кони «добрые», светлицы «высокия» и т. д.* Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. XVI–XVII вв.). «В славянской мифологии известен древний персонаж *Мать-сыра-земля*. Сравнение земли с женщиной основано на том, что земля, подобно женщине, воспринимается как воспроизводящая сила природы, дающая урожай, кормящая людей, помогающая продолжать род и т.д.» [Пименова 2016: 129].

Б.А. Пильняк обращаясь к теме Родины, свое произведение, написанное в 1924 г., так и называет «Мать сыра-земля». В это традиционное для народа

сочетание он вкладывает смысл всей Земли, на которой живет человек, природы, этого мира в целом (*А сама мать сыра-земля – поля, леса, болота, перелески, горы, дали, годы, ночи, дни, метели, грозы, покой.* Б. А. Пильняк. Мать сыра-земля). Писателям свойственно употребление патерналистских и материнских эпитетов в описании окружающего мира (*Прости, матушка тундра ягодна, Прости, батюшко ветхово рыбно озеро, Прости, мати сплавна Курья-река, Прости, прямотелой бор, корабельщина, Прости, кормилица нива житная, Прости, сударь белой снег, На сенных угодьяцах поляживашь.* Б. В. Шергин. Офоница бабушка. 1930–1960).

Произведения авторов последней четверти XIX – начала XX в. показывают традиционные представления о матери – земле. Люди называют землю *матерью* по стереотипным признакам ее поведения: мать кормит, поит своего ребенка: «Универсальная для всех славянских традиций женская символика земли раскрывается через метафору материнства. Принимая в себя семена, земля – по народным поверьям – беременеет и дает новый урожай; она всеобщая Мать и кормилица: живых питает, а мертвых к себе принимает» [Белова и др. 1999, с. 316]. Эти признаки воспроизводятся в народной песне, упоминаемой разными авторами (*Его вспоит, вскормит Мать земля сырая, Выйдет в поле травка, Вырастет и колос Станет спеть, рядиться В золотые ткани.* С. В. Максимов. Куль хлеба и его похождения. 1873; *Его вспоит, вскормит Мать-земля сырая; Выйдет в поле травка – Ну!* М. Е. Салтыков-Щедрин. Статьи. 1856-1860; *Его вспоит, вскормит Мать земля сырая; Выйдет в поле травка – Ну, тащися, сивка!* В. Н. Майков. Стихотворения Кольцова с портретом автора, его факсимиле и статьей о его жизни и сочинениях. 1846). Мать приводит человека на землю, она же его и хоронит (*Поволок его конь по чисту полю, и летит Максим, лежа навзничь, раскидав белые руки, и метут его кудри мать сыру землю, и бежит за ним по полю кровавый след.* А. К. Толстой. Князь Серебряный. 1861–1863).

В образе матери-сырой-земли скрыт облик древней Богини-матери: «Почитание земли как “матери” способствовало сближению этого круга представлений с образом Богородицы» [Белова и др. 1999: 316]. На нее указывает признак особого отношения – воспевания: Богиню-мать воспевают (*О всепетая мати, – глухо несется с поля; там, над мохнатыми головами людей, сверкает, ослепляя, квадратный кусок золота, весь облеплен солнцем.* М. Горький. Ералаш. 1916). В русском языке есть старинное пожелание, построенное на сравнительных оборотах: «Будь здорова, как рыба, красива, как вода, весела, как весна, трудолюбива, как пчела и богата, как земля святая» [Капица 2007, с. 73]. Сакральность земли закреплена в системе табу: на землю нельзя прелвать – это оскверняет ее.

Земля и мать в сознании русского народа взаимосвязаны: «Мотив материнства в поверьях о земле имеет отношение не только к универсальному плодоносящему началу, но и к реальной матери конкретного человека. Запрет бить землю мотивируется опасением оскорбить свою умершую мать: кто бьет землю, тот бьет по животу свою мать на “том свете” (укр.)» [Белова и др. 1999: 316]. Авторские тексты воспроизводят ситуации, где описываются мать и ее дети и где упоминается поле. В поле обычно работали и мужчины, и женщины, *пожиная плоды своих трудов (Ребенок скоро успокоился, заснул, мать положила его в люльку, взяла серп и принялась жать с особенным усилием, чтобы догнать своих подруг, чтоб не отстать от других.* С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука,

служащие продолжением семейной хроники. 1858; *Отец, мать и Афоня жали рожь серпами, а Никитка подносил воду; скручивая перевясла, подтаскивал снопы.* А. И. Мусатов. Большая весна. 1957; *И Никитка рассказывал, как мать мечется по округе, где только можно, жнёт серпом траву, таскает её в мешках скотине.* А. И. Мусатов. Зелёный шум. 1963; *Там и на самом деле жала рожь и вязала снопы его мать.* В. Астафьев. Последний поклон. 1968–1991). В русских сказках в поле отсылают работать падчерицу (*Как скоро пришли домой, то мать спрашивала у своей дочери, что делала в поле падчерица.* Сказка о Строевой дочери. 1794–1795). Многочисленные войны приводили к тому, что в поле женщины трудились, заменяя ушедших воевать мужчин (...*Мать прибежит, бывало, на пашню, распушит и девок и парней за нерадивость, возьмется показывать трудовой пример – свяжет снопок-другой натуго и тут же мчится в село либо на соседнюю пашню, где тоже надо командовать, давать указания, но некому этим ответственным делом заниматься.* В. Астафьев. Последний поклон. 1968–1991; *Две старухи, по виду мать и дочь, пахали свой огород: дочь впряглась в ремни, мать шла за плугом.* А. Дмитриев. Дорога обратно // «Знамя», 2001; *Мать умела пахать и сеять, крыть соломой крышу, копать колодец, добывать торф для отопления.* Главный хранитель лесов // «Лесное хозяйство», 20.04.2004).

Сын возвращается к матери с поля сражения: он защищает свою Родину, следовательно, и свою мать (*Он разложил свои гостинцы, и наши часовые приняли их в свои объятия, как мать принимает сына, возвратившегося после долгого отсутствия с поля сражения.* В. Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова. 1814). Не все сыновья возвращаются к своим матерям с поля битвы – ратного поля (*Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем; ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называемое.* А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 1779–1790). Родная земля и мать в этом случае осознаются как нечто единое.

В русской лингвокультуре сложилась традиция метафорического переноса с традиционно женского труда в поле на ниву просвещения (*Полагаясь на Создателя и временами взывая к нему, мать, однако, и сама не ленилась на ниве воспитания.* Р. Ш. Валеев. Зелёный пиджак в клеточку // «Уральская новь», 2003). На этой ниве воспитания и учительства в детей, как в плодородную землю, вбрасывают семена разумного, доброго, вечного (*Тридцать с чем-то лет родители выдавали школярам свидетельства, аттестаты и напутственные шлёпки с призывами сеять разумное, доброе, вечное, треть века отец и мать пропускали через себя стадо, меченное пятибалльными отметками, кормленное по рецептам Ушинского и Макаренки, и на склоне лет пришли к выводу о полной несостоятельности всех своих методологий.* А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998). Поведение родителей взрослых детей описывается метафорой сеяния раздоров (*Если твоя мать умеет и желает сеять только раздоры в нашей семье, то мне остается одно: предложить тебе выбор между нами: или я, или она.* А. К. Шеллер-Михайлов. Вешние грозы. 1892). Воспитание плодотворно только в детские годы, взрослых воспитывать уже поздно.

Метафора пахоты разноаспектно реализуется в художественных текстах. Первый вариант метафоры – «женщина – пашня» (*«Жена – это пашня, на которой муж сеет семена потомства, – учила ее мать перед тем, как отправить в дом Муртазы.* Г. Яхина. Зулейха открывает глаза. 2015). В основе этой метафоры

находится представление о возделываемой земле, в плодородной почве которой вызревают брошенные семена (*Как взроет мать сыра землю, будто пахал ее древний богатырь, но не Алеша Попович, а крестьянский сын Микула Селянинович*. С. М. Голицын. Тайна старого Радуля. 1972).

Второй вариант метафоры – «женщина – пахарь» (*А потом матушку Вадима в Харьков увезли, она там техникум закончила, а моя мать как пахала в колхозе, так и осталась*. Э. Володарский. Дневник самоубийцы. 1997), расширяющийся до «родители – пахари» (*Стало быть, с конфискацией квартиры, на которую отец и мать пахали всю жизнь, трех костюмов...* Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем. 2000–2002). Работа, требующая больших физических вложений, осознается как труд в поле – *пахота*.

Третий вариант – метафора «женщина – тягловое животное» (*Он скакал быстро, неровно, и моя юная, моя многострадальная мать пахала землю своим животом*. Т. В. Доронина. Дневник актрисы. 1996-1997; *Конечно, у тебя ведь не было отца-алкоголика, твоя мать не пахала, как лошадь, на трех работах, не вертелась, как белка в колесе*. С. А. Самсонов. Аномалия Камлаева. 2006–2007). В дни войны и времена лишений женщины впрягались в плуг, чтобы, распахав поле, засеять его. В основе такой метафоры первоначально находится метонимический перенос.

Заключение

Анализ научной литературы и языкового материала показывает преемственность теоморфных образов, восходящих к первоначальному культу Великой Богини-матери. Одним из древних богинь земли и урожая была Макошь (Мокошь), скрывающая в своем имени корень *ма* «мать». В период двоеверия это имя было изменено, получив новую форму – *Параскева-Пятница*. В пятницу, считалось, нельзя пахать землю: пятница была днем древней богини Макоши. След связи с землей сохраняет появившееся позже имя *мать-сыра-земля* – табуированная форма, используемая народом, чтобы обозначить прежде сакральный образ Богини, олицетворявшей предков. XX – XXI вв. этот образ стали обозначать словом Родина.

Когнитивная модель «мать – земля/ нива/ пашня» последовательно реализуется в ряде метафор: «мать – жница», «отец – сеятель», «работа – пахота», «война – сбор урожая». XX в. показывает размытость гендерных границ, когда фиксируется расширение смыслов этой метафоры: «родители – сеятель», «родители – пахари» (*нива просвещения*), «отцы и сыновья – жнецы на *поле битвы*» (*поле сражения*). Женский труд в русской лингвокультуре описывается тремя типами земледельческих метафор: «женщина-мать – пашня», «женщина-мать – пахарь», «женщина-мать – лошадь/ тягловое животное».

Литература

Белова О.В., Виноградова Л.Н., Топорков А.Л. Земля // Славянские древности. Москва: Международные отношения, 1999. Т. II. С. 315–321.

Богиня-мать // Мифы народов мира: энциклопедия. Электронное издание / Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская Энциклопедия, 2008. 1147 с. С. 148–149.

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков: Епархиальная тип., 1916. Том 1. 376 с.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Мокошь // Мифы народов мира. Москва: Советская энциклопедия, 1980. С. 683–684.

Ибраимова Г.О. Символические признаки макроконцепта *мать* // Символы лингвокультуры в аспекте когнитивной лингвистики: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург, 2020. С. 30–39. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 25).

Ибраимова Г.О. Структурные особенности символического макроконцепта *мать*: от первопризнака до символа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 3. С. 782–789.

Капица Ф.С. Тайны славянских богов. Москва: РИПОЛ классик, 2007. 416 с.

Найдыш В.М. Археология мифа (мифотворчество в его историческом развитии) // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». 2022. №1. С. 13–31.

Пименова М.В. Мифологемы в гендерном аспекте // *Mentalität. Konzept. Gender.* Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. S. 204–219. (Reihe “Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik”. Bd. 7).

Пименова М.В. Антропологическая лингвистика: мифологемы в гендерном аспекте // Антропология языка: сб. статей / отв. ред. С.Р. Омельченко. Москва: Флинта; Наука, 2010. Вып. 1. С. 103–117.

Пименова М.В. Концептуальные исследования в современной лингвистике (на примере ландшафтных концептов): монография / М.В. Пименова, Ж.Ж. Капенова. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2016. 152 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 6).

Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки: монография. М.: ИНФРА-Москва, 2018. 355 с. (Научная мысль).

Пименова М.В. Соотношение терминов *мифологема* и *символический макроконцепт* // Лингвистика и литературоведение на переломе тысячелетий. Атырау: Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, 2020. С. 130–133.

Пименова М.В., Мошина Е.А. Мифологема *Мать-сыра-земля* в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. 2021, № 3. С. 138–151.

Рыбаков Б.А. Макошь // Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. Москва: Наука, 1981. – 606 с.

Ставицкий А.В. Миф в историческом поле культуры: психологический аспект // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 413–417.

Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Москва: АН СССР, 1959. 215 с.

References

Belova O.V., Vinogradova L.N., Toporkov A.L. Earth // *Slavic Antiquities.* Moscow: International Relations Publ, 1999, T. II, Pp. 315–321. (In Russian).

Mother Goddess // Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 2008, Pp. 148–149. (In Russian).

Gal'kovskij N.M. The Struggle of Christianity with the Remnants of Paganism in Ancient Russia. Har'kov, 1916, T. 1, 376 p. (In Russian).

Ivanov V.V., Toporov V.N. Mokosh // Myths of the Peoples of the World. Moscow, 1980, Pp. 683–684. (In Russian).

Ibraimova G.O. Symbolic Signs of the Macroconcept *Mother* // Symbols of Lingoculture in the Aspect of Cognitive Linguistics: Collection of Scientific Articles. St. Petersburg, 2020, Pp. 30–39. (Series "Conceptual Research". Issue 25).

Ibraimova G.O. Structural Features of the Symbolic Macroconcept *Mother*: from the First Sign to the Symbol // Bulletin of the Kemerovo State University, 2021, T. 23, no. 3, Pp. 782–789.

Kapica F.S. Secrets of the Slavic Gods. Moscow: RIPOL classic Publ., 2007, 416 p. (In Russian).

Naydysh V.M. Archeology of Myth (Myth-making in Its Historical Development) // Mythologos. Series "Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology". 2022, №1, Pp. 13–31. (In Russian).

Pimenova M.V. Mythologemes in Gender Aspect // Mentalität. Konzept. Gender. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. Pp. 204–219. (Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik". Bd. 7). (In Russian).

Pimenova M.V. Anthropolinguistics: Mythologemes in the Gender Aspect // Anthropology of Language / otv. red. S.R. Omel'chenko. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2010, Vol. 1. Pp. 103–117. (In Russian).

Pimenova M.V. Conceptual Research in Modern Linguistics (on the Example of Landscape Concepts) / M.V. Pimenova, Zh.Zh. Kapenova. Sankt-Peterburg: SPbGEU Publ., 2016. 152 p. (In Russian).

Pimenova M.V. Ethnohermeneutics of the Russian Fairy Tale. Moscow: INFRA-M Publ., 2018. 355 p.

Pimenova M.V. Correlation of the terms *mythologeme* and *symbolic macroconcept* // Linguistics and literary criticism at the turn of the millennium. Atyrau, 2020, 356 p., Pp. 130–133. (In Russian).

Pimenova M.V., Moshina E.A. Mythology *Mother-wet-earth* in the Russian Language Picture of the World // Liberian Journal of Philology. 2021, № 3. Pp. 138–151. (In Russian).

Rybakov B.A. Makosh' [Makosh] // Rybakov B.A. Yazychestvo drevnih slavyan [The Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 606 s. (In Russian).

Stavitskiy A.V. Myth in the Historical Field of Culture: Psychological Aspect // Myth in History, Politics, Culture: Collection of materials of the II International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2018, Sevastopol). Sevastopol': Blanch MGU, 2018. 600 p. Pp. 413–417. (In Russian).

Trubachev O.N. Universal (Ideological) Functions of Myth. Moscow: AN SSSR Publ., 1959. 215 s. (In Russian).

Сведения об авторах:

Пименова Марина Владимировна

Ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тян-Шанского», доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: MVPimenova@yandex.ru
orcid: <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>

Ибраимова Гульсайра Озгонбаевна

Зав. кафедрой переводоведения ИМиЛ, Киргизский государственный университет им. И. Арабаева, кандидат филологических наук, доцент (г. Бишкек, Республика Кыргызстан).

gulsara25089@yandex.ru
orcid: <https://orcid.org/0000-0002-9458-2181>

Bionotes:

Pimenova Marina V.

Rector of the ANO VO "International Humanitarian University named after P.P. Semenov – Tyan-Shansky", Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia).

Gulsaira O. Ibraimova

Head Department of Translation Studies IMIL, Kirghiz State University named after I. Arabaev, candidate of Philology, associate professor (Bishkek, Republic of Kyrgyzstan).

Для цитирования:

Пименова М.В., Ибраимова Г.О. Когнитивная модель «мать – земля/ нива/ поле» и способы ее актуализации // МИФОЛОГОС. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». № 2 (6), 2023. С. 102–143.

For citation:

Pimenova M.V., Ibraimova G.O. Cognitive Model "Mother – Earth/Floor/Field" and Ways of its Actualisation // MYTHOLOGOS. Series "Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies". № 2 (6), 2023. Pp. 133–143.

АРХЕТИПЫ И ЭВОЛЮЦИЯ

УДК 7.046.1

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АРХЕТИПА ГЕРОЯ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Резвушкина Софья Александровна
Южно-Уральский государственный университет
(г. Челябинск, Россия)

Аннотация

В статье ставится вопрос о значении феномена героя в современной массовой культуре. Автор приходит к выводу, что глобализационные процессы делают архетипическую фигуру современного героя более сложной и востребованной, но при этом сохраняющей за собой все инициационные и индивидуационные функции, присущие архаичной мифологеме.

Ключевые слова: миф, герой, архетип, современность, массовая культура.

MYTHOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE HERO ARCHETYPE IN MODERN MASS CULTURE

Resvushkina Sofia Aleksandrovna
South Ural State University
(Chelyabinsk, Russia)

Abstract

The article raises the question about the significance of the phenomenon of the hero in modern mass culture. The author concludes that globalization processes make the archetypical figure of the modern hero more complex and demanded, but at the same time it continues to keep all initiation and individuation functions peculiar to the archaic mythologem.

Key words: myth, hero, archetype, modernity, mass culture.

Введение

Точкой безусловного схождения большинства наук, задействующих мифологию в качестве объекта исследования, является тот аксиоматический факт, что миф сопровождает человека на протяжении почти всей его истории. Исследования в области компаративистской мифологии убедительно демонстрируют, что мифы в сути своей гомогенны. Следует при этом оговориться, что известная вариативность обусловлена исключительно климатическими и экономическими условиями, но на более глубоком уровне все мифы родственны и восходят к архетипам коллективного бессознательного.

В современных исследованиях архетип представляет собой обладающую устойчивой структурой образную модель, сформировавшуюся на определенном этапе культурного развития и отражающей специфику данного этапа. К.Г. Юнг определял архетипы как априорно формирующие представления человека схемы, которые определяет бессознательное. По его мнению, они проявляются в бытии человека в связи с мифами, воспроизводя их более или менее полно [Юнг, 2020:

11]. Архетипы также представляют собой мобильную единицу репрезентации актуальных потребностей, что позволяет ему воссоздать образ человека в его экзистенциальной целостности [Агранович, Саморукова, 2001: 10]. На сегодняшний день, пожалуй, одним из наиболее представленных в массовой культуре архетипов является архетип героя. Он широко представлен в таких аспектах современной массовой культуры как литература, кино, брендинг, мода [Миляева, Сулейманова, 2021: 24–30] и т.д.

Литературный обзор

Говоря об изучении архетипа героя и героического и их репрезентации в массовой культуре, необходимо отметить исследование Т. Карлейла «Герои, почитание героев и героическое в истории», которая посвящена «культу героического» и его становлению в истории [Карлейль, 2008]. В качестве второго всеобъемлющего компендиума этого архетипа можно назвать монографию Дж. Кэмпбелла «Тысячеликий герой». Изучив огромный массив героических мифов, автор пришёл к выводу, что они имеют общую сюжетную структуру. Кэмпбелл обозначил её термином «мономиф» и концептуализировал как секвенцию обязательных действий для прохождения индивидом «пути героя» [Campbell, 2008: 23]. Конечно, обстоятельства этих действий могут варьироваться в зависимости от региона, но сам нарратив остаётся универсальным и представляет собой в преувеличенном виде все обряды перехода. Согласно Кэмпбеллу, во время своего путешествия герой проходит сепаративную, лиминальную и конечную стадии, внутри которых вариативно реализуются отдельные сюжеты-фазы. Следует сразу оговориться, путь героя предусматривает обязательное прохождение всех стадий, но количество фаз внутри каждой из них может быть разным.

Концепция мономифа имеет некоторое родство с «Морфологией волшебной сказки» В.Я. Проппа, где он также описывает наиболее обязательные функции для развития сюжета [Пропп, 2021]. Основные структурологические идеи В.Я. Проппа развил в своей статье «Do it with Propp» его ученик И.И. Земцовский [Земцовский, 2015: 70-72]. Чрезвычайно показательно, что «Тысячеликий герой», «Морфология волшебной сказки» и «Do it with Propp» используются в качестве руководства деятелями крупнейшей «фабрики мифов» XX века – Голливуда [Ерёмина, 2021: 28]. На основании отдельных фильмов, книг или комиксов создаются целые киновселенные, посвященные героическим сагам: «Мстители», «Звёздные войны», «Ведьмак», «Гарри Поттер», «Властелин колец», «Стражи Галактики» и многие другие... Строго говоря, список героических **фандомов** современной массовой культуры, сорвавших колоссальный финансовый куш посредством кинопроката, продаж книг или тематических товаров можно продолжать практически бесконечно. В этой связи возникает вопрос: каковы философско-антропологические основания такого усиления значения феномена героики в современной массовой культуре?

Методы

Для начала необходимо сделать небольшую методологическую оговорку: концепт современности здесь используется в том значении, каким он был определён для философско-гуманитарного дискурса А.В. Павловым. Согласно его теории, «онтология современности зарождается в индивидуальном бытии человека» [Павлов, 2013: 8] и имеет строгую привязку к понятию как картезианское *cogito* субъекту. Таким образом, современность выстраивается посредством полилогического создания гибкой социальной матрицы

экзистирующими в одном хронологическом промежутке индивидами и рефлектирующими его. Удачнее всего эту теорию объясняет Я.В. Мальцев, говоря, что подход к современности как к «полилогической субъективности» позволяет избежать множества ловушек линейно-календарного времени и выстраивать темпоральность процессов из социально-исторических явлений [Мальцев, 2016: 141].

Вторым заявленным методологическим основанием является использование философско-антропологического подхода. Этот метод фиксирует позицию человека как нечто большего, чем продукт социально-культурной ситуации и социальных паттернов. Человек с позиции философской антропологии это тот, кто имеет потребность посредством своей деятельности реализовать фундаментальные особенности бытия, и, следуя имманентным антропологическим константам достичь способности к подлинному здесь-бытию.

Результаты и обсуждение

Далее необходимо обратиться к историко-мифологическим основаниям феномена героики. В первобытнообщинные времена мифотворчества человек в процессе экзистенции осознавал непреложность существования двух полярных вещей – долговечности общественного порядка и смертность всего сущего [Кэмпбелл, 2019: 36]. Миф становился для него *axis mundi* между жизнью и смертью и воспринимался как онтоисторический нарратив. В этой оптике герой – это тот, кто находится в постоянном метаксисе – «движении между (противоположными) полюсами: не бинарность, как и разделяющий их континуум, не равновесие, но маятник, качающийся между различными крайностями» [Вермюллен, ван дер Аккер, 2019: 63]. Таким образом, фигура героя обеспечивает космический порядок этой **репрезентации** и, т.о. становится гарантом онтологической стабильности.

При этом А.М. Лобок отмечает, что корпус героических мифов фундирован в телесном бытии человека. Являясь сугубо мужским социальным конструктом, феномен героики и сам путь героя очень тесно сопряжён с понятием инициации, во время которой будущий мужчина сепарировался от основного сообщества, проходил лиминальную стадию, связанную с тяжелыми физическими и психическими испытаниями и завершающуюся символической смертью. Целью героических мифов в этой оптике является предложение некоторых прескрипций, придерживаясь которых человек успешно встраивается в социум и конструирует своё дальнейшее бытие в нём продуктивно и конструктивно [Лобок, 1997: 227–273]. Такой подход не вступает в противоречие с позицией Р. Мэя, который определял мифы как «повествовательные модели», которые придают смысл человеческому существованию» [May, 1991: 15]. Согласно его концепции, мифы имеют 2 функции: регрессивную – осознание подавленных архаических побуждений и прогрессивную – проработку личных проблем с помощью архетипов на более высоком уровне обобщения.

Если внимательно взглянуть на фигуры героев в современной массовой культуре, то в их функционале почти ничего не меняется. При этом периодическое усиление того или иного аспекта мифа маркирует социокультурную доминанту общества. Например, акцент на богах и героях как на личностях, наделённых амбивалентными чертами и личными слабостями характерен для архаичных эпох, где роль харизматического лидера в жизни племени была решающей [Фрэйзер, 1990: 50]. С усложнением социальной структуры общества усложняется и траектория

метаксиса героя. Так, Р.Т. Алиев отмечает, что современный герой комиксов за счёт своей комьютеризованности телесно однозначно маркируется как Другой/Чужой, однако при этом он сохраняет в себе черты обывателя [Алиев, 2015]. Его Другость/Чуждость в большинстве случаев является результатом экзогенного воздействия, в котором можно проследить отголоски инициационных практик (Халк, Капитан Америка, Доктор Стрендж, Гарри Поттер). Лишь в редких случаях герой заведомо чужд тому бытию, в которое он «заброшен», но при этом он обладает чертами, присущими типичному представителю окружающего сообщества за счёт чего легко в него интегрируется. В качестве примера таких героев могут быть названы Тор, Смерть из романов Т. Пратчетта, персонажи книги Н. Геймана «Американские Боги» и многие другие. Так же интересно, что в образах современных героев прочитываются и отдельные черты архетипа трикстера, что делает эту фигуру более аттрактивной и лабильной, а также отвечает запросу времени на креативность – блестящую черту «божественного дурака» [Корнилова, Кузнецов, 2022].

Здесь следует особо подчеркнуть, что героические мифы прошлого имеют одну и ту же возрастную категорию зрителей, то и мифы настоящего – они ориентированы на подростков в возрасте от 12 до 18 лет, то есть на тех, кто уже вступил в возраст инициации. Это важно, потому что герои, описанные в мифах, равно как и герои современных комиксов и киноэпопей транслируют сюжеты, связанные с индивидуацией и изменением своего социального статуса через ряд инициационных испытаний. И принципиальная Другость/Чуждость героя в этой оптике органично ложится на самоощущение среднестатистического подростка, переживающего процесс становления индивидуации в условиях повышенной психической лабильности [Баркова, 2019: 71].

Самоотождествление себя с героем посредством активного участия в инициационных обрядах прошлого сменило интерпассивное прохождение того же пути [Резвушкина, 2023: с]. На сегодняшний день мы имеем дело с поколением, которое в условиях весьма сжатого время прошло «путь героя» вместе с Гарри Поттером или Питером Паркером и получило сходный бэкграунд, который стал основанием для индивидуации и последующей статусной трансгрессии. Постепенно, этот процесс разрастается в отдельный виртуальный мир кино, игр и комиксов, где кросс-культурный и гендерно-нейтральный пастиш глобального дискурса вынужденно формирует образ максимально нейтрального героя. При этом следует отметить, что характерный процесс анонимизации героя сопряжён с кросс-культурной диффузией конца XIX и начала XX вв. [Алиев, 2015]. Описанный в популярных тогда pulp-fiction изданиях этот новый, глобальный герой представлял собой нечто вроде ницшеанского Сверхчеловека, не привязанного ни к нации, ни к идее, но по мере технологизации общества, щедро приправляемого идеями трансгуманизма.

За счёт трансформации самого образа героя в массовой культуре изменяется и его «зона ответственности». В первобытнообщинные времена миф о герое обеспечивал общую метафизическую стабильность отдельно взятого племени. В средневековье, в условиях монотеизации религии с параллельной монополизацией власти те же персонажи несли на себе бремя надзирательно-исполнительных органов Бытия. А уже к Новому времени, согласно Гегелю такого рода герои воплощают в себе идею национального духа, а зона его метаксиса – потребности национального сообщества. Дальше – больше: «призвание всемирно-исторических

личностей заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа» [Гегель, 1935: 30]. Можно сказать, что Гегель одним из первых обосновывает глобализацию феномена героики и предвосхищает его развитие в условиях кросс-культурной диффузии. Интересно, что зона влияния героев прошлого распространялась лишь на Ойкумену и увеличивалась пропорционально приросту этнографических и географических познаний человечества. Иными словами, если Одиссей заведовал благополучием достаточно небольшой Итаки, то Супермен беспрестанно сражается на галактических рубежах с ксеносами более высокого порядка [Laudi, 2018: с. 13]. Получается, что типичный представитель сообщества героев современной массовой культуры несёт ответственность за существование целой Вселенной. Эта тенденция маркирует глобализационный характер современной массовой культуры и потребность в интеграции индивидов не сколько в локальное, сколько в мировое сообщество с последующим ощущением собственной ответственности за него.

Выводы

Один из ключевых российских мыслителей сегодняшнего дня, А.Г. Дугин считает, что современная культура утратила измерение героики и это носит поистине судьбоносный характер. Согласно его мнению, конец рождения новых героев и прекращение инициаций во многих культурах описывается как начало Конца Времен – последнего эсхатологического зона. Он характеризуется ощущением радикального несогласия с онтологическим контекстом собственного Бытия, оторванного от любого сакрального, а стало быть, стабильного основания [Дугин, 2013: 395]. Позволим себе не согласиться с суждением Дугина. Современные герои и современные инициации не утратили своей актуальности, поскольку героизация является в какой-то степени антропологической константой, имманентной человеку. Однако, сам характер героя и инициации трансформировался за счёт цифровых практик и современная героика по большей части вытеснена в сферу виртуального и реализуется интерпассивно. Герой является наиболее встречаемой в массовой культуре фигурой. И этот бессознательно узнаваемый подростками архетип, будучи помноженным на вариативность и тиражированность, позволяет молодым людям по всему миру проживать универсальные инициационные обряды и формировать героическое комьюнити периода глобального метаксиса.

Литература

Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. Самара: Самарский университет, 2001. 132 с.

Алиев Р.Т. Комиксный герой как отражение неомифологической парадигмы американской массовой культуры: 1929-2012 г.: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 24.00.01 / Алиев Растям Туктарович; [Место защиты: Астраханский государственный университет]. Астрахань, 2015. 185 с.

Баркова А.Л. Подросток. Исполн. Регресс: Три лекции о мифологических универсалиях. Москва: Группа Компаний РИПОЛ классик / «Панглосс», 2019. 223 с.

Гегель, Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Сочинения в 14-ти т. Т. 8. Москва, Ленинград: Соцэкгиз, 1935. 468 с.

Дугин, А.Г. В поисках тёмного логоса (философско-богословские очерки). Москва: Академический Проект, 2013. 515 с.

Еремина, В.И. В.Я. Пропп – взгляд в будущее // Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Санкт-Петербург: Питер, 2021. 256 с.

Земцовский, И.И. Do it with Propp // Учёные записки Петрозаводского университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015, №5 (150). С. 70–72.

Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. Москва: Эксмо. 2008. 865 с.

Корнилова Е.Н., Кузнецов А.С. Архетип в коммуникации: образ трикстера в современных масс-медиа // Мифологос. 2022, №3. С. 155–167. DOI: 10.35103/SMSU.2022.50.85.041

Кэмпбелл Дж. Мифы для жизни. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 384с.

Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.

Мальцев, Я.В. Концепт «Современность» в философско-гуманитарном дискурсе // Вестник РХГА. 2016, №2. С. 136–142.

Вермюлен, Т, ван ден Аккер, Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. Москва: РИПОЛ классик, 2019. 494 с.

Миляева, Е.Г., Сулейманова, С.А. Жизненный путь человека-бренда как мономиф: Философско-антропологический этюд // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. С. 24-30. DOI: 10.35103/SMSU.2021.82.37.002

Павлов, А. В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности // Социум и власть. 2013, № 1 (39). С. 5–14.

Пропп, В. Морфология Волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки; Русский героический эпос. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 1168 с.

Резвушкина, С.А. Видеоигры как цифровая попытка прикоснуться к мифологическому // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. №1. С. 196–216.

Фрэзер, Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете. Москва: Политиздат, 1990. 542с.

Юнг, К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. Москва: АСТ, 2020. 223 с.

Campbell, J. The Hero with Thousand Faces Publ.. New York: New World Library, 2008. 418 pp.

Cassar Laudi, M. Mythologisation of Superman: an exploration of the persisting modern myth and its function . [Электронный ресурс]. URL: <https://www.um.edu.mt/library/oar/handle/123456789/34829> (дата обращения: 10.07.2023). DOI: 10.46539/gmd.v5i1.329

May R. The Cry for Myth. New York: W. W. Norton Publ., 1991. 320 p.

References

Agranovich S.Z., Samorukova I.V. Duality. Samara: Samara University Publ., 2001. 132 p. (In Russian).

Aliev R.T. Comic Hero as a Reflection of the Neomythological Paradigm of American Mass Culture: 1929–2012: dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences: 24.00.01 / Aliev Rastim Tuktarovich; [Place of Defence: Astrakhan State University]. Astrakhan, 2015. 185 p. (In Russian).

Barkova A.L. Teenager. Giant. Regress: Three Lectures on Mythological Universals. MOSCOW: Group of Companies "RIPOL Classic" / "Pangloss" Publ., 2019. 223 p. (In Russian).

Campbell J. The Hero with Thousand Faces. New York: New World Library Publ., 2008 418 p.

Campbell J. Myths for Life. St. Petersburg: Peter Publ., 2019. 384 p. (In Russian).

Carlyle T. On Heroes, Hero-Worship, and the Heroic in History. Moscow: Eksmo Publ. 2008. 865 p. (In Russian).

Cassar Laudi M. Mythologisation of Superman: an Exploration of the Persisting Modern Myth and its Function. [the Digital Resource]. URL: <https://www.um.edu.mt/library/oar/handle/123456789/34829> (accessed: 10 July 2023). DOI: 10.46539/gmd.v5i1.329

Dugin A.G. In Search of Dark Logos (Philosophical and Theological Essays). Moscow: Academic Project Publ., 2013. 515 p. (In Russian).

Eremina V. I. V.Ya. Propp – a Look into the Future // Propp V.Ya. Morphology of the Magic Fairy Tale. St. Petersburg: Peter Publ., 2021. 256 p. (In Russian).

Fraser J.J. Folklore in the Old Testament. Moscow: Politizdat Publ., 1990. 542 p. (In Russian).

Hegel G.W.F. Philosophy of History // Hegel G.W.F. Works in 14 vol. Vol. 8. Moscow, Leningrad: Sotsekgiz Publ., 1935. 468 p. (In Russian).

Jung C.G. Archetypes and Collective Unconsciousness. Moscow: AST Publ., 2020. (In Russian).

Kornilova E.N., Kuznetsov A.S. Archetype in Communication: the Image of the Trickster in Modern Mass-media // Mythologos. 2022, №3. Pp. 155–167. DOI: 10.35103/SMSU.2022.50.85.041 (In Russian).

Lobok A.M. Anthropology of Myth. Ekaterinburg: Bank of Cultural Information Publ., 1997. 688 pp. (In Russian).

Maltsev Y.V. Concept "Modernity" in Philosophical and Humanitarian Discourse // Bulletin of RChHA. 2016, №2. Pp. 136–142. (In Russian).

May R. The Cry for Myth. New York: W. W. Norton Publ., 1991. 320 p.

Milyaeva E.G., Suleymanova S.A. Life Path of a Man-brand as a Monomyth: Philosophical and Anthropological Etude // Myth in History, Politics, Culture [Digital Resource]: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2021, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2021. Pp. 24–30. DOI: 10.35103/SMSU.2021.82.37.002 (In Russian).

Pavlov, A. V. Notes on Modernity and Subjectivity. Criteria of Modernity // Society and Power. 2013, № 1 (39). Pp. 5–14. (In Russian).

Propp, V. Morphology of the Magic Tale; Historical Roots of the Magic Tale; Russian Heroic Epic. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus Publ., 2021. 1168 pp. (In Russian).

Resvushkina, S.A. Videogames as a Digital Attempt to Touch the Mythological // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. №1. Pp. 196–216. (In Russian).

Vermeullen, T, van den Akker, R. Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism. Moscow: RIPOL Classic Publ., 2019. 494 pp. (In Russian).

Zemtsovsky, I.I. Do it with Propp // Academic Notes of Petrozavodsk University. Series of Social Sciences and Humanities. 2015, №5 (150). Pp. 70–72. (In Russian).

Сведения об авторе:

Резвушкина Софья Александровна

младший научный сотрудник научно-образовательного центра практической и прикладной философии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Россия).

E-mail: Finntundra@gmail.com

Bionotes:

Resvushkina Sofia Aleksandrovna

Junior Research Associate at the Research and Education Centre for Practical and Applied Philosophy of the Institute of Media and Socio-Humanitarian Sciences, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia).

Для цитирования:

Резвушкина С.А. Мифологические и философско-антропологические основания архетипа героя в современной массовой культуре // МИФОЛОГОС. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». № 2 (6), 2023. С. 144–151.

For citation:

Revzvushkina S.A. Mythological and Philosophical-anthropological Bases of the Hero Archetype in Modern Mass Culture // MYTHOLOGOS. Series "Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies". № 2 (6), 2023. Pp. 144–151.

УДК 101.1:304

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НОСТАЛЬГИИ¹

Иванов Андрей Геннадиевич

Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал)
(г. Липецк, Россия)

Аннотация

В статье рассматривается распространенное определение феномена ностальгии и оценивается его место в системе современной социальной мифологии. Последовательно показывается связь ностальгии с компонентами онтологической, гносеологической, аксиологической и пракиологической частей социальной мифологии. Делается предположение, что выделенные С. Бойм реставрирующее и рефлексирующее измерения ностальгии соотносятся, соответственно, с процессами мифотворчества и мифологизации. На примере советской ностальгии демонстрируется пракиологическое измерение мифа. Отмечается, что особенности ностальгии по советскому прошлому, (объектализм, материализация), позволяющие с нового ракурса взглянуть на современные мифоритуальные практики, наполненные аффектами, обостренным чувством идентификации с советским прошлым, хранящимся в памяти соответствующих поколений. Делается вывод, что обозначенные линии сравнения ностальгии и мифа позволяют говорить о том, что ностальгия заслуживает того, чтобы считаться одной из атрибутивных характеристик современной социальной мифологии. Однако, дальнейшие исследования на этом поле потребуют не только глубокого анализа взаимосвязи соответствующих феноменов, но и опоры на дополнительные теоретические положения.

Ключевые слова: ностальгия; система современной социальной мифологии; мифотворчество; мифологизация; постсоветская ностальгия.

THE MYTHOLOGICAL DIMENSION OF NOSTALGIA

Ivanov Andrey Gennadievich

Saratov State University, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch) (Lipetsk, Russia).

Abstract

The article examines the widespread definition of the phenomenon of nostalgia and assesses its place in the system of modern social mythology. The connection of nostalgia with the components of the ontological, epistemological, axiological and praxiological parts of social mythology is consistently shown. It is assumed that the restorative and reflective dimensions of nostalgia highlighted by S. Boym correspond, respectively, to the processes of myth-making and mythologization. The praxiological dimension of the myth is demonstrated by the example of

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Soviet nostalgia. It is noted that the features of nostalgia for the Soviet past (objectalism, materialization), allow us to look from a new perspective at modern mythological practices filled with affects, an acute sense of identification with the Soviet past, stored in the memory of the respective generations. It is concluded that the indicated lines of comparison of nostalgia and myth suggest that nostalgia deserves to be considered one of the attributive characteristics of modern social mythology. However, further research in this field will require not only a deep analysis of the relationship of the relevant phenomena, but also reliance on additional theoretical provisions.

Keywords: nostalgia; the system of modern social mythology; myth-making; mythologization; post-Soviet nostalgia.

«Can you remember, remember my name
As I flow through your life?
A thousand oceans I have flown
And cold spirits of ice,
All my life
I am the echo of your past»

Иэн Гиллан, «Deep Purple» («Perfect Strangers», 1984)

Введение (Introduction)

Не знаю, повезло мне, или нет, но я всю жизнь живу на одной территории: в городе Липецке или в окрестностях. Я знаю, что в любой момент могу позволить себе сходить в те места, где прошло мое детство и юность: детский садик, школа. Знание того, что буквально в течение получаса ходьбы или езды ты можешь оказаться там, дает ощущение неразрывной связи с прошлым. Естественно, что большинство детских ярких впечатлений было связано с родным городом: отмечания 9 мая на площади Героев; посещение чешского Лунапарка, располагавшегося у дворца спорта «Звездный» и многое другое.

Примечательно и то, что все эти события пришлось преимущественно на период существования Советского Союза. Я прекрасно помню те времена и, конечно, те пространства, оказываясь в которых сегодня и обнаруживая то, как кардинально они видоизменились, пытаешься разобраться с феноменом ностальгии, так сказать, на собственном примере. Ностальгия – это что? Память и тоска об ушедших временах, пространствах, людях, сообществах, государственных образованиях, или что-то другое? Как ностальгия может быть связана с мифом?

Наша цель – лишь наметить векторы, линии связи ностальгии и мифа: показать, на какое место ностальгия сегодня претендует в системе современной социальной мифологии. Попытаться подойти к вопросам, с ностальгией ли современное цифровое российской общество воспринимает советское прошлое, и – если да – то какова природа такой ностальгии. И можно ли вообще рассматривать феномен ностальгии в качестве атрибутивной характеристики современной мифологии?

Методы (Methods)

Ранее [Иванов 2019] мы применили системный подход к изучению современной социальной мифологии, выделив несколько частей – онтологическую (состоит из таких элементов как представления о времени, пространстве, части и целом, причинно-следственной связи), гносеологическую (включает мифологическое сознание, мифопоэтическое мировосприятие, мифомышление),

аксиологическую (к ней относятся идентификация, вера, представления о сакральном и профанном) и праксиологическую (охватывает разнообразные мифологические повествования, ритуалы). Такое – системное – рассмотрение мифа представляется нам достаточно удобной рамкой для разговора о феномене ностальгии. Тем более, что понятие ностальгии пока еще не получило развернутого социально-философского обоснования, а фактически единственным автором, который придавал исследованиям ностальгии концептуализированный вид, была С. Бойм, в работах которой, впрочем, линии теоретизирования были намечены в основном схематично. В частности, автор, предварив свое повествование о ностальгии историческим контекстом, в котором были упомянуты многие фигуры – от создателя термина, швейцарского врача И. Хофера и романтиков начала XVIII в. до литераторов и социологов XIX–XX вв., – выписывает следующее заключение: «К сожалению, я не могу предложить лекарство от ностальгии, хотя опиум, пиявки и поездка в Альпы могут помочь на первых порах. Я могу только описать историю болезни и предложить ее условную классификацию. Тоскование – человечно и потому неизлечимо. “Алгия”, тоскование как таковое, сближает нас друг с другом. Проблема в “ностосе” – понятии дома, которое делит нас на своих и чужих. Как соседи на коммунальной кухне, мы спорим о том, кто не погасил свет в местах общего пользования и кто первым заварил кашу. Мы создаем разные сюжеты о потерянном доме и ищем виноватых. Можно условно выделить два ностальгических сюжета – реставрационный и иронический (рефлектированный). Реставрационная ностальгия ставит акцент на “ностос” – дом и пытается восстановить мифический коллективный дом. Рефлектированная ностальгия размышляет об “алгии”, тосковании как таковом. Два типа ностальгии могут использовать одни и те же детали и элементы памяти, но создают из них резко отличающиеся истории» [Бойм 2022: 310].

Как С. Бойм выделяет два измерения ностальгии – рефлексирующее и реставрационное – тем самым, предлагая оценивать феномен ностальгии как состоящий, как минимум, из двух частей; так и мы, рассматривая современный миф, выделяем в нем две уровня – «архаический» и «конъюнктурный» («инструментальный»). Далее мы покажем, что такое двухчастное деление ностальгии корреспондирует с характеристиками мифологического сознания, включающего как процессы мифологизации, так и процессы мифотворчества. Исследователи [Будрайтскис 2019; Николаи 2022], оценивая концепцию С. Бойм, склонны полагать, что автор считает рефлексирующую ностальгию хорошей, не имеющей социально-политические претензии, а реставрационную – плохой, которой следует избегать. Кажется, такое отношение можно перенести на процессы мифологизации и мифотворчества и усматривать в работе творцов мифов исключительно негативные составляющие, но, что касается «работы мифа», а также измерений «конъюнктурного» уровня мифа, то далеко не все там следует трактовать однозначно. В частности, мобилизационный потенциал мифа, реставрирующей ностальгии может быть использован для выполнения конструктивных функций.

Литературный обзор (Literature Review)

В поисках определения понятия «ностальгии» будем и далее руководствоваться ставшими уже классическими работами американской исследовательницы советского происхождения С. Бойм.

В добавленной специально для русского издания части «Искусство забывания и ностальгии» книги «Общие места. Мифология повседневной жизни» С. Бойм поясняет свое определение ностальгии, оценивая постсоветское общество начала 2000-х годов:

«Ностальгия – это меч с двойным лезвием: обещая деполитизацию, она становится любимым политическим оружием» [Бойм 2022: 305];

«Ностальгия – это попытка повернуть время вспять, преодолеть необратимость его течения, превратить историческое время в мифологическое пространство. Однако сама потребность в ностальгии исторична. Она может быть защитной реакцией, ответом на ломки переходного периода истории. Ностальгия ищет в прошлом той стабильности, которой нет в настоящем, тоскует о потерянных местных наречиях и медленном течении времени» [Бойм 2022: 307];

«Ностальгия – не враг современности, а ее составная часть. В XX веке ностальгия идет рука об руку с китчем. Ностальгия коммерциализируется и приватизируется, превращается в ассортимент сувениров, персонализированных на любой вкус» [Бойм 2022: 309].

В этих определениях просматриваются новые черты как реставрирующей ностальгии («любимое политическое оружие»), так и ностальгии рефлексивной («защитная реакция»), которая, впрочем, также может быть использована и в коммерческих интересах.

Конечно, ностальгия является универсальным явлением, получившим разную акцентуацию в национальных культурах. Так, тема рефлексивной ностальгии связана с саудаде [Тейшейра 2021], с румынским феноменом дор и т.п.

Показательны и характеристики рефлексивной ностальгии – ироничность, фрагментарность, персональность. То есть такой тип ностальгии принципиально не обладает целостностью, связан исключительно с собственными субъективными ощущениями, а также обладает эстетическим потенциалом, проявляющимся в сатирической форме посредством приема иронии как осмеяния, одной из форм отрицания: «Отличительный признак иронии – двойной смысл, где истинно не прямо высказанное, а противоположное ему, подразумеваемое; чем больше противоречие между высказанным и подразумеваемым, тем сильнее ирония. Осмеиваться может как сущность предмета, так и отдельные его стороны; характер иронии, объем отрицания неодинаков; в первом случае ирония имеет значение уничтожающее, во втором – корректирующее, совершенствующее (сатирическая и юмористическая ирония)» [Борев 2003: 171].

Особый интерес для современного российского общества вызывает советский период существования страны и соответствующая – постсоветская – ностальгия. О том, что граждане Российской Федерации с особыми чувствами относятся к советскому прошлому, свидетельствуют результаты многочисленных социологических опросов [см. напр.: 100 лет...]. Кроме того, феномен ностальгии по советскому позволит нам лучше понять праксиологическое измерение мифологии.

Дело в том, что в последнее время возникает буквально бум интереса к периоду существования СССР (особенно – позднего СССР): выходит множество тематических монографий [Архипова, Кирзюк 2020; Бойм 2022; Голубев 2022; Каспэ 2018; Михайлин 2017; Рейли 2015; Юрчак 2020], в которых антропологами, историками культуры, философами, политологами, социологами рассматриваются те или иные аспекты жизни людей в позднесоветский период, а также

соответствующие коммеморативные практики [Бордюгов 2022; Бубнов, Савельева 2022; Долгов 2023; Еремеева 2021; Линченко, Головашина 2022; Маслов 2022]. Издаются тематические сборники [Демонтаж коммунизма... 2023; Россия 2050... 2021] и спецвыпуски журналов (Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 6; Историческая экспертиза. 2022. № 4; Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2022. № 6), в которых демонстрируется самое разное отношение к периоду СССР.

Феномен ностальгии по советскому занимает в этом потоке исследований свое место, находясь в фокусе внимания многих специалистов [Абрамов, Чистякова 2012; Ассман 2019; Бойм 2021; Все в прошлом... 2021; Ушакин 2013; Anthropology and Nostalgia 2015; Kalinina 2014; Post-Communist Nostalgia 2010; Post-Soviet Nostalgia... 2019]. Отдельно, учитывая, что ностальгия есть, прежде всего, отношение к темпоральности, следует упомянуть интерес к советскому прошлому как к модусу времени. В определенном смысле такое отношение подтверждает идеи об «ускоренном пребывании в настоящем» [Люббе 2019], когда советское прошлое мифологизируется, идеализируется, коммерциализируется [Культ-товары... 2020; Линченко, Головашина, Аникин 2019] и, в конечном счете, претендует на то, чтобы быть фундаментом для потенциальной консолидации российского общества, содействуя, тем самым, мобилизационной функции мифа, которой ностальгия сама по себе не обладает.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Время и пространство, эти важнейшие онтологические характеристики, фактически оказываются ключевыми для осмысления феномена ностальгии. В данном отношении С. Бойм отмечает следующее: «На первый взгляд, ностальгия – это тоска по определенному месту, но на самом деле это тоска по другим временам – по времени нашего детства, по медленным ритмам наших мечтаний. В более широком смысле ностальгия – это восстание против модернистского понимания времени, времени истории и прогресса. Ностальгическое желание уничтожить историю и превратить ее в частную или коллективную мифологию, заново вернуться в другое время, будто вновь вернуться в какое-то место, отказ сдаться в плен необратимости времени, которая неизменно привносит страдание в человеческое бытие» [Бойм 2021: 18].

Борьба с историческим временем делает ностальгию подходящим инструментом для приобщения к мифу. О том, что мифологизация времени представляет собой попытку преодоления календарного, исторического времени, много размышлял М. Элиаде [Элиаде 2000], обращаясь к архаическим мифам. Отечественный исследователь Е.М. Мелетинский, делая обзор теорий мифа в своей известной работе «Поэтика мифа», позицию М. Элиаде определял как борьбу со временем, имея в виду профанное, историческое время. Он полагал, что М. Элиаде углубил представления Б. Малиновского о первобытной мифологической онтологии, показав, что в мифологии не только реальность, но и ценность человеческого существования определяется его соотносительностью с сакральным мифическим временем и «архетипическими» действиями сверхъестественных предков. «Вместе с тем, классифицируя мифы с точки зрения их функционирования в обрядах, Элиаде модернизировал мифологическое сознание, приписав ему не только обесценение исторического времени, но и известную целеустремленную борьбу с “профанным” временем, с историей, с временной необратимостью. В этом якобы и заключается главный смысл периодического

очищения и нового творения, вообще циклической регенерации в ритуалах. Элиаде настаивает, что коллективная память антиисторична, что она признает лишь категории и архетипы, а не исторические события и индивидов, поскольку индивид как бы связан с аутентичностью и необратимостью истории» [Мелетинский 2012: 62].

Отдельного внимания заслуживают обозначенные выше исследования попыток извлечь выгоду из ностальгических настроений рефлексивного свойства [Культ-товары... 2020; Линченко, Головашина, Аникин 2019]. Эти тренды наглядно иллюстрируются музыкой, которая как бы охватывает пространство и время: «...популярная музыка активно вовлечена в масштабные мемориальные и ностальгические процессы, которые исследователи диагностируют в популярной культуре XX века (прежде всего западной – европейской и американской)» [Колесник 2021: 287–288]. И Россия здесь не остается в стороне: стоит отметить очевидную популярность таких проектов как «Старые песни о главном», «Дисотека 1980-х» и т.п.

Рассматривая далее другие фундаментальные свойства бытия, отметим, что ностальгии имманентно присуща также диалектика части и целого, характерный для мифа взаимопереход целого и его частей, что проявляется в противопоставлении и одновременном сосуществовании ностальгии локальной и глобальной: «В XX веке тоска по прошлому становится определяющей метафорой, описывающей смысл ностальгии, что означало переход от её пространственной дислокации к временной. Современное понятие ностальгии используется в обоих смыслах: как персональная утрата идеализированного прошлого и тяга к нему, так и в качестве интеллектуально-эмоционального конструкта, искажающего публичную версию определенного исторического периода или определенной социальной формации прошлого» [Абрамов 2012: 7–8].

Однако важнейшее сходство было обнаружено нами при обращении к гносеологической части системы социальной мифологии, в частности, к характеристикам мифологического сознания. Дело в том, что данной форме общественного сознания «...присущи процессы, получившие названия мифотворчества (запечатление природного и человеческого бытия в виде мифов, построение мифических сюжетов) и мифологизации (наделение чего бы то ни было мифической образностью). Сложность их определения состоит в том, что оба процесса могут быть не только спонтанными (т.е. носить бессознательно самопроизвольный характер), но и осознанными, когда мифы генерируются целенаправленно» [Смирнов 2006: 31].

Соглашаясь, в целом, с приведенными определениями, заметим, что выделенные С. Бойм реставрирующее и рефлекслирующее измерения ностальгии соотносятся, на наш взгляд, соответственно, с процессами мифотворчества и мифологизации. Так, реставрирующей ностальгии сопутствуют две ключевых мифологических темы, и они связаны, прежде всего, с мифотворчеством: 1) возвращение к истокам (здесь задействован миф основания); 2) теория заговора и противопоставление сторон (здесь проявляется мифотворчество элит, возникают разные мифологии – для узкого круга и для широких масс, актуализируются архаические бинарные оппозиции). Рефлекслирующая же ностальгия соответствует практикам мифологизации, и здесь ироничность, фрагментарность, персональность как характеристики такой ностальгии вполне коррелируют с мифологизационными свойствами. В итоге получается, что «...бинарное противопоставление “плохой” и

“хорошей” ностальгии...» [Николаи 2022] оказывается созвучным, собственно, архаическому мифологическому делению чего бы то ни было на сакральное и профанное, которое сохраняется в специфических формах и в настоящее время.

В центре аксиологической части современной мифологии находятся идентификационные устремления. И для ностальгии процесс установления тождества с определенной социальной группой, историческим периодом – далеко не самый последний. Неслучайным является и то обстоятельство, что в качестве маркеров идентичности выступают такие лозунги как «рожденный в СССР», «мы из СССР» и т.п. И даже онлайн-сообщества имеют характерные названия. В этой связи важным фактором оказывается принадлежность к соответствующему поколению. Например – в контексте ностальгии по советскому прошлому – довольно интересными представляются ностальгические чувства «поколения X» (родившиеся примерно с 1965 по 1980 год), чье детство, юность и – у более старших представителей поколения – начало карьеры пришлось на период позднего Советского Союза. Они имели свой собственный доступ к советской реальности, что немаловажно для генерирования ностальгических процессов.

Наконец, в свете всего вышеизложенного, логично проиллюстрировать праксиологическое измерение мифа ностальгией по советскому прошлому.

Одни авторы выделяют аспекты постсоветской ностальгии: «Ностальгия по советскому исследуется активно и плодотворно, однако, на наш взгляд, упускается из внимания, что внутри этой ностальгии есть различные (хотя и взаимосвязанные) течения, которые условно можно обозначить как “социально-экономическое”, “ценностное” и “имперское”. Первое основано на чувстве утраты социально-экономических благ, связанных с достижениями “реального социализма” (например, уверенность в завтрашнем дне). Второе включает мотивацию ценностную, связанную по преимуществу с коммунистической идеологией, и ориентацию на такие утраченные ценности, как справедливость, равенство, “дружба народов”, уважение к труду, участие в борьбе за светлое будущее всего человечества. Наконец, “имперское” течение ностальгии по советскому акцентирует внимание на таких чертах воображаемого прошлого, как военная и политическая мощь СССР» [Рябов 2020: 32].

Другие авторы [Липовецкий, Михайлова 2021], например, переходят к конкретным примерам и отдельно обращают внимание на современную телевизионную культуру, где, в частности, позднесоветское прошлое претерпело существенные изменения, заключающиеся, прежде всего, в том, что ностальгия теперь приобрела новое качество и «...более не поддается описанию как ресторативная или рефлексивная... <...> Наиболее зримым воплощением этого нового качества стали многочисленные сериалы об “оттепели” и “застое”, сложившиеся в целую отрасль современной российской культур-индустрии» [Липовецкий, Михайлова 2021: 128]. От классических образцов ностальгии эти сериалы отличает то, что «...в них ни в коей мере не замалчиваются ранее запретные или негативные аспекты советской эпохи – произвол партии и КГБ, черный рынок, системная коррупция, организованная преступность, подпольный капитализм, классовое расслоение, элитизм и гламурный полусвет» [Липовецкий, Михайлова 2021: 128]. В итоге делается вывод, что для нового качества ностальгии, которое оформилось в современных российских сериалах о советском времени, лучше всего подходит термин З. Баумана «ретротопия» [Липовецкий, Михайлова 2021: 143]. Конечно, книга З. Баумана [Бауман 2019] представляется

знаковой для современного общества, одержимого прошлым, пытающегося сделать отдельные фрагменты прошлого неотъемлемыми составляющими настоящего и будущего, и связь концепта «ретротопия» с мифом еще предстоит изучить, но, оставаясь в рамках сравнения мифа и ностальгии, обратим внимание на ключевые, на наш взгляд, особенности постсоветской ностальгии: объектализм, материализация.

Примером так называемого объектализма как особенности ностальгии по советскому и специфической – предметной – памяти является медиапроект Л. Парфенова «Намедни», в котором советский период представлен как «предметное время», когда история позднего социализма расщепляется на материальные элементы осмысленного аналитического и повседневного опыта, в результате чего создается эффект временной и пространственной грануляции недавнего советского прошлого. Именно это С. Ушакин и называет объектализмом: «Объекты в данном случае призваны дифференцировать – при помощи связей и пробелов – периоды, процессы или события прошлого» [Ушакин 2013: 226]. Кроме того, сами объекты обладают определенной ценностью, актуализируя аксиологический аспект с его идентификационным потенциалом. Так, в проекте Парфенова советская действительность представляет собой смешение десятков событий, людей, явлений, калейдоскопичным образом представляя зрителю в конкретных объектах то или иное десятилетие.

При этом дополнительными смыслами наполняется взаимодействие именно с материальными объектами. Оно наполняется аффективным содержанием [Голубев 2022], образует особую операциональную интерсубъективность (о ней как о проявлении внутренней рациональности в мифе писал в свое время К. Хюбнер [Хюбнер 1996]), провоцирует в дальнейшем ностальгические чувства, которые проявляются «...как защитный механизм во времена ускоренных ритмов жизни и исторических потрясений» [Бойм 2021: 16]. При этом, по словам А. Голубева, «биографии вещей выявляют глубокие классовые противоречия внутри этих (советских) поколений» [Голубев 2022: 25]. Такой «стихийный материализм» позволяет увидеть, что скрывается за взаимодействием людей и материальных объектов, к чему приводят такие мифоритуальные практики, какие измерения ностальгии в дальнейшем могут быть задействованы.

Заключение (Conclusions)

Обозначенные нами линии сравнения ностальгии и мифа, безусловно, позволяют говорить о том, что ностальгия заслуживает того, чтобы считаться одной из атрибутивных характеристик современной социальной мифологии. Однако, дальнейшие исследования на этом поле потребуют не только глубокого анализа взаимосвязи соответствующих феноменов, но и опоры на дополнительные теоретические положения, не ограничивающиеся интуициями С. Бойм и интенсивно тиражирующимися сегодня в научной литературе идеями других уехавших на Запад специалистов по Советскому Союзу (в основном, это наши бывшие соотечественники: А. Голубев, С. Ушакин, А. Юрчак и др.).

Пока же рассмотрение феномена ностальгии в контексте системного подхода к современному мифу привело к следующим предварительным предположениям:

- ностальгия органично сопоставляется с компонентами онтологической, гносеологической, аксиологической и праксиологической частями социальной мифологии;

- выделенные С. Бойм реставрирующее и рефлексирующее измерения ностальгии соотносятся, соответственно, с процессами мифотворчества и мифологизации как элементами гносеологической части социальной мифологии;
- пример ностальгии по Советскому Союзу ярко демонстрирует праксиологическую часть системы социальной мифологии: особенности ностальгии по советскому прошлому, проявляющиеся в объектализме, материализации и т.п., позволяют с нового ракурса взглянуть на современные мифоритуальные практики, наполненные аффектами, обостренным чувством идентификации с советским прошлым, хранящимся в памяти соответствующих поколений.

Литература

100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? // ВЦИОМ Новости. 30 декабря 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (дата обращения: 18.07.2023).

Абрамов Р.Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23.

Абрамов Р.Н., Чистякова А.А. Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: по волнам коллективной памяти // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1. С. 52–58.

Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 536 с.

Ассман А. Забвение истории – одержимость историей: пер. с нем. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.

Бауман З. Ретротопия: пер. с англ. Москва: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

Бойм С. Будущее ностальгии. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 680 с.

Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 320 с.

Бордюгов Г.А. СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. Москва: АИРО-XXI, 2022. 384 с.

Борев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. Москва: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2003. 575 с.

Бубнов А.Ю., Савельева М.А. Память о распаде СССР в контексте разломов общественного сознания современной России (на материалах Telegram) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 6. С. 79–97.

Будрайтскис И. Брежнев как современник? Ностальгия, ретромания и колонизация советского // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2019. № 2. С. 230–237.

Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. Москва: Новое издательство, 2021. 448 с.

Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма: пер. с англ. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 328 с.

Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / Коллективная монография; под ред. К. Рогова. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 448 с.

Долгов А.Ю. Травма и ностальгия в социальных сетях: осмысление советского прошлого в онлайн-сообществе «Мы из СССР» // *Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: сборник статей / под ред. А.Ф. Павловского и А.И. Миллера.* СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2023. С. 50–75.

Еремеева С.А. *Память: поле битвы или поле жатвы?* Москва: Дело, 2021. 360 с.

Иванов А.Г. Система современной социальной мифологии. Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. 182 с.

Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 432 с.

Колесник А. Популярная музыка // *Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной.* Москва: Новое издательство, 2021. С. 285–301.

Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре. Коллективная монография / ред. М.П. Абашева, М.А. Литовская, И.Л. Савкина, М.А. Черняк. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. 348 с.

Линченко А.А., Головашина О.В. Тридцать лет спустя: распад СССР в телевизионной журналистике и интернет-пространстве современной России // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* 2022. № 6. С. 56–78.

Линченко А.А., Головашина О.В., Аникин Д.А. От рынка к базару: метаморфозы коммерциализации прошлого в современном мире // *Вопросы философии.* 2019. № 5. С. 49–58. DOI: [10.31857/S004287440005055-5](https://doi.org/10.31857/S004287440005055-5).

Липовецкий М., Михайлова Т. Больше, чем ностальгия (поздний социализм в телесериалах 2010-х годов) // *Новое литературное обозрение.* 2021. № 3 (169). С. 127–147.

Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем: пер. с нем. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 456 с.

Маслов Д.В. От советского человека к россиянину: реформы и социальная эволюция индивида (середина 1980-х – 1990-е гг.). Москва: Научно-политическая книга, 2022. 359 с.

Мелетинский Е.М. *Поэтика мифа.* Москва: Академический Проект, 2012. 331 с.

Михайлин В.Ю. *Антропология советского человека.* Саратов: ЛИСКА, 2017. 103 с.

Николаи Ф. Ностальгия, советские вещи и антропология «стихийного материализма» // *Новое литературное обозрение.* 2022. № 2 (174). С. 338–346.

Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и своей стране: пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с.

Россия 2050. Утопии и прогнозы / под ред. М. Ратгауза. Москва: Новое издательство, 2021. 600 с.

Рябов О.В. Ностальгия по холодной войне в современном российском сувенире // *Культ-товары. Коммерциализация истории в массовой культуре. Коллективная монография / ред. М.П. Абашева, М.А. Литовская, И.Л. Савкина, М.А. Черняк.* Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. С. 27–39.

Смирнов М.Ю. *Российское общество между мифом и религией: Историко-социологический очерк.* Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 228 с.

Тейшейра А.Б. Философия Саудаде: пер. с португ. Москва: Издательский Дом «Русская Философия», 2021. 176 с.

Ушакин С. Разложение тотальности: объектализация позднего социализма в постсоветских биохрониках // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. № 3 (89). С. 221–258.

Хюбнер К. Истина мифа: пер. с нем. Москва: Республика, 1996. 448 с.

Элиаде М. Аспекты мифа: пер. с фр. Москва: Академический Проект, 2000. 222 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение: пер. с англ. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 664 с.

Anthropology and Nostalgia / Ed. by O. Angé & D. Berliner. New York: Berghahn Books, 2015. 244 p.

Kalinina E. Post-Soviet Nostalgia. Stockholm: Soderntorns hogskola, 2014. 279 p.

Post-Communist Nostalgia / Ed. by M. Todorova & Z. Gille. New York: Berghahn Books, 2010. 310 p.

Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies / Ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. New York: Routledge, 2019. 244 p.

References

100 Years of the USSR: to Forget Cannot Return? WCIOM News. December 30, 2022. [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (accessed on July 18, 2023). (In Russian).

Abramov R.N. Time and Space of Nostalgia. In: Sociological Journal. 2012. No. 4. Pp. 5–23. (In Russian).

Abramov R.N., Chistyakova A.A. Nostalgic Images of the Soviet's Recent Past: The Media Activism of Leonid Parfenov. In: International Journal of Cultural Research. 2012. No. 1. Pp. 52–58. (In Russian).

Arkipova A., Kirzyuk A. Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR. Moscow: New Literary Review Publ. 2020. 536 p. (In Russian).

Assmann A. Forgetting History – Obsession over History. Moscow: New Literary Review Publ. 2019. 552 p. (In Russian).

Bauman Z. Retrotopia. Moscow: VCIOM Publ. 2019. 160 p. (In Russian).

Boym S. The Future of Nostalgia. Moscow: New Literary Review Publ. 2021. 680 p. (In Russian).

Boym S. Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. 2022. 320 p. (In Russian).

Bordyugov G.A. The USSR in the Space of Memory, Ideology and National Histories. Moscow: AIRO-XXI Publ. 2022. 384 p. (In Russian).

Borev Yu.B. Aesthetics. Literary Theory: An Encyclopedic Dictionary of Terms. Moscow: Astrel' Publ., AST Publ. 2003. 575 p. (In Russian).

Bubnov A.Yu., Savelyeva M.A. The Memory of the Collapse of the Soviet Union in the Context of the Fractures of the Public Consciousness of Contemporary Russia (on the Materials of Telegram). In: Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science]. 2022. No. 6. Pp. 79–97. (In Russian).

Budraitkis I. Brezhnev as a Contemporary? Nostalgia, Retromania and Colonization of the Soviet. In: Untouchable Stock. Debates on Politics and Culture [NZ]. 2019. No. 2. Pp. 230–237. (In Russian).

Everything Is in the Past: Theory and Practice of Public History. Ed. by A. Zavadsky & V. Dubina. Moscow: New Publishing House. 2021. 448 p. (In Russian).

Golubev A. The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia. Moscow: New Literary Review Publ. 2022. 328 p. (In Russian).

Dismantling Communism. Thirty Years Later. Ed. by K. Rogov. Moscow: New Literary Review Publ. 2023. 448 p. (In Russian).

Dolgov A.Yu. Trauma and Nostalgia in Social Networks: Understanding the Soviet Past in the Online Community «We Are from the USSR». In A.F. Pavlovskiy & A.I. Miller (eds.) Memory in the Net: a Digital Turn in Memory Studies. Saint-Petersburg: EUSP Publ. 2023. Pp. 50–75. (In Russian).

Eremeeva S.A. Memory: A Battlefield or a Harvest Field?. Moscow: Delo Publ. 2021. 360 p. (In Russian).

Ivanov A.G. The System of Modern Social Mythology. Saint-Petersburg: Aleteyya Publ. 2019. 182 p. (In Russian).

Kaspe I. In Alliance with Utopia. The Semantic Frontiers of Late Soviet Culture] Moscow: New Literary Review Publ. 2018. 432 p. (In Russian).

Kolesnik A. Popular Music. In: A. Zavadsky & V. Dubina (eds.) Everything Is in the Past: Theory and Practice of Public History. Moscow, New Publishing House. 2021. Pp. 285–301. (In Russian).

Cultural Goods. Commercialization of History in Popular Culture. Ed. by M.P. Abasheva, M.A. Litovskaya, I.L. Savkina & M.A. Chernyak. Moscow, Ekaterinburg: Armchair Scientist Publ. 2020. 348 p. (In Russian).

Linchenko A.A., Golovashina O.V. Thirty Years Later: Visions of the Collapse of the Soviet Union in the Television Journalism and the Internet Space of Contemporary Russia. In: The Journal Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science. 2022. No. 6. Pp. 56–78. (In Russian).

Linchenko A.A., Golovashina O.V., Anikin D.A. From Market to Bazaar: Metamorphosis of Commercialization of the Past in the Modern World. In: Russian Studies in Philisophy. 2019. No. 5. Pp. 49–58. (In Russian). DOI: [10.31857/S004287440005055-5](https://doi.org/10.31857/S004287440005055-5).

Lipovetsky M., Mikhailova T. More than Nostalgia: Late Socialism in TV Series of the 2010s. In: New Literary Review [NLO]. 2021. No. 3 (169). Pp. 127–147. (In Russian).

Lübbe H. In the Train of Time: A shortened Stay in the Present. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics Publ. House. 2019. 456 p. (In Russian).

Maslov D.V. From the Soviet Man to the Russian: Reforms and Social Evolution of the Individual (mid-1980s – 1990s). Moscow: Nauchno-political book Publ. 2022. 359 p. (In Russian).

Meletinsky E.M. The Poetics of Myth. Moscow: Academic Project Publ. 2012. 331 p. (In Russian).

Mikhailin V.Yu. Anthropology of the Soviet Man. Saratov: LISKA Publ. 2017. 103 p. (In Russian).

Nikolai F. Nostalgia, Soviet Things, and the Anthropology of «Spontaneous Materialism». In: New Literary Review [NLO]. 2021. No. 2 (74). Pp. 338–346. (In Russian).

Raleigh D. Soviet Baby Boomers. An Oral History of Russia's Cold War Generation. Moscow: New Literary Review Publ. 2015. 544 p. (In Russian).

Russia 2050. Utopias and Forecasts. Ed. by M. Ratgauz. Moscow: New Publishing House Publ. 2021. 600 p. (In Russian).

Ryabov O.V. Nostalgia for the Cold War in a modern Russian souvenir. In: M.P. Abasheva, M.A. Litovskaya, I.L. Savkina & M.A. Chernyak (eds.), Cultural Goods. Commercialization of History in Popular Culture. Moscow, Ekaterinburg: Armchair Scientist Publ. 2020. Pp. 27–39. (In Russian).

Smirnov M.Yu. Russian Society between Myth and Religion: A Historical and Sociological Essay. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press Publ. 2006. 228 p. (In Russian).

Teixeira A.B. Saudade philosophy. Moscow: Publishing House "Russian Philosophy" Publ. 2021. 176 p. (In Russian).

Oushakine S. Decomposing Totality: The Objectalization of Late Socialism in Post-Soviet Biochronologies. In: Untouchable reserve. Debates on Politics and Culture [NZ], 2013. No. 3 (89). Pp. 221–258. (In Russian).

Hübner K. The Truth of Myth. Moscow: Respublika Publ. 1996. 448 p. (In Russian).

Eliade M. Aspects of a Myth. Moscow: Academic Project Publ. 2000. 222 p. (In Russian).

Yurchak A. (2020). Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation]. Moscow: New Literary Review Publ. 2020. 664 p. (In Russian).

Anthropology and Nostalgia. Ed. by O. Angé & D. Berliner. New York: Berghahn Books. 2015. 244 p.

Kalinina E. Post-Soviet Nostalgia. Stockholm: Soderntorns hogskola, 2014. 279 p.

Post-Communist Nostalgia. Ed. by M. Todorova & Z. Gille. New York: Berghahn Books. 2010. 310 p.

Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies. Ed. by O. Boele, B. Noordenbos & K. Robbe. New York: Routledge. 2019. 244 p.

Сведения об авторе:

Иванов Андрей Геннадиевич

ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского», профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Липецкого филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, доцент (г. Липецк, Россия)

E-mail: agivanov2@yandex.ru

Bionotes:

Ivanov Andrey Gennadievich

Leading Researcher, Saratov State University; Professor, Department of Public, Municipal Service and Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch); Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor (Lipetsk, Russia).

Для цитирования:

Иванов А.Г. Мифологическое измерение ностальгии // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». № 2 (6), 2023. С. 152–165.

For citation:

Ivanov A.G. Mythological Dimension of Nostalgia // Mythologos. Series "The Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies". № 2 (6), 2023. Pp. 152–165.

МИФ И СЕКС**Шинкаренко Виктор Дмитриевич**

Институт экономики и права (филиал) «Академии труда и социальных отношений» в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Происхождение мужчины и женщины и сексуальные отношения между ними содержатся в мифах и сказках всех народов мира от бесписьменных культур до самых современных обществ. Если носителями информации в традиционных бесписьменных обществах были устные рассказы: сказки и мифы, передававшиеся от одного поколения к другому, а также различные песни, танцы и одежда, содержащая сексуальную символику, то в современном мире информационных каналов трансляции сексуальной информации стало значительно больше. Появились новые формы коммуникации и способы сохранения и размещения информации, в которых символизм секса и сексуального заменен порнографией. Переход от символизма к натурализму в сексуальных отношениях не раскрыл тайну отношений между мужчиной и женщиной, а лишь только сделал более доступными ранее скрытые интимные отношения. Не смотря на большие изменения в общественных отношениях благодаря научно-техническому прогрессу отношения между полами продолжают воспроизводиться на основе старых и новых мифов между мужчиной и женщиной.

Ключевые слова: миф, ритуал, магия, мужчина, женщина, секс, сексуальность.

MYTH AND SEX**Shinkarenko Victor Dmitrievich**

Department of Economics and Management of the Institute of Economics and Law (branch) of the "Academy of Labor and Social Relations" in Sevastopol (Sevastopol, Russia)

Abstract

The origin of men and women and the sexual relations between them are contained in the myths and fairy tales of all peoples of the world from non-written cultures to the most modern societies. If the carriers of information in traditional non-written societies were oral stories: fairy tales and myths passed from one generation to another, as well as various songs, dances and clothes containing sexual symbols, then in the modern world there are significantly more information channels for broadcasting sexual information. New forms of communication and ways of storing and posting information have emerged, in which the symbolism of sex and the sexual has been replaced by pornography. The transition from symbolism to naturalism in sexual relations did not reveal the secret of the relationship between a man and a woman, but only made previously hidden intimate relationships more accessible. Despite the great changes in social relations due to scientific and technological progress, relations between the sexes continue to be reproduced on the basis of old and new myths between a man and a woman.

Keywords: myth, ritual, magic, man, woman, sex, sexuality

Введение

Мифы – это не только правила и предписания, основанные на связях с сакральным, но еще и нечто таинственное и непонятное с чем сталкивается

каждый человек, соприкасаясь с видимым и невидимым миром, а также с другими людьми, каждый из них по своей природе является целым миром. Все то, что не может быть объяснено через собственный опыт в понимании мира, общества и других людей это и есть самый широко распространенный *индивидуальный миф* и таких мифов множество. Миф по своей природе является не только устным рассказом, который существует как живая традиция передачи знания от одного человека другому, но и как текст доступный для других и этот текст фиксирует существующий миф, а записанный миф перестает дальше развиваться как устное коллективное творчество. Он закрепляет некое существующее осмысленное понимание: природного, социокультурного и духовного. Знаково-смысловое пространство начинает развиваться не свойственным образом для традиционной культуры, а взамен этого создаются различные гибридные структуры на базе уже некогда ранее созданных. «Речевая конструкция мифа не является только речью или языком в чистом виде. Устная речь позволяет не только описывать элементы окружающего мира, но и формировать внутреннее знаково-смысловое языковое пространство. Само внутреннее знаково-смысловое пространство состоит не только из одной речи или языка, формирующего внешнюю и внутреннюю речь. Внутреннее знаково-смысловое пространство состоит из различных внутренних языков, представляющих в сознании человека информацию от органов чувств и внутренних ощущений и переживаний» [Шинкаренко 2020: 257]. Внутренняя форма мифа частично доступна для других через поведение индивида. Этот внутренний миф, как правило, осознается частями и поверхностно, а его знаково-смысловые глубины существуют в виде образов, ощущений и переживаний, которые неустойчивы и постоянно изменяются под влиянием различных внешних и внутренних факторов и только отчасти переведены в языковые знаково-смысловые структуры. Перевод внутренних образов, ощущений, переживаний и эмоций позволяет создать некое устойчивое понимание себя в языковой знаково-смысловой форме, что дает возможность для рефлексии себя. Когда появляется возможность рефлексировать себя самого в языковой знаково-смысловой форме, тогда человек становится из динамичного внутреннего потока сознания мифом, который сам себя частично расшифровывает, развивает и объясняет для себя и других. Проговаривание своих мыслей в слух для другого позволяет эти мысли воспринимать и понимать иначе, чем проговаривая их внутри себя и для себя. Открывать себя и раскрывать себя для себя и других можно только через проговаривание, т.е. через перевод своего внутреннего мира ощущений, образов и эмоций в речевые знаково-смысловые структуры, а реакция других людей на раскрытие себя как мифа для других позволяет выделять себя из пространства других и тем самым осознавать свои знаково-смысловые границы. Человек вынужден вступать в отношения с другими людьми: их мифами, образами, ощущениями, чувствами, переживаниями, действиями и поступками. Все они сами по своей природе являются всегда частично понимаемыми и осознаваемыми. Другая их часть остается за пределами понимания и воспринимается как миф в виде разных догадок и предположений, а вся их совокупность как мифология. Человек является одновременно сакральным мифом, т.к. он связан с миром невидимым и управляемый этим невидимым миром, а также с миром природы, в котором существует его тело. Физическое тело является также частью социокультурного пространства, которое наполнено множеством других людей, где они управляет своими собственными телами под влиянием и влияя на других,

создавая социокультурное знаково-смысловое пространство. Вся эта совокупность миров существования человека является мифом для себя и мифом для других. Совокупность различных мифов множества людей образует знаково-смысловую социокультурную мифологию общества. *Человек – это миф*, управляемый мифами и транслирующий в знаково-смысловое социокультурное пространство мифы, как свои собственные, так и социокультурные ранее им полученные из этого пространства, осмысленные и воспроизведенные во внутреннем и внешнем пространстве в знаково-смысловой форме. Мифы из внешнего пространства осознаются до уровня некоего внутреннего знаково-смыслового понимания, что позволяет воспроизвести миф целиком или его различные части. Очень часто мифы понимаются поверхностно или с искажениями смыслов и значений и в таком виде они транслируются в социокультурное знаково-смысловое пространство. Поверхностные и искаженные мифы, распространяясь в обществе и в результате их осознания и воспроизводства другими также подвергаются искажениям. В результате непредумышленного внесения искажений во внешне похожие в пересказе мифы приобретают разные смыслы и значения. Различные варианты мифов, их фрагменты и искаженные образы мифов тесно переплетаются между собой, в результате чего создаются различные знаково-смысловые пространства значений и смыслов со своими мифами и мифологией в массовой культуре. Многообразие образов и вариантов мифов в своих искаженных и неопределенных формах создают разные глубины осознания и понимания своего внутреннего знаково-смыслового пространства, а также непроявленного, физического и социокультурного миров. Поэтому не существует некоего «правильного» стандартизованного знания для всех, а есть многообразие различных вариантов понимания «правильного» стандартизованного знания, пропущенного через индивидуальный опыт.

При воспроизводстве себя в социокультурном пространстве достаточно хорошо осваивают практические знания, превращающиеся в регулярные навыки и модели поведения. Сложнее происходит усвоение абстрактного теоретического знания, плохо связанного с индивидуальным повседневным опытом и поведением в социокультурном пространстве, т.к. оно регулярно не воспроизводится в ежедневных моделях поведения. Языковые абстракции сами по себе являются мифами, требующими своего объяснения и часто дополнительного толкования, и воспринимаются как запечатанные знаково-смысловые пространства, которые наполнены неясными и неопределенными смыслами и значениями, а их извлечение требует дополнительных усилий и знаний. Отношения между мужчинами и женщинами основываются на огромном количестве различного социокультурного и индивидуального опыта, который опирается на личный опыт и носит ситуативный характер. При применении в сходных внешне ситуациях этот опыт зачастую не имеет ценности и не дает ожидаемого в применении результата, и тем самым создает мозаичное искаженное знаково-смысловое пространство всевозможных вымыслов, сказок, фантазий, ложных представлений и пониманий составляющих мифологию отношений между и мужчиной и женщиной.

Методы

В статье используется анализ научной литературы, социальной антропологии, культурологии, философии, а также феноменологический метод и др.

Литературный обзор

В любом обществе не зависимо от его размеров всегда был и есть интерес к происхождению не только окружающего мира, но и мужчин и женщин тому, что у каждого из них своя роль в жизни общества. Всегда было загадкой почему мужчины и женщины разные, но при этом стремятся друг к другу и вступают между собой с различные отношения и несмотря на такое таинственное влечение не могут понять друг друга. Сказки и мифы разных народов мира являются лучшим подтверждением этому, а их большое количество и разнообразие говорят о том, что в этих отношениях много странного, загадочного и просто непонятного. Тема отношений между мужчиной и женщиной и секса обширна и эти отношения присутствуют практически во всем социокультурном знаково-смысловом пространстве. Неслучайно З. Фрейд в психоанализе исследовал сексуальную жизнь человека и считал, что она оказывает большое влияние на его поведение особенно, когда человек встречается с различными сложностями в своих личных сексуальных отношениях. Большинство из нереализованных желаний носят сексуальный характер и становятся доступными через анализ сновидений. Сексуальные желания возникают под действием различных врожденных программ, а затруднения в их реализации возникают из-за того, что не существует четкого пониманию каким образом, должны взаимодействовать между собой мужчина и женщина. Вместо этого существует в различных культурах обилие правил и запретов, которые не проясняют, а усложняют отношения между ними.

Прием пищи и сексуальные отношения относятся к основным биологических функциям любого организма и поэтому они являются частью любой культуры, но более открыты и ярко выражены в традиционных бесписьменных культурах. Антрополог К. Леви-Стросс пишет, что «во всех обществах наблюдается аналогия между сексуальными отношениями и питанием, но соответственно случаю и уровням мысли то мужчине, то женщине отводится роль едока или пищи» [Леви-Стросс 1994: 215]. Если рассматривать поведение в стае шимпанзе, то низко- и среднеранговые самцы для того, чтобы вступить с сексуальные отношения с самками должны принести им подарок в виде пищи и только после этого они добиваются того, чего хотят [Новоселов 2014]. Даже на уровне поведения животных пища и секс связаны между собой и получение пищи располагает к сексу.

Традиция приносить женщинам подарки существует во всех обществах и уходит своими корнями в биологическую природу человека. В результате развития общества дарение пищи для мужчин становится обязанностью как охотников и воинов, а само дарение как форма социального поведения приобретает символическую форму и выходит далеко за пределы физиологических потребностей и становится частью культуры. Дарение выступает как символический обмен и в любом обществе регулируется правилами дарения и правилами принятия подарков. Подарки просто так и кому попало не дарятся. Традицию дарения в традиционных культурах рассмотрел в работе «Очерк о даре. Формы и причины обмена в архаических обществах» 1923 социолог Марсель Мосс. В Полинезии и Меланезии, пишет Мосс, обмен состоит «не только из богатств, движимого и недвижимого имущества, из вещей, полезных в экономическом отношении. Это прежде всего знаки внимания, пиры, обряды, военные услуги, женщины, дети, танцы, праздники, ярмарки, на которых рынок составляет лишь один из элементов, а циркуляция богатств — лишь одно из отношений гораздо более широкого и более постоянного договора. Наконец, эти поставки и ответные

поставки осуществляются преимущественно в добровольной форме, подношениями, подарками, хотя, в сущности, они строго обязательны, уклонение от них грозит войной частного или общественного масштаба» [Мосс 2011: 141]. Некоторые подношения и подарки «строго обязательны», т.к. они являются некими регуляторами отношений, а отсутствие подарков или отказ от них означает нарушение этих социальных отношений, что может с другой стороной согласно социокультурным традициям расцениваться как неуважение или даже враждебные действия. Подарки являются инструментом, регулирующим отношения между другими социальными группами, племенами и в обществе. Современные развитые общества в этом плане не очень сильно отличаются от традиционных в отношениях между людьми, различными социальными группами и государствами. Если в традиционных культурах эти отношения доступны для наблюдения и участия в них всех его представителей, то в современных обществах существует разделение между различными социальными группами и каждая из них имеет свою очерченную правилами сферу.

Во всех современных обществах дарение подарков женщине является неким обязательным ритуалом для продолжения и дальнейшего развития таких отношений, которые могут перерасти в интимные, а могут остаться дружескими. В современных культурах дарение подарков является знаком-символом и выходит далеко за пределы отношений между мужчинами и женщинами. Подарок символизирует уважение, признание заслуг, знак подчинения и покорности и многое другое в зависимости от кого и кому делается подарок. Не надо забывать, что подарок как ритуал дарения может быть хорошо продуманным обманом и преследует скрытые цели и мотивы и может быть просто ловушкой. Поэтому дарение как форма символического обмена может служить как проводник для налаживания различных отношений, а также с целью извлечь из этих отношений, которые должна создать процедура дарения и сам подарок, выгоду и использовать дарение для введения в заблуждения и извлечения прибыли. В отношениях между мужчиной и женщиной дарение может быть всего лишь инструментом для получения сексуальной связи, а не знаком для создания прочных отношений. Принимающий подарок должен думать, что стоит за этим подарком: простое выражение чувств или тонкий расчет. Поэтому ритуал дарения и дар являются по своей природе символическим мифом, который опирается не на некие подвиги культурного героя или первопредка, а на глубоко прошитые в сознании врожденные программы, принимающие ту или иную знаково-смысловую социокультурную форму. Зачастую в той или иной форме культурный герой или первопредок демонстрирует в своем поведении эти скрытые программы и таким образом они становятся легитимными для регулярного воспроизводства в обществе. Если культурный герой или первопредок в мифе «начала всех начал», дарит кому-то подарок или наоборот, получает подарок от кого-то, то дарение может иметь очень тонкий смысл и для его понимания необходим глубокий анализ, но зато само дарение, присутствующее в мифе, воспринимается непосредственно как дарение или получение дара, подарка и может служить для регулярного воспроизводства и само дарение становится легитимным.

Дарение имеет символическую форму и может приобретать самые различные формы. В разных культурных традициях отношения между мужчиной и женщиной различные. В работе «Секс и вытеснение в обществе дикарей» антропологи Б. Малиновского пишет, что у аборигенов Тробрианских островов

согласно традициям «муж в долгу перед своей женой за сексуальные услуги, что он должен заслужить их и затем оплатить. Один из способов, собственно, главный способ, для него выполнить свой долг – заботиться о детях и показывать свою привязанность к ним» [Малиновский 2011: 36]. Сексуальные отношения для мужчины являются наградой, и он за них символически платит заботой о детях своей жены. Не только добыча пищи, но и забота являются своего рода даром, который превратился в обязанность мужчин о детях своей жены. Такие отношения возможны в обществах, где большую роль в обществе играют женщины, а роль мужчины дополняется различными функциями по обслуживанию женщин. Мужчина дарит себя и свое свободное время детям своей жены, которым он может и не быть биологическим отцом.

Несмотря на то, что секс предназначен для биологического продолжения рода в социокультурном пространстве он порождает самые разнообразные мифы как со стороны мужчин, так и со стороны женщин. Мифология секса состоит из двух полюсов, которые стремятся друг к другу и одновременно отталкиваются, друг от друга, пытаясь разгадать мифы противоположного пола. Сексуальное поведение между полами регламентируется и управляется правилами, которые носят мифический, магический, религиозный и социокультурный характер. Поведение человека одновременно регулируется повседневными социокультурными и сакральными правилами, посланными из непроявленного мира, за исполнением которых наблюдают духи и боги. В случае нарушения социокультурных правил в зависимости от тяжести поступка накладывает на нарушителя наказание. За нарушение правил духи и боги могут в виде наказания начать мстить не только самому нарушителю за его проступок, но и всему обществу, потому что оно не смогло предотвратить нарушение правил, что нарушает договор между людьми, духами и богами. Почитание духов и богов и следование полученным от них правилам гарантирует их покровительство и сверхъестественную защиту, без которой люди обречены на постепенное вымирание. Мечь от духов и богов может быть в виде: болезней, отсутствия или наоборот, изобилия осадков, землетрясений, извержения вулканов, наводнений, морозов, засухи, ливней, неурожая и т.д. За нарушением правил мечь не следует моментально и поэтому невозможно предсказать как отреагировали в непроявленном мире его обитатели на нарушение правил и каковы будут их ответные действия и наказание. Чтобы умилостивить их гнев наказываются виновные и совершаются разного рода ритуалы, обряды и жертвоприношения. Поэтому само наказание, ритуалы, обряды и жертвоприношение имеют магическую природу и направлены для восстановления покровительства духов и богов.

Знаково-смысловое социокультурное пространство наполнено различными смыслами, значениями, символам, кодами, которые зачастую воспринимаются поверхностно, что порождает искажения в понимании, а они в свою очередь вносят искажения в отношения между людьми. «Коды культуры – это правила, представленные в знаково-смысловой форме, непрерывно взаимодействуют с эмоциями, ощущениями и врожденными структурами... Коды культуры во многом бессознательно определяют социокультурное поведение индивидов и осознаются как правило, при сравнении с кодами других культур. Миф с одной стороны – это код культуры, который задает структуру культуры, а с другой – культура создает миф...» [Шинкаренко 2022: 173]. Коды культуры осознаются в наборе различных

правил и чем сложнее правила, и чем их больше, тем хуже они осознаются, и тем чаще в них появляются искажения, и тем больше поведение становится менее понятным и плохо предсказуемым. Отношение человека к сексу проявляется в его поведение не только с противоположным полом, но и с разной степенью во всех других формах и моделях поведения в различных ситуациях и в разных социальных группах. Английский религиовед Грэм Харви пишет, что сексуальные коды определяют то, как «люди устроены в качестве личностей среди других личностей, их тела среди других тел, в качестве существ, от которых ожидают вполне определенное поведение» [Харви 2020: 327]. Источником для проявления сексуального поведения служит тело, которое обладает своим невербальным языком. В его устройстве не только внешнем, но и во внутреннем заложены особенности, которые в совокупности с внешними воздействуют на противоположный пол как тайные знаки, смысл которых не расшифровывается, но они порождают различные эмоции и чувства, сексуальную привлекательность и притягательность. Противоположный пол получает мифическую притягательность, основания которой находятся за пределами сознания, а в сознании присутствуют лишь магические образы, эмоции и чувства непонятно откуда и каким образом появившиеся и наполнившие собой сознание индивида. Независимо от личного отношения к какому-то представителю противоположного пола этот представитель всегда воспринимается именно как противоположный пол, т.е. как нечто таинственное и мифическое.

Результаты обсуждения

В результате развития средств массовой коммуникации традиционная локальная культура постепенно трансформировалась в массовую культуру, которую сначала распространяли: фотография, кино, телевидение, пресса, литература, музыка т.д. Окружающее социокультурное пространство наполнено разного рода знаково-смысловыми структурами секса и сексуальности, которые стали настолько привычными, что воспринимаются на подсознательном уровне и за исключением чего-то резко контрастирующего существующим правилам, не подвергаются анализу. Секс и сексуальность присутствуют не только в живописи, архитектуре и литературе, но и во многих других видах искусства. Технический прогресс позволил получить доступ через интернет практически ко всем массмедиа через создание для этого технических устройств. Привычные локальные коммуникации превратились в глобальные через социальные сети. С развитием технологий массовых коммуникаций секс и сексуальность в фотографии, кино и видео стали широко распространены в интернете. Любой прогресс в технике может быть как положительным, так и отрицательным. Новые возможности породили массовую трансляцию различных человеческих пороков.

Повседневная жизнь в любом городе насыщена сексуальностью в одежде и обуви, а молодежная мода выделяет и подчеркивает сексуальную привлекательность и направлена на привлечение внимания противоположного пола. Историк моды Валери Стил изучает моду как сексуальную символическую систему. В современной массовой культуре, по ее мнению, мода «достаточно часто вбирает в себя фантазийные элементы, «навеянные» такими источниками вдохновения, как народное платье, исторический костюм и военная униформа. Однако сексуальные мотивы привлекают к себе особое внимание. Корсеты, причудливые туфли, сапоги из кожи и резины и «исподнее» взамен верхней одежды (уж не говоря о татуировках и пирсинге) стали на подиумах столь же

обыденными, как и в фетиш-клубах... Сегодня под маркой «сексуальных извращений» можно продать все что угодно – от кинопродукции и модной коллекции до шоколада и партии кожаных портфелей» [Стил 2014: 9–15]. Мода служит не только инструментом для зарабатывания денег, но и для распространения свободных сексуальных отношений в молодежной массовой культуре. Проводниками моды и новых свободных сексуальных отношений в молодежной среде служат: рок музыканты, блогеры в социальных сетях, активисты молодежных движений, актеры, деятели литературы, живописи, культуры и т.д. Искусственное снижение уровня образования и морали у населения, широкое распространение алкоголя и наркотиков, распространение феминистских идей в обществе, массовая ЛГБТ пропаганда, привели к тому, что секс превратился в товар, а вокруг секса получила мощное развитие многомиллиардная сексуальная индустрия связанная с криминалом. Традиционная культура и религиозные ценности все еще продолжают сдерживать уничтожения сексуальных норм и морали в экономически развитых обществах. Неoliberalизм пытается не освободить человека от «традиционных оков» религии и морали, чтобы сделать его свободным, а наоборот, целью является превращения в товар всего того, что можно продать и получить от этого прибыль. Человеческие пороки наиболее жестким образом регулируются системой обязательных правил и благодаря этим правилам человечество воспроизводит себя уже не одно столетие. Мнимые свободы не ведут к какому-то реальному освобождению, а навязываются с единственной целью: для уничтожения социальных функций государств в экономически развитых странах, снижению роли государства и сокращению государственной власти, передачи части государственной власти транснациональным корпорациям и в конце концов, к снижению численности населения руками самого же населения, а также к получению контроля во всех сферах жизнедеятельности населения и созданием нового общества *тотального электронного контроля*.

Для этой цели подлежит замене традиционные и религиозные правила, а также делается попытка изменить коды культуры. Мощной атаке подвергается не только традиционная сфера жизни общества, но также и научное мировоззрение. С этой целью идет постоянное переписывание и искажение истории, продвигаются лженаучные теории о перенаселении земли, проповедуется социальных дарвинизм как естественный способ развития общества и объяснения почему одни богатые, а другие бедные и из этого делается вывод, что выживают сильнейшие и поэтому не надо помогать слабым. Это новая неolibеральная мифология, направленная на переформатирование и разрушение старого мира и строительства на его обломках нового более «передового» общества. *Секс выступает одним из инструментов* для разрушения традиционного общества и поэтому отношения между полами не делаются более понятными, а все внимание с того каким образом строить отношения переключается на секс как источник получения удовольствий.

По наблюдениям этолога Франца Де Вааля, существует связь «между властью и сексом; ни одну социальную организацию невозможно верно понять, не зная сексуальные правила» [Де Валь 2014: 199]. Эти выводы он сделал исследуя поведение шимпанзе, но то же самое можно сказать о любом человеческом обществе, в котором независимо от уровня его развития существуют правила поведения мужчин и женщин в зависимости от уровня занимаемого ими положения в вертикали власти. Дарить и принимать подарки является общим правилом для всех, но каждый эти правила вправе применять как он считает

нужным, часто выходя за рамки существующей традиции. Более статусные представители по вертикали власти имеют возможность дарить более дорогие и оригинальные подарки и благодаря этому имеют более широкие возможности в выборе сексуальных партнеров.

Отношения между мужчинами и женщинами во всех обществах основываются на мифах, содержащих правила, которые передаются от одного поколения к другому, но передача правил и их регулярное воспроизводство не делают эти правила более понятными. Применение подобных правил сводится к следующему: надо делать так-то и так-то, потому что так делали наши предки и мы должны следовать их мудрости. Как правило, этого уровня понимания достаточно, чтобы воспроизводить существующие правила, не понимая для чего они служат, что дают и на что и почему налагают запрет. Почему это так? Потому что так надо, так заведено. Для подавляющего большинства такого объяснения правил вполне достаточно.

Несмотря на развитие гуманитарных и социальных наук отношения между мужчиной и женщиной продолжают носить мифический и магический характер. Обилие научной и научно-популярной литературы эти отношения не делают более понятными, чем они были несколько десятков, сотен и несколько десятков сотен лет назад. Отношения между мужчиной и женщиной возникают и регулируются не только биологическими инстинктами, но и религиозными, культурными нормами, нравственностью и моралью. Каждому человеку приходится решать самостоятельно, каким образом использовать свой полученный личный жизненный опыт и как строить свои сексуальные отношения с противоположным полом. Венцом этих отношений между полами являются любовью и сексуальные отношения. Для продолжения рода вполне достаточно биологических правил поведения человека, но для проживания в общества применять эти правила надо, соотнося их с существующими правилами, которые регулярно воспроизводятся в знаково-смысловом социокультурном пространстве. Следование правилам позволяет сдерживать свои импульсивные сексуальные желания и проявлять их в установленных границах и формах правилами.

Индивидуальное и социокультурное пространства должны соответствовать друг другу и в зависимости от уровня их соответствия между собой будут формироваться между мужчиной и женщиной отношения в рамках этих правил. «Правила — это *возможности и ограничения*, которые накладываются на действия, поступки человека, а также на его мысли» [Шинкаренко 2010: 58]. Возможности и ограничения накладываются правилами не только на индивида, но и на малые и большие социальные группы, а также и все общество. Правила определяют дозволенное и недозволенное поведение в сексуальных играх. Знаково-смысловое социокультурное пространство создает некое искусственное регулируемое правилами пространство, которое, с одной стороны направленно на развитие и регулярное воспроизводство положительных для общественной жизни моделей поведения, а с другой — на ограничение всех негативных моделей поведения, основанных на природе человека, чтобы не давать им развиваться и трансформироваться в иные формы в социокультурном пространстве. Очевидно, что отношения между мужчиной и женщиной жестко регулируются социокультурными правилами и накладывают ограничения на формы проявления биологических правил продолжения рода и переводят их в социокультурную сферу. Любой индивид по достижению определенного возраста сам на своем

личном опыте начинает испытывать внутреннее давление биологических программ, а также различные социокультурные правила, которые создают для него внутреннее знаково-смысловое пространство личных переживаний и набора возможностей и ограничений, толкающих индивида к отношениям с противоположным полом, чтобы реализовать биологические программы через установление желаемых отношений.

В любом знаково-смысловом социокультурном пространстве существуют мифы для индивидов разного возраста как надо себя вести для установления отношений между мальчиком и девочкой, девушкой и парнем, мужчиной и женщиной. Все эти мифы – это наборы правил, основанные на возрастной психологии полов и социокультурных традициях в обществе. В каждом возрасте существует свое понимание того, как надо вступать в эти отношения между полами и как себя надо вести, чтобы эти отношения продолжались какое-то время. Чем моложе возраст и меньше личного опыта, тем большую психологическую травму могут получить индивиды грубо нарушающие существующие социокультурные правила. Эти правила носят мифических и магический характер, потому что объяснение: почему надо вести себя именно так, а не как-то иначе либо не существует, либо существующие плохо понимаются и поэтому являются недостаточными. Магия отношений между мужчиной и женщиной заключается в том, что они возникают каким-то образом, развиваются вопреки логике и ожиданиям участвующих в них сторон. Одни действия приносят ожидаемый успех, а другие несмотря на старание не только не приносят ожидаемого результата, но и создают напряжение и конфликтные ситуации. Это как использование магических правил и процедур для достижения конечной цели в отношениях между полами. Иногда магия в зависимости от опыта и знаний мифов срабатывает, а в других случаях, наоборот, вместо ожидаемого получается противоположный результат. Социокультурные мифы говорят, что надо действовать по определенным правилам и тогда эти правила принесут ожидаемый результат, который и будет магией, т.к. произведенные действия очень часто не содержат в себе видимый во внутреннем знаково-смысловом пространстве результат. Как правило, мифы подсказывают, что надо делать и как, но не говорят, что надо наблюдать реакцию того, на кого они направлены и действовать уже не столько четко придерживаясь правил, а по сложившимся обстоятельствами и интуиции. Идеальным будет понимание знаково-смысловых социокультурных правил и умение их использовать, а также уметь представлять и осознавать свои чувства, ощущения и эмоции во внутреннем знаково-смысловом пространстве и при выборе социокультурной модели поведения опираться на внешние и внутренние правила и оценку текущей ситуации. Текущая ситуация имеет свою знаково-смысловую структуру и несет в себе всю необходимую информацию для воспроизводства, соответствующего ей поведения или определенных действий как во внутреннем, так и во внешнем знаково-смысловом пространстве.

Отношения между мужчиной и женщиной загадочные и всегда окружены тайной. Понимание между ними наступает лишь в те моменты, когда их цели и желания сходятся и могут быть реализованными только совместно. Они создают свой общий миф как пространство для понимания друг друга. Мужчина познает чужие миры мужчин опирается на собственный личный опыт и через него понимает опыт другого мужчины, т.к. в основе этого опыта лежит ощущение и понимание собственной физиологии, которая во многом определяет поведение. Он,

переживая собственное существование и вглядываясь в другого видит, что и он переживает нечто подобное и это заставляет его действовать и вести себя определенным образом. Очевидно, что переживание и ощущения себя в собственном теле у разных мужчин разные, но в этих переживаниях и ощущениях себя существует много общего, что и позволяет понять опыт другого мужчины, опыт которого либо несущественно отличается, либо отличается тем, что этот опыт более развит, либо имеет совершенно другое знаково-смысловое восприятие себя. То же самое происходит у женщин при восприятии и понимании друг друга и объяснении для себя собственного мифа. Для американского философа Камиллы Палья: «Тело женщины — лабиринт, в котором заблудился мужчина. Это — обнесенный изгородью сад, средневековый *hortus conclusus* место демонического волшебства природы. Женщина — первобытный создатель, настоящий Перводвигатель» [Палья 2006: 25]. Мужчина и женщина как представители знаково-смыслового социокультурного пространства имеют больше сходств между собой, чем на уровне собственных ощущений и переживаний своих физиологических особенностей, о которых они могут иметь знание об их устройстве, но только одно знание не дает ощущений переживания их особенностей и соответствующих реакций и мотивов поведения, связанного с этими особенностями. Ни мужчины, ни женщины не могут понимать друг друга именно на уровне протекания биологических процессов, отличающих их друг от друга. Понимание может быть существовать только на понимании работы собственных аналогичных органов, а не тех органов, которые у них отсутствуют. Различного рода знаково-смысловые социокультурные модели поведения и реакция на них отличаются правилами, основанными не на особенностях культуры или религиозных верованиях, а наоборот, эти правила как раз и основываются *на биологических особенностях полов* и предполагают разные ответные реакции и действия, исходя из физиологических различий, которые получили в символическом выражении знаково-смысловую форму.

В книге «Эрос и магия в эпоху Возрождения» (1981) Й.П. Кулиану пишет: «Природа — организм, лишенный рассудочности, зато наделенный красотой и мощной завораживающей силой, которая порождает живые существа, вскармливает их и губит. Религия же, наоборот, представляет свод правил, цель которых — уберечь человека от естественной гибели, гарантировать ему духовную целостность. Если говорить о различиях между полами, то женщина исполняет функции природы, а мужчина — религии и ее законов. Выходит, чем красивее женщина, тем более выражены в ней признаки естественных функций (связанных с оплодотворением, возвращением плода, вскармливанием) и тем меньше с точки зрения религии она заслуживает доверия» [Кулиану 2017: 391]. По своей природе мужчина подчиняется и сам создает правила, которые формируют вокруг него социокультурное знаково-смысловое пространство и наполняют его значениями. Женщина наполняет это пространство собственной природой, оживляет его и наполняем смыслами и чувствами, которые плохо вписываются в правила мужчины, разрушают их логику и заполняют их разного рода непоследовательностями и непредсказуемостями. Мужская и женская логика дополняют, разъединяют, противостоят, провоцируют собой друг друга, сливаются вместе, образуя живое пространство смыслов и значений в знаково-смыслового социокультурном пространстве. Игра мужского и женского создает причудливые мифы и эти мифы каждая их сторон пытается понимать по-своему. Мифы как

живая традиция формируются в знаково-смысловом социокультурном пространстве в виде: норм, обычаев, ритуалов, мифов, магии, сказок, верований, приданий и суеверий и т.д.

Когда происходит общение между мужчиной и женщиной, лишь только небольшая часть ощущения себя в собственном теле является общей, а другая часть представляет собой отдельный плохо понятный мир переживаний и ощущений, у каждого пола свой. Поэтому противоположный пол уже по своей природе является мифом и как миф для другого пола является загадочным и притягательным. Общество делится на два противоположных мифа: *мифа-мужчина* и *миф-женщина*, которые одновременно противостоят и стремятся друг к другу, испытывая при этом разного рода трудности в понимании возникающих между ними отношений. Каждый мужчина пытается понять не только себя как миф, но и понять некий общий миф-женщина, чтобы вступать в социальные и близкие отношения с непосредственно какой-то одной женщиной. Общее понимание мифа-женщина дает для мужчины некое общее представление о женщине вообще и уже на основе этих общих представлений он пытается вступить уже с какой-то непосредственной женщиной в близкие отношения. Поэтому существует общий объединяющий все индивидуальные особенности мужчины и женщины – *миф пола*. Этот миф непосредственно влияет на формирование персональных мифов, а совокупность: мифа-мужчина и мифа-женщина порождают обширную сексуальную мифологию и являются содержанием этого мифа. Главным героем в этой сексуальной мифологии является каждый, кто вступает в близкие отношения с противоположным полом и поэтому мифология секса всегда содержит двух героев, а смысл поведения – это понимание другого, чтобы вступить с ним в близкие отношения, конечная цель которых как награда в сексуальной игре – секс. Вся суть сексуальной игры заключается в продолжение рода. Эта игра может быть хитрой и тонкой со множеством загадок, с использованием всевозможных ухищрений и притворств, наполнена коварством и вероломством, а может пылать высокими чувствами, страстью и готовностью на все ради любимого. Но несмотря на достижение конечной цели в сексуальной игре противоположный пол друг для друга продолжает оставаться мифом лишь расшифрованным и понятным отчасти и поэтому в своих неразгаданных тайнах оставаться магически притягательным.

Заключение

В любом случае перевод своих внутренних ощущений и переживаний в знаково-смысловую форму позволяет не только лучше понять самого себя, но и дает возможность описать свое состояние для другого и через описание этого состояния позволяет другому лучше его понять. Человек сам для себя является мифом и сам свой собственный миф, с одной стороны, постоянно познает, а с другой — также его постоянно изменяет, опираясь на уже познанное и тем самым раскрывает самого себя, а также получает возможность для понимания других людей, мифы которых могут быть похожими, но никогда не могут быть тождественными.

Многообразие мифов в отношениях между мужчиной и женщиной, говорит о том, что есть только разные модели поведения и нет четкого понимания основ этих отношений. В установлении таких отношений главными являются религиозные, моральные и традиционные культурные особенности. Капитализм не заинтересован в исследовании, разработке и создании общих надрелигиозных и надкультурных правил. Это дело специальной науки будущего. Если всё

современное знаково-смысловое социокультурное пространство насыщено сексом, и он проявляется, и присутствует везде, то это значит, что секс стал обыденным и широкодоступным, и все тайны между полами раскрыты и ушли в прошлое. Новые условия жизни породили и новые отношения между полами, но тайны секса и мифы о сексе не только не ушли в прошлое и не раскрыты, а наоборот, старые мифы постепенно уходят в прошлое и на их место приходят новые мифы о сексе, порождаемые массовой культурой и распространяемые массмедиа. Эти новые мифы не проясняют и не делают проще отношения между мужчинами и женщинами, а наоборот, стараются их запутать еще больше с целью заменить эти отношения свободным сексом. Секс, как известно, вне политики, но при этом секс является мощной манипулятивной технологией для всех слоев общества и политиков в том числе. Сексуальные технологии позволяют на расстоянии через *образы и звуки* воздействовать и управлять массовым поведением человека. Мифы, из традиционной формы передачи необходимых устных знаний и правил превратились в новое *оружие*, целью которого является разрушение традиционной семьи, снижение деторождаемости, изменение традиционного положения полов в обществе и разрушение религиозной морали. Искусственно создаются различные мифы о сексе, цель которых сформировать ложные ценности в отношениях между полами и сконцентрировать их основное внимание на получении удовольствий.

Литература

Де Валь Ф. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов / пер. с англ. Д. Кралечкина; под ред. В. Анашвили; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 272 с.

Кулиану Йоан Петру. Эрос и магия в эпоху Возрождения. 1484 / Пер. с фр.; Науч. ред. М.М. Фиалко; Вступит. ст. О.В. Горшуновой. Санкт-Петербург.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. 592 с.

Леви-Стросс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. Москва: Республика, 1994. 384 с.

Малиновский Б. Секс и вытеснение в обществе дикарей [Текст] / пер. с англ. Н. Микшиной; Гос. ун-т. Высшая школа экономики. Москва: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011. 224 с.

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии; Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А.Б. Гофмана. Москва: КДУ, 2011. 416 с.

Новоселов О.О. Женщина. Учебник для мужчин: Екатеринбург, 2014. 392 с.

Палья К. Личины сексуальности / Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. С. Никитина — Екатеринбург: У-Фактория; Изд-во Урал, ун-та, 2006. 880 с.

Стил В. Фетиш: мода, секс и власть; пер. с англ. Е. Демидовой. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 224 с.

Шинкаренко В.Д. Миф и мозг // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов VI Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2022 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2022. 570 с. (163–174). URL: <https://disk.yandex.ru/d/BhkPt-VJxYIUJg> (дата обращения: 18.04.2023).

Шинкаренко В.Д. Мифы и сновидения // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. 665 с. (263–269). URL: <https://sev.msu.ru/mif-v-istorii-politike-kul-ture/> (дата обращения: 18.04.2023).

Шинкаренко В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Игра, ритуал и магия. Москва: КомКнига, 2010. 232 с.

Харви Г. Секс, еда и незнакомцы. Религия как повседневная жизнь. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 368 с.

References

Couliano Ioan Petru. Eros and Magic in the Renaissance. 1484 / Trans. from fr.; Scientific ed. by M.M. Fialko; Will enter, art. by O.V. Gorshunova. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2017. 592 p. (In Russian).

De Val F. Politics in Chimpanzees: Power and Sex in Primates / translated from the English by D. Kralachkin; edited by V. Anashvili; Nats. research. un-t "Higher School of Economics". M.: Publishing House of the Higher School of Economics", 2014. 272 p. (In Russian).

Harvey G. Sex, food and strangers. Religion as everyday life / Graham Harvey. M.: New Literary Review Publ., 2020. 368 p.

Levi-Strauss K. Primitive Thinking / Trans., Introductory Article and Note by A.B. Ostrovsky. Moscow: Republic Publ., 1994. 384 p. (In Russian).

Malinovsky B. Sex and Repression in the Society of Savages [Text] / translated from English by N. Mikshina; State University Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of State University Higher School of Economics, 2011. 224 p. (In Russian).

Moss M. Society. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology; Comp., trans. from French, Preface, Introduction, Article, Comments by A.B. Hoffman. Moscow: KDU, 2011. 416 p. (In Russian).

Novoselov O.O. Woman. Textbook for Men: Yekaterinburg, 2014. 392 p.

Paglia K. The Disguises of Sexuality / Translated from English / General ed. and afterword by S. Nikitin. Yekaterinburg: U-Factoriya; Ural Publishing House, un-ta, 2006. 880 p.

Steele V. Fetish: Fashion, Sex and Power / Valerie Steele; translated from English by E. Demidova. Moscow: New Literary Review Publ., 2014. 224 p.

Shinkarenko V.D. Myth and the Brain // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of materials of the VI International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2022, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, 2022. 570 p. (Pp. 163–174). URL: <https://disk.yandex.ru/d/BhkPt-BJxYIUJg> (accessed: 04/18/2023).

Shinkarenko V.D. Myths and Dreams // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, 2020. 665 p. (Pp. 263–269). URL: <https://sev.msu.ru/mif-v-istorii-politike-kul-ture/> / (date of reference: 04/18/2023).

Shinkarenko V.D. Semantic Structure of Socio-cultural Space: Game, Ritual and Magic. Moscow: KomKniga Publ., 2010. 232 p.

Сведения об авторе:

Шинкаренко Виктор Дмитриевич

профессор кафедры Экономики и менеджмента Института экономики и права (филиал) «Академии труда и социальных отношений» в г. Севастополе, доктор социологических наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: vds55@inbox.ru

Bionotes:

Shinkarenko Victor Dmitrievich

Professor, Department of Labor Law, Social Security Law and Trade Union Disciplines, Institute of Economics and Law (Branch) of the Academy of Labor and Social Relations in Sevastopol (Sevastopol, Russia).

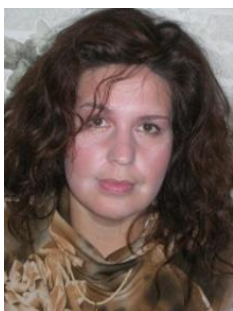
Для цитирования:

Шинкаренко В.Д. Миф и секс // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования». № 2(6), 2023. С. 166–180.

For citation:

Shinkarenko V.D. Myths and Sex // Mythologos. Series "The Mythical Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies". № 2 (6), 2023. Pp. 166–180.

АВТОРЫ / AUTHORS

Арпентьева Мариям Равильевна

ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия).

Arpentieva Mariam Ravilievna

Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Associate Professor (Moscow, Russia).

Вайрах Юлия Викторовна

заведующая кафедрой рекламы и журналистики ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», кандидат филологических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Vayrah Juliya Viktorovna

Head Department of Advertising and Journalism, Irkutsk National Research Technical University, Candidate of Philology, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

Вереш Петер Тибор

ведущий научный сотрудник Института комплексных исследований гуманитарных наук, Академия наук Венгрии, доктор исторических наук, профессор (г. Будапешт, Венгрия).

Veres Peter Tibor

Leading Researcher of the Institute for the Integrated Studies of the Humanities of the Hungarian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor (Budapest, Hungary).

Викторова Валентина Дометьяновна

старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, кандидат исторических наук. (г. Екатеринбург, Россия).

Viktorova Valentina Dometyanovna

Senior Researcher at the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Candidate of History (Yekaterinburg, Russia).

Ибраимова Гульсайра Озгонбаевна

заведующая кафедрой переводоведения ИМиЛ, Киргизский государственный университет им. И. Арабаева, кандидат филологических наук, доцент (г. Бишкек, Республика Кыргызстан).

Gulsaira O. Ibraimova

Head Department of Translation Studies IMIL, Kirghiz State University named after I. Arabaev, Candidate of Philology, Associate Professor (Bishkek, Republic of Kyrgyzstan).

Иванов Андрей Геннадиевич

заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», доктор философских наук, доцент (г. Липецк, Россия).

Ivanov Andrey Gennadiyevich

Head of the Department of Philosophy, Lipetsk State Technical University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Lipetsk, Russia).

Осьмушина Анастасия Андреевна

Доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «НИ Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», кандидат философских наук (г. Саранск, Россия).

Osmushina Anastasia Andreevna

Associate Professor, Department of the English Language for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Candidate of Philosophy (Saransk, Russia).

Пименова Марина Владимировна

Ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тян-Шанского», доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Marina V. Pimenova

Rector of the ANO VO "International Humanitarian University named after P.P. Semenov – Tyan-Shansky", Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia).

Резвушкина Софья Александровна

преподаватель кафедры философии ФГАОУ ВО Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Россия).

Rezvushkina Sofia Alexandrovna

Lecturer of the Department of Philosophy, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia).

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

Stavitsky Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and Foreign Affairs, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

Царева Надежда Александровна

профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФБОУВО «Дальневосточный технический рыбохозяйственный университет», доктор философских наук, доцент (г. Владивосток, Россия).

Tsareva Nadezhda Alexandrovna

Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Far Eastern Technical Fisheries University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Vladivostok, Russia).

Шинкаренко Виктор Дмитриевич

профессор кафедры трудового права, права социального обеспечения и профсоюзных дисциплин Института экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, доктор социологических наук (г. Севастополь, Россия).

Shinkarenko Viktor Dmitrievich

Professor of the Department of Labor Law, Social Security Law and Trade Union Disciplines of the Institute of Economics and Law (Branch) of the Academy of Labor and Social Relations in Sevastopol (Sevastopol, Russia).

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЕ

Статья должна быть написана на русском или английском языке в соответствии с требованиями (см. ниже). Файл в формате doc, docx с текстом.

Оригинальность текста должна быть не менее 80% по системе Антиплагиат.

Помимо статьи от новых авторов журнала необходима **цветная фотография автора(ов)** (в формате jpg, jpeg, разрешение от 300 dpi) — плечевой портрет на однородном фоне (фотографии «на паспорт» не принимаются).

Рекомендуемая структура статьи

Текст статьи должен быть разбит на части, заголовки должны быть подписаны (шрифт жирный, курсив, выравнивание по левому краю с абзацным отступом): Аннотация (Abstract). Ключевые слова (Keywords). Введение (Introduction). Методы (Methods). Литературный обзор (Literature Review). Результаты и обсуждение (Results and Discussions). Заключение (Conclusions). Литература (Literature).

Уточняем каждый аспект.

Аннотация – оптимальный объём 100-150 слов. Шрифт 12 Times New Roman. Аннотация должна включать в себя информацию об актуальности и цели исследования, методологии и результатах, но не повторять дословно выводы. Аннотация не должна содержать ссылки и аббревиатуры. Заголовок «**Аннотация**» пишется жирным шрифтом, без абзацного отступа.

Ключевые слова: 5-8 слов. Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой. После последнего слова точка не ставится. Заголовок «**Ключевые слова**» пишется жирным шрифтом, курсивом, без абзацного отступа, после заголовка ставится двоеточие. После последнего слова точка не ставится.

Аннотация и ключевые слова пишутся на русском и английском языках.

Введение определяет суть проблемы, включает краткое описание актуальности, цели и перспективы исследования, а также позицию автора по заявленной теме.

В **Литературном обзоре** даётся анализ (обзор) использованной литературы и материала для обоснования теоретической базы исследования. В нём должны быть названы основные работы предшественников, положенные в основу исследования, показаны общие тенденции исследования темы и уточнены пробелы в исследованиях, которые статья разъясняет.

В **Методах** должна быть названа и желательно описана методология, которая применялась автором для достижения результатов.

В **Результатах и обсуждении** раскрывается основная часть статьи, общие положения и новизна исследования, которые проявляются в идеях, к которым пришёл автор в результате исследования, а также показано сравнение и интерпретация результатов исследования с аналогичными исследованиями и определяется место полученных результатов в структуре научного знания.

Заключение (Выводы) должны быть сжатым описанием основной части статьи, включая изложение основного смысла выводов относительно поставленной цели, научную ценность исследования и возможные сферы применения.

В списке **Литературы** предлагается поместить около 15-20 работ. Сначала отечественные, затем – иностранные. Из них предпочтение отдается изданиям, рецензируемым в Scopus и WoS. Для них обязательно включать DOI. В том числе 2-3 работы, опубликованные за последние 3-5 лет.

Подчёркиваем, что все данные требования носят рекомендательный характер, но крайне желательны.

Особая просьба для авторов: **в статье обязательно должны быть цитаты и ссылки на тексты предыдущих журналов «Мифологос» и сборников конференции «Миф в истории, политике, культуре».**

Выдвигая данное требование, организаторы исходят из того, чтобы авторы сборника и участники конференции знакомились с работами тех исследователей, которые занимаются изучением близкой им тематики.

Помимо этого, считается важным **начать или закончить статью таким теоретическим обобщением, которое касается ключевых вопросов мифа и мифотворчества, их онтологических, эпистемологических и аксиологических начал.**

Требования к оформлению текста статьи

Объём текста статьи от 0,5 до 1 усл. печ. л. (20-40 тыс. знаков), шрифт Times New Roman, кегль **13**, интервал одинарный. Поля со всех сторон 2 см. Абзац: 1,25 см.

Элементы оформления статьи: УДК, DOI: (слева без отступов), пустая строка, ЗАГОЛОВОК (заглавными буквами, жирным шрифтом, по центру), пустая строка, фамилия, имя, отчество автора (жирный шрифт), место работы, в скобках – город, страна. Пустая строка. Аннотация и ключевые слова (шрифт 12) на русском и английском языках, пустая строка. Основной текст (13 шрифт с отступом), пустая строка, Литература (жирный шрифт, по центру без отступов), пустая строка. После указанных данных точка не ставится.

Уточним детали.

В левом верхнем углу (**без отступа**) построчно указываются: УДК (нежирным шрифтом) и DOI (без указания номера), в центре жирным шрифтом, заглавными буквами – НАЗВАНИЕ, через строку – фамилия, имя, отчество автора, ниже – (нежирным шрифтом, прямая строка) название научного учреждения. Город, страна даются в скобках.

Аннотация +ключевые слова.

Затем все эти данные на английском языке.

Страницы не нумеруются.

После текста статьи и списка литературы пишутся полные данные автора. ФИО полностью (жирным курсивом, с отступом).

С новой строки: должность с местом работы (в случае, если участник не работает в научной сфере или не имеет научной степени, пишется «исследователь»), научная степень, ученое звание, в скобках: город проживания и страна. С отдельной строки – e-mail

Название научного учреждения пишется полностью в соответствии с официальным названием.

Пример оформления статьи:

УДК 94(47)

DOI:

МИФЫ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Иванов Иван Иванович

Ивановский государственный университет имени Ивана Иванова
(г. Иваново, Россия)

Аннотация

Текст

Ключевые слова: слова

MYTHS ABOUT IVAN THE TERRIBLE

Ivanov Ivan Ivanovich

Ivanov Ivanovo State University (Ivanovo, Russia)

Abstract

Key words:

Введение

Текст статьи....

Литература

Список литературы (с отступом и без нумерации)

Список литературы под заголовком «Литература» приводится в конце текста. **Источники в списке приводятся по алфавиту**, список оформляется по приводимому ниже примеру. **Нумерация списка литературы не делается.** Количество страниц в упомянутой литературе обязательно. Место (город) издания пишется полностью.

Кьеркегор С., Мэй Р. Очищение страхом или Экзистенция свободы. Москва: Литрес, 2022. 260 с.

Зайченко С.С. Художественный кинодискурс исторического жанра в пространстве семиосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013, № 7 (25): в 2-х ч. Ч. 1. С. 69–72.

Бодрийяр Ж. Эстетика иллюзий и эстетика утраты иллюзий // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. // [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3090> (дата обращения: 07.07.2021).

Ссылки на список литературы в тексте отмечаются в квадратных скобках с указанием страницы, на которую делается ссылка (при необходимости): [Найдыш 2021: 364], где сначала пишется фамилия автора, потом год издания статьи или монографии, а затем после двоеточия количество страниц. В случае, если у цитируемого автора используется две и более работ одного года издания, пишется [Ставицкий, 2012а] или [Ставицкий 2012б: 315], и т.д.

После Литературы обязателен *Literature*, т.е. перевод литературы на английский язык.

Английские слова (существительные, глаголы, прилагательные) в названии должны начинаться с заглавной буквы.

После издательства должно идти уточнение Publ.

Количество страниц в статьях обозначается Pp.

После отечественных работ должно быть добавлено (In Russian).

В целом текст должен выглядеть так: *Stavitskiy A.V.* Ontology of the Modern Myth. Sevastopol: Ribest Publ. 2012. 543 p. (In Russian).

Варианты оформления литературы

Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд.. Москва: Республика, 1994. 527 с.

Антология мировой философии: В 4 т. Москва: Мысль, 1969. Т. 1. 576 с.

Иванов В. Ницше и Дионис // Иванов В. Родное и вселенское. Москва: Республика, 1994. С. 26–34.

Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Мифы народов мира: энц. в 2 т., Т.1. С. 652–662.

Разлогов К. Контексты культуры. Образы Америки? // Искусство кино. 2006. №10. С. 12–14.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Лекция Георгия Гачева. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (дата обращения: 21.02.2018).

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с. DOI: 10.35103/SMSU.2021.86.74.001

Особая просьба авторам:

1) Обратите внимание на тире в тексте и при разделении страниц в списке литературы. Тире (–) не должно подменяться дефисом (-).

2) Проверьте все интервалы между слов, чтобы не было двойных и более.

3) **Пожалуйста, вычитайте свой текст и проверьте соблюдение правил, т.к. редакция текстов, которые не вычитаны авторами, забирает много времени при проверке и отодвигает сроки выпуска сборника и журналов.**

Помните, что организаторы не только несут затраты на рецензирование статей, редакторские услуги, предоставление журналу ISSN и статьям международного индекса DOI, размещение статей в научной электронной библиотеке www.elibrary.ru и в других базах данных, рассылку электронной версии сборника трудов в библиотеки РФ и других стран, но и тратят огромное время на проверку, рецензирование, вычитку и редактирование присланных вами текстов.

В связи с этим просим помочь редактору точным соблюдением всех указанных требований и вычитать текст своей статьи насколько это возможно.

Научное интернет-издание

МИФОЛОГОС.

**Серия «Человек мифический: антропология, психология,
когнитивные исследования»**

№ 2 (6), 2023. 189 с.

MYTHOLOGOS.

**"The Mythical Man: Anthropology, Psychology,
Cognitive Studies" series.**

no 2 (6), 2023. 189 p.

На обложке журнала использована фрагмент картины
Данте Габриэля Россетти «Леди Лилит»

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:

А.В. Ставицкий

Технический редактор:

О.А. Кузина

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе**

Подписано к публикации 20.06.2022 г.

Формат 70 x 108 1/8

Объем 28 п.л., уч. изд. л. 26,8.

Распространяется через сеть Интернет